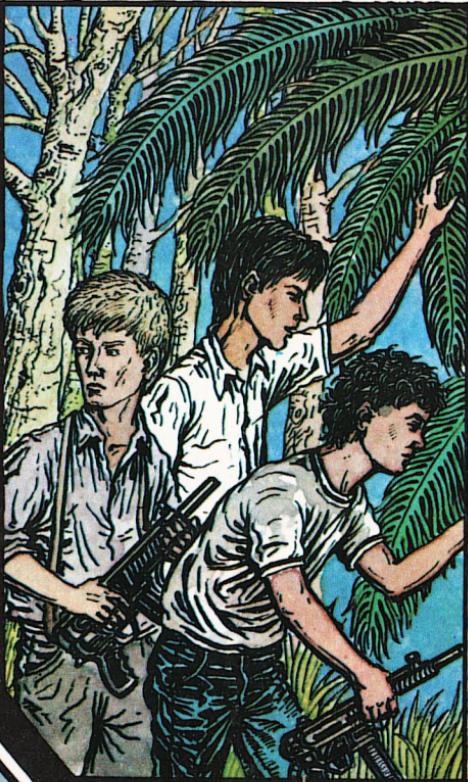

Эдуард Скобелев

Пацаны купили остров

Библиотека
приключений
и фантастики

Библиотека
приключений
и фантастики

Эдуард Скобелев

Пацаны
купили
остров

Повесть,
рассказы

МИНСК
«ЮНАЦТВА»
1989

ББК 84 Р7

С 44

Серия основана в 1982 году

Для среднего и старшего школьного возраста

Художник В. П. СЛАУК

Скобелев Э.

С 44 Пацаны купили остров: Повесть, рассказы: Для сред. и ст. шк. возраста/Худож. В. П. Слаук.— Мн.: Юнацтва, 1989.— 207 с.: ил.— (Б-ка приключений и фантастики).

ISBN 5-7880-0209-5. /

В основе острожюжетной приключенческой повести многочисленные испытания, которые довелось преодолеть главным героям, волею обстоятельств оказавшимся на небольшом острове и вынужденным бороться за свое существование и за возвращение на родину.

Рассказы посвящены самым насущным для юного читателя проблемам — экологическим и нравственным.

С 4803010201—094
М 307(03)—89

94—89
ISBN 5-7880-0209-5

ББК 84 Р7

© Издательство «Юнацтва»,
1989.

ПАЦАНЫ КУПИЛИ ОСТРОВ

Повесть

«В жизни, как и в искусстве,
двух правд не бывает —
есть только одна правда».

Федор Шаляпин

В октябре прошлого года крупнейшие телеграфные агентства мира сообщили о катастрофе, которую потерпел авиалайнер компании «Эйр-Франс», совершивший рейс Мехико — Париж. Связь с самолетом была потеряна где-то вблизи Кубы, что послужило затем поводом для самых фантастических домыслов.

До сих пор остается непроясненной судьба экипажа и пассажиров: в день катастрофы у берегов Кубы и в юго-восточной части Багамских островов бушевал жестокий ураган, внезапно возникший и так же внезапно прекратившийся, — он остался полной загадкой для синоптиков обоих полушарий.

Мы упоминаем об этом событии по той причине, что оно послужило завязкой всей необыкновенной истории, о которой рассказывается в настоящей книге.

Правдивость истории не вызывает сомнений, и то могут засвидетельствовать ее участники, оставшиеся в живых.

ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ?

Очнувшись, Алеша долго не мог понять, где он и что с ним. Он видел небо, море, песок, торчавшие из песка острые скалы, слышал шум прибойной волны, но не соображал, что все это значит: как будто потерялся ключик, которым человек отворяет мир, чтобы увидеть его во всей целостности. Ни слабости, ни страха не испытывал Алеша — тело будто исчезло, и все же что-то тревожило, а он никак не мог догадаться, что именно.

Наконец он вспомнил, как летел в самолете, и сразу ощущил страшное бессилие, полную вымотанность, когда невозможно даже пошевелить рукой.

Лицо горело, будто расцарапанное, а затем смаzanное йодом. Он дотронулся до щеки — на пальцах

остались следы крови, кровь была на песке, на рубашке — странная, светлая кровь.

Голова раскалывалась, тошнило. Тяжело было дышать — грудь давила оранжевая подушка спасательного пояса.

«Видимо, волна протащила лицом по камням...
Хорошо, что хоть не захлебнулся...»

Волны покрупнее слегка приподнимали Алешу. Он испугался, что они могут утащить обратно в море, и решил было выпустить воздух из спасательного пояса. Но что бы он делал, если бы оказался в воде вновь?

«Отползти подальше...» Эта мысль пришла, когда из низких, сумрачных туч посыпался сильный дождь.

И вдруг Алеша догадался, что все его бессилие, вся его вялость — от жажды. «Пить», — одна эта мысль возводила в нем такой порыв, что он перевернулся на бок.

Большой, плоский, как стол, камень возвышался перед ним, дождь скатывался с камня по ложбинке.

Алеша подполз к камню, припал губами к воде.

Напившись, положил голову на руки и — крепко уснул.

Удивительное дело — он спал, спал глубоко, но одновременно думал о том, что с ним произошло, и память легко и свободно переносила от события к событию — без всякой последовательности.

Он вспомнил черную, как колодец, ночь, оглушительные удары волн и рев ветра. Во рту было горько от соленой воды, знобило от холода и страха. Он то взлетал вверх, то стремительно падал вниз, то оказывался под водою и тогда старался не дышать, ждал, пока его вновь вытолкнет на поверхность.

Вспомнил и о том, что еще совсем недавно был в полной безопасности и считал себя счастливым человеком: провожая его из Мехико домой, в СССР, отец пообещал, что купит ко дню рождения компьютер, который играет в шахматы на уровне мастера, — будет возможность посостязаться, поиграть любимые блицы. Правда, отец обусловил покупку отличной учебой и заботой о матери. Мать родила сестренку Танюшку, но занемогла — врачи запретили ей возвращаться в Мехико. Бабушка с Танюшкой

не справляется, и потому все надежды на него, на Алешу...

В Москву он летел с Иваном Васильевичем, товарищем отца, тоже работником советского торгпредства, веселым и добродушным человеком, который обещал отправить его из Москвы в Гродно, город, где Алеша родился и вырос, где сейчас были мать, Танюшка и бабушка...

Если он, Алеша, еще жив, то это заслуга Ивана Васильевича: когда самолет стало трясти, как телегу на ухабах, и в круглых оконцах заблистали молнии, Иван Васильевич надел на грудь Алеше спасательный пояс, который держал в кармане. Это был подарок какого-то фирмача, новинка — ее только собирались запустить в массовое производство. От существующих спасательных жилетов пояс отличался тем, что надевался за считанные секунды на любую одежду; при контакте с морской водой происходило автоматическое заполнение пояса легким газом, на плечевых лямках загорались сигнальные огни...

Алеша хотел поблагодарить Ивана Васильевича за заботу и за пояс, но самолет провалился в яму, а следом прямо в салоне вспыхнула ослепительная молния, и будто над самым ухом Алеши огромными ножницами разрезали огромный лист стали...

ДРУЗЬЯ ПО НЕСЧАСТЬЮ

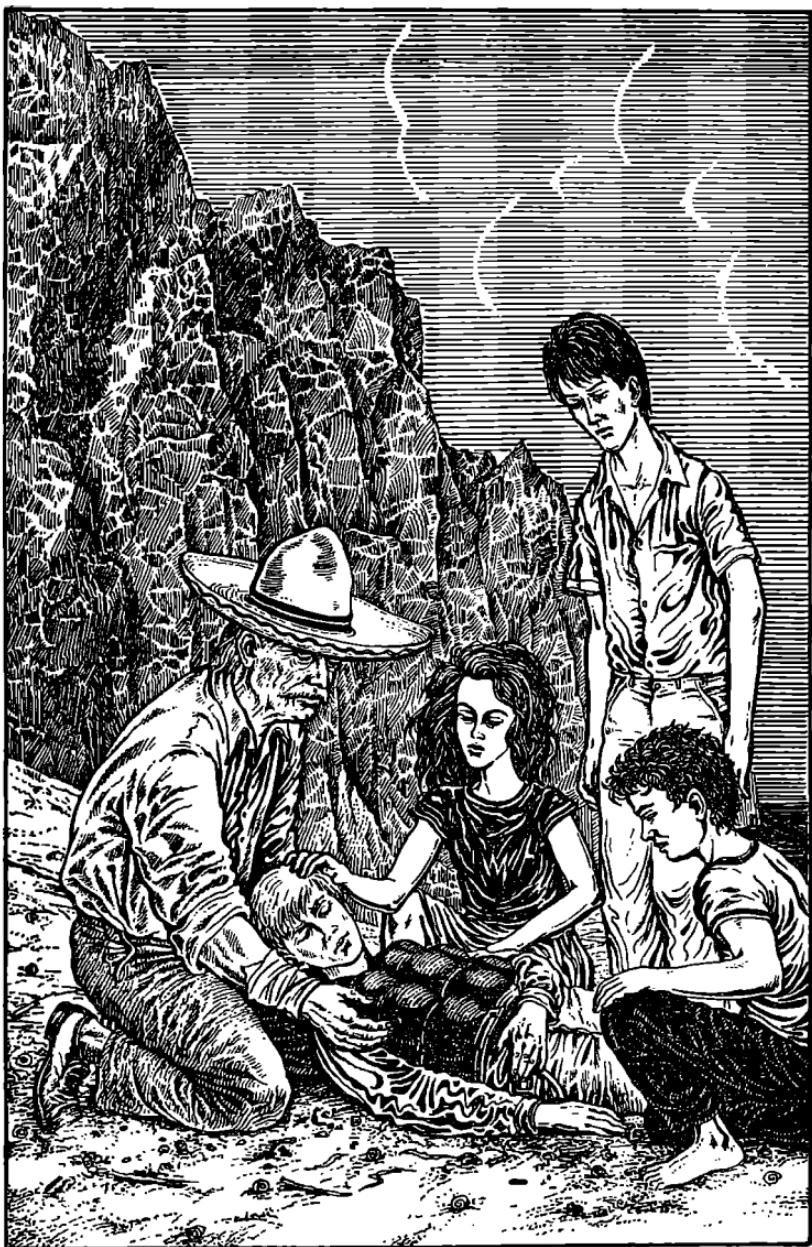
Очнулся Алеша от чьих-то настойчивых торможений. Он открыл глаза — над ним склонилось озабоченное лицо пожилого человека в сомбреро. Человек повторял по-испански: «Откуда ты, мальчик? Что с тобой?..»

— Кто вы? — в свою очередь тихо спросил Алеша. Он хорошо говорил и понимал по-испански: почти пять лет посещал мексиканскую школу, одновременно самостоятельно занимаясь по программе советской школы. — Где мы находимся?

— Он жив, он жив! — послышались голоса. — Я вам говорил, что он жив. К мертвым обычно подползают крабы...

«Какие еще крабы?» — подумал Алеша и попросил:

— Пить!

— Эй, Педро,— сказал человек в сомбреро.— Видишь, он хочет пить. Судя по всему, он здорово-таки натерпелся. Принеси-ка баночку гуаявы, ты знаешь, где я ее запрятал. Это будет как раз кстати. Последнюю баночку — наиболее пострадавшему.

Старик усадил Алешу на песке, прислонив спину к камню, и поднес к губам раскрытую банку со сладким соком. Алеша сделал несколько глотков и понял, что все происходящее не сон, а самая настоящая жизнь.

Теперь он хорошенько разглядел людей, которые окружали его. Кроме усатого старика в сомбреро тут были девчонка-подросток и два юноши: один низкорослый, толстый, другой — худощавый, высокий.

— Давай знакомиться,— подмигнув, сказал толстячок.— Меня зовут Педро... Это наш дядюшка Хосе. Это моя сестра Мария, а этот долговязый — брат Мануэль... Как твое имя?

— Меня зовут Алеша, Алексей... Я из Советского Союза... Вчера, кажется, вчера, ночью где-то здесь потерпел катастрофу пассажирский самолет... Я летел из Мехико домой.

Сочувствуя Алеше, старик и его племянники молчали.

— Может быть, кто-либо еще спасся,— неуверенно сказал Алеша.— Вы не из того самолета?

— Нет,— покачав головой, ответил старик.— Мы кубинцы. Три дня назад отплыли на моторной лодке из местечка под Пуэрто-Манати... Я не хочу причинить тебе лишней боли, парень, но если я видел именно твой самолет, то ты просто счастливчик... Самолет взорвался у самой воды.

Алеша зажмурил глаза. Непередаваемая боль сжала его сердце. Он подумал о людях, которые летели по своим делам, не подозревая, что летят на встречу смерти. Вспомнил Ивана Васильевича. «Почему все так жестоко?...»

— Послушай, компаньero руссо,— сказал старик,— сейчас не время лить слезы, все мы хватили беды, и еще неизвестно, сохраним ли жизни... У нас нет ни воды, ни пищи, и что это за остров, который случайно принял нас, мы не знаем. Что нас тут ждет, спасение или новые беды?

Тут только Алеша заметил, что все четверо его новых друзей едва держатся на ногах. Верно, и их немало побросало по морю...

Между тем начался новый ливень. Шум его заглушал все звуки.

— Пойдемте к нашей лодке, спрячемся в ней,— пригласил Педро.

— Спрятаться — нехитрое дело,— отозвался дядюшка Хосе.— Но чуть только разгуляется волна, нас унесет опять в море. А здесь сильное течение.

— Что же делать?— воскликнула Мария. Она дрожала от холода, и дядюшка Хосе нахлобучил ей на голову свое сомбреро.— Может, попытаемся еще раз вытащить лодку?

Кубинцы пошли к берегу. Алеша понял, что должен помочь им, но, пока поднялся, потерял их из виду.

Слuchaю было угодно, чтобы он пошел в противоположную сторону и увидел узкую и мелкую речушку, вытекавшую прямо из-под скал — в том месте образовалась довольно глубокая пещера.

Судя по всему, был отлив. Не вызывало сомнения, что во время прилива лодка его новых знакомцев, какою бы ни была, могла достичь подножия скал.

Превозмогая слабость, Алеша заторопился назад, к берегу. Кубинцы сновали вокруг большой моторной лодки — футов двадцати длиною, носовую часть которой закрывала палуба.

— Компаньero руссо пришел нам на помощь! — закричал Педро.

— Друзья,— сказал Алеша, показывая рукой,— там, совсем рядом, что-то вроде короткой реки. Дождавшись хорошего прилива, можно поставить лодку в безопасное место. Подняв, конечно, мотор.

— Мотор разбит, не действует, его уже не починить,— сказал старик.— Однако это дельная мысль. Давайте дождемся прилива, а я схожу посмотрю, точно ли там можно будет надежно укрыть наше суденышко. Какое ни есть, может статься и так, что без него мы никогда не выберемся домой.

Старик ушел, ребята забрались в лодку, самое сухое место уступив Алеше.

ПОКА ДЯДЮШКА ХОСЕ ОСМАТРИВАЛ БЕРЕГ

Лежали на деревянных нарах, застланных камышовой циновкой, монотонно шумел дождь. Педро со вздохом сказал:

— Для всех мы сейчас пропали, как Матиас Перес.

— Кто такой Матиас Перес, если, конечно, не секрет? — спросил Алеша.

Кубинцы засмеялись.

— Бедный компаньero руссо, — сказал Мануэль, — теперь наш брат всласть поточит свой длинный язык.

— Ты не прав, — возразила Мария. — Педро, как всегда, хочет есть, и ему полезно немного отвлечься.

Педро резко поднялся и сел. Засверкали в полуутьме его глаза.

— Самое последнее дело — если люди разговаривают, чтобы отвлечься... Ты спрашиваешь, кто такой Матиас Перес. Каждый на Кубе скажет тебе, кто это. Был такой человек, который на свои деньги построил воздушный шар. Опробовал его в полете, и шар так ему понравился, что он назвал его «Город Париж». Разумеется, этот Матиас Перес сроду не был в Париже, но ему подумалось, что в Париже на каждом шагу открываются такие же чудеса, как и с воздушного шара. 22 июня 1856 года Матиас Перес вновь поднялся на своем шаре в небо. И — бесследно пропал. Потому и говорят с тех пор: пропал, как Матиас Перес.

— Ясно, — сказал Алеша. — Что же, человек погиб, но оставил по себе хотя бы поговорку. И это немало...

— Моя мама говорит так: чтобы жизнь продолжалась, каждый должен оставить после себя светлую память и крепкую надежду.

— Это верно, — согласился Алеша. — Твоя мать — мудрый человек, если сумела внушить тебе такую мысль.

— Мудрый, мудрый! Почти как я, — засмеялся Педро. — И между прочим никакой не профессор, а медсестра в клинике для грудных детей. Это в Гаване. Мы там живем... Дядюшка Хосе стал помогать нам после смерти отца, это его младший брат. А до

того мы дядюшку почти и не знали. Он был важной птицей, несколько лет работал в Чехословакии.

— Он инженер? Или дипломат?

— Дядюшка? Нет, он художник. Но он участник революции, ему доверяли важные политические дела.

Алеша почувствовал, как погрустнели его новые приятели. Но спросить их прямо об отце он посчитал неудобным: не хотел бередить чужую боль. Спросил о другом:

— Чем теперь занимается дядюшка Хосе?

Ответила Мария:

— Он на пенсии. После смерти нашего отца в Майомбе он часто гостит у нас или приглашает на воскресный день к себе. У него ранчо в Матансасе. Он там рисует свои картины.

— Ранчо? Он ведет еще и хозяйство? — спросил Алеша.

— Это так просто называется — ранчо. Небольшой клочок земли вокруг дома, где растут цветы, — объяснил Мануэль. — Но дом нам очень нравится. Старинный дом из тесаного камня, и крыша у него из красной черепицы. Перед домом маленький фонтан. Правда, он давно испортился и не работает. За то дворик вокруг фонтана выложен брускаткой.

— Стоп, — сказал Педро, — а знает ли наш русский друг, что такое Майомбе?

Алеша, конечно же, не знал.

— Майомбе — это джунгли в Анголе. Огромные леса, в которых встречаются деревья-гиганты. По площади Майомбе уступает только лесным массивам Амазонии.

— Ваш отец был в Майомбе?

— Да, — сказала Мария. — Если честные люди перестанут помогать друг другу, общая свобода погибнет. Ваша страна помогала многим народам, в том числе кубинцам. Вы отрывали от себя самое необходимое. Я знаю, русские принесли огромные жертвы на алтарь общей справедливости. Русский для нас — тот, кто повсюду защищает правду от лжецов и свободу от угнетателей... Мы, кубинцы, верны примеру русской революции. Наш отец был в интернациональном отряде в Анголе. Там он погиб.

— Я читал про то, как кубинцы помогают народу Анголы,— сказал Алеша.— Ваш отец погиб от пули бандитов?

— Нет,— сказал Педро.— Он был шофером. В разгар сезона дождей, в феврале, отец вез древесину в Пунта-Негра, это уже на территории Конго. Он и еще два трелевщика. Реки вышли из берегов, и его грузовик перевернулся. Отец был болен, у него случился приступ малярии, и, наверно, он что-то не учел. Пока вернулись его товарищи, он был уже мертв.

— Он все учел,— перебил его Мануэль.— Просто обстоятельства так сложились — несчастный случай.

Кубинцы умолкли и больше не трогали эту тему.

Когда дождь прекратился, Мария и Мануэль принялись вычерпывать воду из лодки, сливая ее в канистру.

— Что-то долго нет дядюшки Хосе,— сказал Алеша.

— Вероятно, он ищет что-нибудь съедобное,— предположил Педро.— Уже целых два дня мы ничего не ели. Умереть с голода — такая перспектива не утешает.

— Умереть, когда рядом море и лодка?— Алеша улыбнулся.

— Вот именно,— вздохнул Педро.— У нас, как назло, не оказалось запасной снасти. Ни единого крючка.

— А я всегда ношу при себе спички, крючки, леску и нож, на всякий случай,— сказал Алеша и стал ощупывать свои карманы. Он был в легкой рубашке и брюках, кеды были потеряны, а спасательный пояс снял дядюшка Хосе. Узнав, что пояс одноразового использования, он постарался не выпустить из баллонов ни малейшей порции газа.

Педро напряженно следил за Алешей.

— Ну что, где твое богатство?

Не так-то просто было извлечь содержимое из мокрого кармана. Но все же Алеша открыл молнию и достал плоскую круглую коробочку, в которой прежде хранились ниппеля и кусочки резины для заклеивания велосипедной камеры. Коробочка была обтянута вдоль притвора широкой полоской резины.

Наконец изумленному взору Педро был явлен совершенно сухой коробок спичек, моточком скру-

ченная леска и несколько бронзовых крючков разных размеров.

В этот момент все увидели дядюшку Хосе, бредущего по песку с опущенной головой.

— Сю-да! — радостно закричал Педро, размахивая руками. — Сюда, дядюшка! Мы спасены; у нас появилась рыболовная снасть!

Крик получился слабым, но стариk, будто расслушав слова, тотчас поспешил к мальчикам.

ТЕПЕРЬ НЕ ПРОПАДЕМ!

Дядюшка Хосе по достоинству оценил Алешину богатство.

— Теперь не пропадем, — воскликнул он, улыбаясь. — Если бы ты, компаньero, извлек из карманов пригоршню алмазов или целую кафетерию, я был бы удивлен и обрадован гораздо меньше... Должен сказать, ты не ошибся и с этим руслом. Это, действительно, русло реки, из чего я заключаю, что наш островок отнюдь не мал и, следовательно, населен... Итак, пресная вода имеется, недостает только рыбы...

Всех терзал голод. Сделав две простейшие удочки, дядюшка Хосе и Мануэль занялись рыбной ловлей. Мария помогала им, выискивая под камнями живность, которую можно было бы нацепить на крючок для приманки.

Стоило отойти на веслах в море, успех был бы обеспечен, но сил таких не было ни у кого. К тому же опасались течения или шторма.

Алеша и Педро между тем выполняли свою работу — готовили очаг. Это было непросто — обеспечить корм для огня в наступивший сезон дождей.

Все же возле скал были собраны водоросли, найдено несколько кусков мангровника, из бака разбитого лодочного мотора слили около литра горючей смеси. Принесли пресной речной воды.

— Как только будет рыба, разведем костер и поставим рыбу на огонь, — потирая руки, говорил Педро. — Варить ее надо хорошо. Дядюшка прав: рыба может быть заражена сигуатерой, а это очень опасно, особенно для истощенных людей.

— А если они вернутся без улова?

— Этого не может быть.

— Но почему?

— Потому, что у Педро давно уже текут слюнки...

Рыба была поймана. Широкомордая, с колючими ярко-красными плавниками. Фунтов пяти весом. Дядюшка Хосе затруднялся определить название рыбы, но уверял, что она, безусловно, съедобная.

Вспыхнул огонь, запылал мангровник, забулькала вода, разделанную рыбу опустили кусками в ведро...

После долгого голодания нельзя сильно наедаться — это знает каждый цивилизованный человек. Всем досталось по доброму куску рыбы, и хотя Педро просил дать ему еще «порцию», дядюшка Хосе остался неумолим.

Мануэль подшучивал над братом, но Педро нисколько не сердился.

— Бери с меня пример, Алеша. Властвует над своею судьбой — кто властвует над собою, над своими желаниями и чувствами. Если хочешь увидеть такого человека, знай, он перед тобой... Конечно, это непросто — управлять собою, это не по силам для того, кто не знает, чего хочет от жизни, и плывет по волнам случая. Но Педро, поверь, предан всей душою прекрасной мечте и потому без труда подчиняется страсти своим замыслам...

Дождавшись прилива, провели лодку вдоль берега и подняли ее по каменистому руслу до самой пещеры.

— Вы спрашивали, отчего я так долго бродил по берегу, — сказал дядюшка Хосе. — Я обследовал пещеру и нашел, что это лучшее из имеющихся у нас пристанищ. Мы не можем всецело полагаться на волю рока. Чуть окрепнув, будем искать людей и просить их о помощи.

ПЕДРО РАССУЖДАЕТ О ЧЕЛОВЕКЕ

Пещера имела уже то неоспоримое преимущество, что тут было сухо, когда снаружи шел дождь.

Правда, во время прилива поднимался уровень реки, и сухое пространство, где можно было сидеть или лежать, тотчас уменьшалось — до пяти-шести квадратных метров, не более.

Осмотрев пещеру с помощью факела из ветоши, найденной в лодке в ящике с инструментом, Педро заявил, что река питается дождовыми стоками, остров не особенно велик, но прежде, миллионы лет назад, был более обширным.

Все удивились такому заключению. Алеша сказал:

— Дон Педро, я поражен основательностью ваших познаний.

— И я тоже,— важно кивнул Педро.— Разумеется, я достаточно настойчив и последователен, но дело не во мне — дело в могущественных силах природы, которым нет ни конца ни краю. Повелевая собой, каждый человек способен повелевать этими силами.

— Это правда,— согласился Алеша.— Когда я жил в Мехико и учился в мексиканской школе, я посещал «Центр мудрости» Диего Альвареса. Нас было двое подростков, остальные взрослые. Но мы преодолели стеснение и узнали много интересного о человеке и его духовном мире.

— Ничего не слышал о Диего Альваресе,— в раздумье проговорил Педро.— Мне известны имена всех крупнейших мыслителей современной Латинской Америки, но о Диего Альваресе я не слыхал. Не исключено, что это один из мошенников, которые подвизаются в этом всегда модном и доходном бизнесе — обучении людей умению владеть своим телом и духом. Кто не хочет достичь пика своих возможностей? Только полный дебил. Счастье жизни — когда человек полностью раскрывает все свои творческие возможности. Счастье — творить по своей воле.

— Крепко же ты навострился в беседах на подобные темы,— покачав головой, сказал дядюшка Хосе.— Я всегда знал тебя как изрядного болтуна, но в роли ученого-человековеда вижу впервые. Не рано ли, дон Педро?

— Сегодня рано, завтра поздно, дорогой дядюшка,— усмехнулся лукавец.— Дай еще рыбки, и я изложу тебе некоторые истини, о которых ты наверняка давно позабыл, между тем как о них следует помнить постоянно... К мысли, как и к музыке, нужно обращаться как можно раньше. Иначе слух

на мысль полностью пропадает. Ведь мысль — та же музыка...

С общего согласия Педро получил еще кусочек рыбы. Он вымыл в речной воде руки и с наслаждением принял за рыбку.

— Важно не то, что ешь, — говорил он, выплевывая кости, — а то, как ешь. Есть автомобили, которые на сто километров потребляют десять-двенадцать литров лучшего бензина, но есть и такие, которым довольно двух-трех литров самой обыкновенной солярки, хотя конструкция мотора в принципе почти одинакова. То же самое и с человеческим организмом. Есть люди, которые много потребляют и мало дают. Однако есть и такие, которые довольствуются самым малым, но способны на удивительные вещи. И весь секрет — состояние психики, уровень организации духовной жизни... Всякое значительное дело требует большой любви и желания. Когда горит душа, можно достичь величайшего совершенства. Я слыхал, что иные люди способны использовать для питания своего организма углекислый газ. Удивительно, не правда ли?.. Талант, гениальность — это умение самонастраивать организм. Оно никому не дается просто так, как конфета или эскимо.

— Не может быть, — усомнился Мануэль. Согнувшись, он ходил вдоль ручья, собирая камни для очага — ему очень хотелось разложить в пещере настоящий костер. — Не может быть. Не может быть, чтобы человек сохранил свойства растения.

— Может, — отозвался из своего угла Алеша. Обилие событий и впечатлений так сильно повлияло на него, что он чувствовал себя почти как в театре, где каждый вынужден играть свою роль. И это тяготило. — Уж не скажу, мошенник или не мошенник сеньор Диего Альварес, но он внушил своим ученикам, что человек — частица мироздания и, как всякая частица, обладает всеми свойствами целого. И еще он учил, что пища — не единственный источник пополнения энергии человека. Сам сеньор Альварес по месяцу воздерживался от пищи, и это не только не снижало его творческих сил, но, напротив, увеличивало их. Он пил одну воду, но пил так, как мы еще не умеем пить. И самое удивительное — совсем не экономил свои силы, не лежал, как поступил бы всякий несовершенный человек, — он посто-

янно расходовал энергию, и она, тем не менее, восстановливалась и даже возрастила.

— Удивительно,— усомнился Мануэль.— Иные глупцы, поверив в басни, начинают голодать без всякой подготовки, и это кончается трагедией.

— Это все хитрые трюки,— предположила Мария.

— Нет, друзья,— сказал Педро,— это не хитрые трюки, это конкретные знания, помноженные на силу духа... Скажи, Мария, скажи чистосердечно, ем ли я больше, чем Мануэль?

— Нет, совсем нет, если не считать, что ты второй раз ужинаешь, когда все спят.

— Вот,— сказал Педро, ничуть не смущаясь,— а между тем мы от одной матери и одного отца. Мануэль — тощий, и хотя выше меня ростом и шире в плечах, он не одолеет меня ни в борьбе, ни в беге, ни в плавании. Верно я говорю, Мануэль?

— Пожалуй,— проворчал Мануэль.— Хотя ты, дон Педро, изрядный задавака.

— Я не задавака, я хочу доказать каждому, что он глупее и слабее самого себя в десять, а то и в двадцать раз, потому что ленив и лишен гордости. Человек, который не уважает себя как великое творение своей матери и всей земли, не способен ощутить свои силы, осознать их и пользоваться ими... Лично я обладаю способностью подзаряжаться от дождя, воздуха, солнца, воды, выпитой в положенное время, в положенном количестве и положенным способом, но более всего я подзаряжаюсь энергией от людей, потому что люблю людей, ненавижу всяких подлецов и не терплю несправедливости.

— Я тоже люблю людей и ненавижу несправедливость,— сказал Мануэль, пожав плечами,— но я не получаю от людей никакой энергии. Во всяком случае мне так кажется...

— Это только кажется,— сказал Педро.— Наука не приходит сама по себе. Тут есть секреты, о которых, может быть, со временем я сообщу тому, кто их достоин. Хотя мои познания еще очень и очень ограничены. Действительно, совершенный, истинно мудрый человек способен жить без пищи продолжительное время. Разумеется, не столь долго, как черепаха. Но и для него воздух и свет значат нечто большее, чем для обычного человека.

— И еще вода,— добавил Алеша.— Вот потрясающий энергетический источник — обыкновенная вода. Не всякий человек знает это: загрязняя все на свете, в том числе и воду, он отрезает себе путь к спасению... Если люди выживут, а они выживут непременно, если каждый из нас захочет стать иным, совершенным человеком, все вокруг решительно переменится. Все необходимые постройки и машины будут делать из кремния, и каждый водный источник станет целебным.

— Слушаю вас, ребята, и поражаюсь,— вмешалася в разговор дядюшка Хосе.— Я кое-что тоже знаю и кое-что тоже повидал. Но, пожалуй, впервые вижу, как люди, попавшие в беду, спокойно ведут беседы на небесные темы.

— Простите, дядюшка, на земные темы, имеющие, быть может, главный смысл для нашего спасения... Питая дух, питаем тело, и тогда оно питает дух... Не правда ли, именно наша беседа показывает, что наши судьбы прежде всего в наших собственных руках и, чтобы добиться цели, мы должны лишь целенаправленно действовать?

— Как это «целенаправленно»? — удивилась Мария.

— А вот так,— уверенно продолжал Педро.— Надо с каждым шагом приближаться к цели, а не отдаляться от нее. Ведь чаще всего людям кажется, что они приближаются к цели, тогда как они все дальше уклоняются от нее, будучи слишком эгоистичными, а следовательно, и слишком близорукими. Не правда ли, компаньero руссо?

— Да, это, пожалуй, так.

— Как старший я более всех отвечаю за нашу судьбу,— сказал дядюшка Хосе.— Но я рад, что имею дело не с трусливыми и растерянными людьми, а с людьми гордыми и умными, которые сознают, что все зависит от их воли и умения... Я и сам слыхал, что обыкновенная вода обладает поистине волшебными свойствами. Пожалуй, большинство наших недугов порождается главным образом тем, что мы пьем плохую воду,— отсюда сбои в работе организма. Удивительна вода, но еще более удивительны свойства человеческой нервной системы или воли... Человек живет на стадии зверя, пока не представляет, какое это могучее орудие и какой великий долг

перед всем и всеми — его сознание. Внутренние ресурсы человека — неисчерпаемы, это верно. Верно, что мы часто проживаем жизнь, не зная, как раскрепостить свои силы. Оттого все мучения... Ни учеба, ни воспитание ничего не дадут, если не будет главного — желания достигнуть высот. Прав я или нет? Человек — всегда то, чем он хочет быть, если очень хочет и ничего для этого не жалеет.

— Ты говорил, что я тороплюсь, желаю знать больше того, чем могу, — подхватил Педро. — Я считаю, дядюшка, торопиться мыслить нельзя. Наоборот, можно лишь отставать мыслить, опаздывать... Кто упустит время развития своего слуха, тот потеряет себя для великого мира музыки, для гармонии чувства, наполовину сократит великолепие своей жизни. И тот, кто упустит время развития своей самостоятельной мысли, кто с юных лет не откроет ее красоты и силы, не полюбит ее, тот отторгнет от себя большую половину мира, потому что мир, по крайней мере, на две трети состоит из мысли, из превращений духовной энергии... Люди — бедные, когда у них нет ни хлеба, ни дома. Но они еще беднее, когда в их сердце нет ни великой музыки, ни великой мысли. И если первые могут еще выкарабкаться из бедности, то вторые — обречены на вечную нищету.

— Как это? — не поняла Мария.

— Очень просто. Мир состоит из трех равновеликих частей: прошлого, будущего и настоящего. Настоящее мы видим глазами и чувствуем душою, прошлое — сердцем, будущее — совестью.

— Мое настоящее больше моего прошлого и будущего, — сказала Мария.

— И у меня будущее никак не набирает трети, — задумчиво сказал Мануэль. — Прошлое гораздо больше настоящего.

Дядюшка Хосе покачал головой:

— Мануэль, у меня точно такое же ощущение, но поверь, дружок, это от нашего несовершенства. Человек не может считаться нормальным, если у него непропорционально велико либо настоящее, либо прошлое, либо будущее. Верно я говорю, Алеша?

— Мне кажется, верно. Кто слишком озабочен настоящим в ущерб будущему и прошлому, тот эгоист. Вообще, недалекий человек. Кто живет только

прошлым, тот ограничен. Кто живет только будущим,— фантазер...

На ужин дядюшка Хосе раздал остатки рыбы и предупредил Мануэля и Марию о том, что разбудит их на самой заре — пришла пора подумать о новом улове...

АЛЕША УЗНАЕТ О ЗЛОКЛЮЧЕНИЯХ СВОИХ ДРУЗЕЙ

Всю ночь ливня лил дождь — в пещеру задували порывы влажного, холодного ветра, приносили запахи океана.

Крепкий сон вернулся силы Алеше. Конечно, катастрофа не выходила у него из головы, но он — по совету дядюшки Хосе — заставлял себя думать о насущных заботах людей, выброшенных судьбой на неведомый остров.

На рассвете он и Педро поднялись вслед за рыбаками и обежали весь песчаный мыс — искали то, что могло поддержать огонь. Им повезло: прилив выбросил на скалы верхний кусок мачты какого-то мелкого суденышка и деревянный ящик с ячейками для бутылок.

— Возможно, это ящик с самолета,— вздохнув, предположил Алеша.

— Но мачта определенно не наша,— засмеялся Педро.— На нашей не было клотика.

Желая отвлечь товарища от грустных раздумий, он начал рассказывать, какую беду пришлось вытерпеть в море ему, Мануэлю, Марии и дядюшке.

«Накануне наша мама разговаривала с дядюшкой по телефону, и он пригласил всех приехать к нему на ранчо в Матансас. «Проведете конец недели в райском уголке,— пообещал он.— Выйдем в море порыбачить. Все заботы беру на себя и, если согласны, заранее куплю обратные билеты на автобус». Мама согласилась: она хотела порадовать нас путешествием, но ее не отпустили с работы. Кто-то там заболел или уехал, короче, ей выпали подряд два дежурства. А мы, конечно, уже настроились на поездку. «Ну, ладно, дети,— сказала она.— Поезжайте сами. Ты, Педро, за старшего». Она всегда считает меня старшим, хотя Мануэль появился на свет раньше меня на два года и семнадцать дней.

«Поезжайте, а я приготовлю к вашему приезду чего-нибудь вкусненького».

Ну, мы и поехали. Дядюшка встретил нас на остановке, хотя мы здорово опоздали, и очень огорчился, узнав, что не будет матери. У него появились свои неожиданные планы, знаешь, у этих художников всегда какие-нибудь сумасбродные планы, я не имею в виду только дядюшку, все его приятели — какие-то блаженные люди: вечно возбуждены, кого-то бранят, кем-то восхищаются, и вот это-то мне больше всего непонятно: бранят или восхищаются, пьют кофе и говорят-говорят, но, заметь, никогда не садятся за работу, чтобы посрамить одних и поддержать других. Так вот, дядюшке предложили как раз заменить его картину, которая была выставлена в Национальном музее изящных искусств. Уж не знаю, по какой причине заменить, но он очень расстроился. Но поскольку мы приехали, а он человек слова, этого у него не отнимешь, он плонул на все дела и попросил у знакомого рыбака лодку. Скорее всего даже арендовал ее, потому что я сам видел, как он совал в карман рыбаку десять песо.

По замыслу дядюшки мы должны были выйти в море на лангустов с бывалым рыбаком, сам-то дядюшка не рыбак, и если бывал в море, то чаще всего не со снастью, а с альбомом или мольбертом. Короче, когда быть беде, нагромождаются всякие случайности. Рыбак оказался болен, а мы очутились в море, имея самые слабые навыки в управлении мотором и лодкой.

Никакая остерегающая мысль никому, разумеется, не пришла в голову: утром был штиль, и залив, в котором мы собирались порыбачить, более напоминал большой таз, чем уснувший свирепый океан.

Мануэль или я управлялись с мотором, а дядюшка забрасывал снасть, но все неудачно, все мы приуныли, разморенные жарой и сверканием бесконечных вод. Однообразие притупило здравый смысл, и когда небо затянули облака, мы даже обрадовались, тем более что у выхода из залива на крючок попалась первая добыча: серебристая рыба игла, этак фунтов на шесть-семь весом. Только дядюшка затащил ее в лодку, она сорвалась с крючка. Мануэль поднял деревянную дубинку, чтобы оглушить

рыбу, но ударил слабо и неточно: рыба прынула в воздух, перелетела через борт и исчезла в волнах.

Все досадовали, но больше всех Мануэль.

Тогда дядюшка Хосе приладил леску к запястью, насадил наживку из крабьего мяса, поправил блесну и вновь закинул снасть, указав мне править к выходу из залива в открытое море. И вдруг лицо дядюшки искалилось страшной гримасой, он скорчился, хватаясь обеими руками за борт. Мы поняли, что на крючок попалась большая и сильная рыба.

Я убавил скорость, а потом и вовсе заглушил мотор. Все мы стали свидетелями рокового поединка: лодку легко тащила какая-то гигантская рыба. Временами она отпускала леску, но затем рывком бросалась в сторону, лодка дергалась, беспомощно разворачивалась, готовая вот-вот перевернуться.

Всеми нами овладел азарт. «Это, наверно, редкостный экземпляр тунца или меч-рыбы», — повторял дядюшка Хосе: леска на его руке затянулась, рука посинела, я советовал закрепить как-либо леску на носу лодки и освободить руку.

Опасность мы почуяли, оказавшись в открытом море. «Посмотрите, какие волны, — изумленно закричала Мария. — Наверно будет шторм!»

Все стали озираться, оценивая обстановку, как раз в этот момент незримое морское чудовище резко потянуло вглубь, дядюшку Хосе сбило с ног, проволокло по палубе и ударило о мачту, за которую он уцепился почти инстинктивно. Он закричал от боли. Все решали мгновения. Леска могла или перерезать руку, или сбросить дядюшку в море — он наверняка погиб бы в морской пучине. Да и то, что лодка не перевернулась, а только накренилась бортом, было чудом, которое не могло больше повториться.

Скажу тебе, я осталенел, представив все возможные последствия. Положение спас Мануэль. Ударом ножа он перерубил леску, а тут и я подоспел.

Дядюшка лежал в лодке скорчившись, лицо серо-белое — такое бывает у мертвцев. Мы освободили его руку. Возле запястья кожа была надрезана, будто бритвой, до самой кости. Удивительно, но кровь не шла, это, наверное, от шокового состояния. Честно говоря, было отчего испугаться.

«К берегу, скорее к берегу», — очнувшись, произнес дядюшка, поглядел на меня мутным взглядом и подмигнул. Это я хорошо запомнил, может, это и удержало меня от паники, и я стал за руль, понимая, что теперь на меня легла вся ответственность.

Мотор никак не запускался. Мне пришлось на веслах держать лодку кормою к волне, пока Мануэль возился с мотором, ничего в нем не понимая.

Наконец выяснилось, что течением нас быстро уносит все дальше в море. Все мы перетрусили, я поклялся, что, если мы спасемся, изучу все системы лодочных моторов, вообще, стану мастером на все руки, чтобы снова не попасть когда-либо впросак.

Мы выбились из сил, но не одолели течения. Я поднял парус, но вода уже вокруг кипела, дали подернулись грозной мглой и ветер усилился.

Люди говорят: «В каждом раю есть свой ад». Вот тогда я понял, что это такое, взбесившееся море. Пока оно ласкает, ты кажешься себе всемогущим. Но если отказывается повиноваться, ты уже ничто перед ним.

Порывом ветра сорвало парус и выбило мачту из своего гнезда. Металлическая растяжка до крови секнула Мануэля по ноге. Но всего хуже было то, что при падении мачта ударила крюком по крышке мотора. Механическое повреждение было настолько серьезным, что перестало прокручиваться магнето.

Дядюшка Хосе, к тому времени перевязавший руку, утешая, говорил, что нам еще повезло: мачта могла изуродовать кого-либо из нас.

Мария сидела под носовой палубой, плакала, но упрямо вычирпывала воду. Она плакала от страха за нас, а не за себя, вот что интересно.

Мы попали в полосу свирепого шторма. Лодку швыряло, как щепку. Вверх — вниз, вверх — вниз, выворачивая всю требуху наизнанку. Мы выдохлись, обессидали и не могли уже держать руль. Если бы шторм не прекратился, мы бы, без сомнения, перевернулись и пошли ко дну.

В полной тьме утлое суденышко несло по волне провидения. На рассвете мы увидели скалы вот этого острова и, взявшись за весла, подошли к берегу. И сразу же обнаружили человека в спасательном поясе — волны то выбрасывали его на песок, то

утаскивали обратно в море. Это был ты, компаньоно руссо. Ты был без сознания».

— Вы спасли меня,— сказал Алеша,— спасибо вам.

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ГЛУБЬ ОСТРОВА

Ели вареную рыбу и запивали юшкой из ведра. Первоначальная ошеломленность и чувство грозящей гибели отступили. Все были полны надежды.

— Вот теперь мы сделаем вылазку в глубь острова,— сказал дядюшка Хосе.— Мне кажется, сил у нас для этого уже вполне достаточно.

— Как ваша рука?— спросил Алеша, обратив внимание на то, что запястье левой руки художника перевязано платком.

— Ты знаешь о нашей истории?.. Представь себе, мой друг, рана затянулась. Вероятно, ей было не до нас.

— Скорее всего от того, что тебе было не до нее,— сказал Педро.— Хвори проходят быстрее, когда не до них.

— Забудем о своих личных бедах,— сказал дядюшка Хосе.— Подумаем лучше, как преодолеть общие трудности... Я предлагаю немедля отправиться на разведку. Втроем. Мало ли что может подстеречь. Как говорят на Кубе: «Кон ля гуардия эн альто! Выше бдительность!»

— Согласен,— кивнул Педро.— Но сейчас идет дождь. Что можно увидеть при дожде?

— Если уж мы решили идти на разведку, нужно идти как можно скорее,— возразил Алеша.— Всякий час промедления сокращает наши шансы. Не исключено, что не одни мы хотим узнать, где находимся. Кто-то, быть может, хочет уже знать, что за люди прибыли на их остров?

— Нас могли заметить,— сказала Мария.— Правда, почти все время шел дождь. Но дождить будет, по всей видимости, и завтра...

На разведку отправились Педро, Мануэль и Алеша.

Узкая песчаная коса, на которую море выбросило Алешу и где пристали кубинцы, была отгорожена от остальной части острова высокими скалами, почти отвесно уходившими в море по сторонам от косы. Но

посреди косы скалы не были такими неприступными.

Итак, все трое выбрались из пещеры и стали карабкаться по камням — все выше и выше.

Подъем к вершине был необыкновенно трудным, потому что обувь была только у Мануэля, — на изъеденных ветром скалах легко было поранить ногу. Да и силенок было в обрез. Тем не менее через полчаса разведчики оказались на вершине. Тут, следуя совету дядюшки Хосе, они спрятались и стали дожидаться, пока прекратится дождь и установится хорошая видимость.

Удача сопутствовала им. Едва они расположились передохнуть, дождь прекратился и выглянуло солнце — влажная дымка стала рассеиваться.

— Я близорук, — сказал Педро. — Ступай, Мануэль, да внимательно рассмотри, как и что, чтобы при случае начертить план острова.

— Я пойду с ним, — вызвался Алеша.

Со скал открылся великолепный вид: остров протянулся в виде узкого треугольника с востока на запад миль на десять. Западный угол оканчивался песчаной косой, два других угла, северный и южный, терялись вдали. Всю центральную часть острова покрывала густая растительность. Примерно в середине острова сверкало озеро. К северу от него виднелась какая-то постройка под красной черепичной крышей.

Мануэль и Алеша вернулись и рассказали Педро обо всем, что видели.

— По всей видимости, остров необитаем, — предположил Педро. — Судя по вашим словам, не чувствуется присутствия человека... Постройка? Г-м, это может быть автоматическая станция слежения или что-нибудь еще в этом роде.

Алеша доказывал, что в Атлантическом океане практически нет безлюдных островов, тем более с такой экзотически пышной и девственной растительностью.

— Тем более, — настаивал Педро. — Остров сохраняется как заповедник. Если здесь и бывают люди, то только не в период дождей. Можем идти смело, не таясь...

Спустились со скал и очутились в густом сосновом лесу. Животные не попадались, но птиц было множество.

— Слышите, — приостановившись, Педро поднял палец. — То-ко-ро-ро, то-ко-ро-ро!.. Это токороро, в древности ее называли гуатини. У нее яркое, многоцветное оперение. Эта птица любит безлюдные места, что опять-таки подтверждает мою догадку.

— Уж такой ты человек, дон Педро, — насмешливо сказал Мануэль. — Стоит тебе набрести на какую-либо мысль, ты отыскиваешь все новые и новые доводы в ее пользу.

— Чем же это плохо?

— Не знаю, чем плохо, только мне, братец, это совсем не нравится. Не люблю, когда навязывают мнение. Так и кажется, будто лезут руками в душу.

— А если истина?

— Истину нужно доказывать, а не навязывать. Сердце никогда не отвергает правды...

Разведчики шли по каменистой красновато-буровой земле, мечтая о том, чтобы встретить радушного крестьянина, который накормил бы и дал уютное пристанище, как вдруг услыхали крики и стоны.

Мальчики остановились как вкопанные, залегли в густую траву. Теперь уже отчетливо донеслись голоса. Слов было не разобрать.

Прислушиваясь, мальчики довольно долго пролежали в своем укрытии. Наконец из-за деревьев показались два человека, оба бородатые, в шортах и в оливковых рубахах, оба в армейских кепи с длинными козырьками, оба с автоматами.

Переговариваясь между собою, эти люди уверенно двинулись в глубь острова. Чувствовалось, что местность им хорошо знакома.

— Ну, дон Педро, знаменитый Шерлок Холмс, что ты скажешь теперь? — спросил Мануэль, когда бородачи скрылись с глаз. — Какая дедукция и индукция возникает в твоих изощренных мозгах?

— Это пираты, — уверенno сказал Педро. — Они зарыли где-то здесь награбленные сокровища и убили третьего — очевидца. Не пройдет и часа, как они перегрызутся между собою.

— Что ж, — улыбнулся Мануэль. — Покажи нам тогда, пожалуй, местечко, где спрятано сокровище.

Я полагаю, оно не успело зарасти ни лесом, ни травою.

Но и это не смущило Педро.

— Ступайте за мной,— сказал он.— Что-нибудь мы обнаружим наверняка.

Через несколько минут Педро вывел ребят к тому месту, откуда недавно ушли вооруженные люди.

Жуткая картина предстала взору мальчиков: они увидели разрытый муравейник и связанного по рукам и ногам человека, лежавшего в нем. Человек еще шевелился, но каждое его движение только усугубляло положение: он еще глубже увязал в муравейнике. Полчища разъяренных насекомых облепили тело человека — это была медленная и страшная казнь.

Алеша вскрикнул от неожиданного укуса. Наклонившись, снял с ноги крупного красноватого муравья. Муравей извивался, грозно шевеля челюстями.

— Они сожрут его,— закричал Алеша, бросившись к несчастному.

Не обращая внимания на укусы муравьев, он выволок человека из муравьиной кучи и принялся очищать от насекомых. Лицо человека уже вздулось, глаза закрылись, изо рта у него торчал кляп.

Алеша и Мануэль перенесли несчастного подальше от муравейника и вытащили кляп.

Незнакомец — а он был тоже в таких же шортах и рубашке навыпуск, как и его палачи,— тотчас завопил благим матом.

— Не кричите,— приказал Педро.— Иначе вернутся ваши приятели!

— Черт бы побрал этих негодяев,— человек разразился бранью на испанском языке.— Скорее развязите меня, проклятые муравьи пожирают меня изнутри! Кажется, я умираю. О проклятье, проклятье!

— Где ваше оружие? — спросил Педро.

— У меня не было оружия!

— Если мы освободим вас, чем вы докажете свою преданность?

— Клянусь всеми чертами преисподней, я сделаю для вас все, что пожелаете!

— Черти нам ни к чему,— сказал Педро,— оставьте их для себя.

— Бога ради, развязжите, я не могу, я умираю!
Все тело горит и чешется!

Педро развязал ноги незнакомца. После этого его раздели и убрали с тела последних муравьев.

— Здесь неподалеку ручей,— сказал незнакомец,— позвольте омыть тело и напиться, и я отвечу тогда на все ваши вопросы. Но имейте в виду, мои мучители еще вернутся сюда. Они скоро вернутся...

Неподалеку, в низине, действительно протекал ручей. В одном месте он оказался довольно глубок. Незнакомец вошел в воду и стал плескаться и чесаться спиной о каменистый берег.

— Негодяи, какие негодяи!— повторял он.

— У нас мало времени,— сказал Педро.— Отвечайте на вопросы. Только покороче и поточнее. Что это за остров?

— Не знаю, сэр. Он принадлежит к группе Багамских островов. Меня привезли сюда для обслуживания Босса. Именно ему я не угодил. За малейшую оплошность они казнят человека и, разумеется, ни перед кем не отвечают. Таковы здесь нравы...

— Кому принадлежит остров?

— Королеве Великобритании, сэр. Я так думаю. Но это номинально.

— А фактически?

— Босс — единственный хозяин.

— Кто такой?

— Не знаю. Даже полного имени его я не знаю. Это очень богатый и очень влиятельный человек. Он стряпает дела еще более богатых и еще более влиятельных.

— Кто вы такой и как оказались на этом острове?— Педро великолепно вел допрос. Допрашиваемый, глядя на этого низкорослого, но напористого подростка, по всей видимости, не сомневался, что имеет дело с людьми, способными бросить вызов самому Боссу.— Итак?

— Я буду чистосердечнее, чем папа на исповеди у бога. Зовут меня Бенито. Бенито Костуриас, сэр, если быть очень точным. Я кубинец и служил у Батисты жандармом. Чаще всего мы не выбираем своей судьбы, не так ли? Меня судили в 1959 году и приговорили к смертной казни. Я сидел в тюрьме Комбинадо-дель-Эсте. Мне удалось бежать. Я поселился в Майами и выполнял, сэр, любую работу. За

гроши — даже самую грязную работу. Вы понимаете? Безмерно падение человека, которого лишают родины. Совесть есть до тех пор, пока есть родина. Никогда не верьте людям, у которых нет родины там, где они живут. Это продажные и гнусные твари, сэр...

— Эй, Бенито, — прикрикнул Педро. — Приберегите свои рассуждения до лучших времен. Как вы оказались в подручниках Босса?

— Меня завербовали. Точнее говоря, купили вместе со всеми потрохами.

— Чем вы вызвали гнев Босса?

— Не знаю. Этот человек способен раздражаться по любому поводу. Уничтожить другого человека для него то же самое, что убить москита.

— Конкретнее!

— Боссу показалось, что я вошел в слишком доверительные отношения с его личным поваром. Этого было довольно: Босс боится покушения.

— Вы готовы покинуть остров?

— Да, сэр, готов. Я уже ничего не боюсь — вы извлекли меня из ада.

— Охраняется ли остров?

— Не знаю, сэр. Иногда сюда прилетает вертолет и барражирует над островом и прибрежными водами. Говорят, вертолет имеет на борту все средства электронной разведки.

— Два дня мы не видели этого вертолета.

— Совершенно верно, сэр... Разве у вас нет посудины, на которой вы могли бы увезти меня из этого ада?

— Возьмите себя в руки, Бенито. Пока вопросы задаю только я... Представим себе, что наш катер пошел ко дну. Можем ли мы здесь раздобыть суденышко?

Бенито сощурился. Такой оборот дела, видимо, насторожил его.

— Только силой, как все остальное... Если у вас найдется десяток хорошо вооруженных бойцов, я гарантирую отличную яхту.

— Сколько людей у Босса?

— Это держится в тайне. Состав меняется. Полагаю, однако, около двух десятков.

— Согласится ли он добровольно помочь людям, потерпевшим кораблекрушение?

— Скорее всего не поможет...

Обстановка стала более или менее ясной. Мальчики развязали руки Бенито, и все поспешили обратно к пещере.

Когда спустились со скал, Педро попросил всех обождать, а сам помчался к дядюшке Хосе. Выслушав Педро, старик покачал головой:

— Я и сам не доверяю гусанос, этим врагам кубинской революции. Но что делать? У нас просто нет иного выхода. На всякий случай надо понаблюдать за Бенито. Бывший бандит, конечно же, при первой возможности попробует оправдаться перед своим главарем за наш счет...

Когда Бенито увидел, что его освободила жалкая группка, не имевшая даже запасов пищи, он не смог скрыть усмешки.

— И этот ваш отряд намерен тягаться с Боссом? — воскликнул он, обращаясь к Алеше. — Уж лучше было бы мне погибнуть в муравейнике, чем участвовать в столь бесперспективном деле!

— В муравейнике погибнуть никогда не по-здано, — холодно ответил Алеша, тоже не слишком поверивший Бенито.

СОВЕТ

После скромной трапезы, названной обедом, дядюшка Хосе сказал:

— Давайте все вместе обсудим ситуацию. Бенито, пожалуйста, садитесь поближе и помогите нам своими советами. В наши планы не входит воевать с Боссом. Мы хотели бы получить от него самую скромную помощь, чтобы поскорее покинуть эти места и возвратиться домой на Кубу.

— Но мне нечего делать на Кубе, — уныло проговорил Бенито. — Власти отнесутся ко мне с тем же восторгом, с которым Босс отнесется к вам и вашим просьбам.

— Если вы, Бенито, окажете нам помощь, я бегусь ходатайствовать перед властями о вашем помиловании, — сказал дядюшка Хосе.

— Здесь у меня мало шансов, — покачал головой Бенито. — Мое условие таково: я помогу вам как-либо овладеть яхтой, а вы даете слово доставить меня на Ямайку или в Доминиканскую республику... Как

у всякого бродяги, у меня найдется горсть монет и подложный паспорт. С меня довольно игры. Я уже стар и хотел бы провести остаток дней, не подвергаясь риску, которому подвергался всю жизнь с двадцатилетнего возраста.

— Я бы принял это условие,— сказал Педро.

— Я бы тоже,— согласился Алеша.— Но я считаю несправедливым похищать или отнимать судно даже у негодяя, не обратившись к нему вначале с просьбой. В конце концов мы граждане двух социалистических стран, они никогда не откажутся от защиты наших прав.

— Это каких же двух стран?— насторожился Бенито.

Дядюшка Хосе и Педро смотрели на Алешу, словно желая предупредить его, но Алеша, верно истолковав их взгляды, сказал:

— Бенито должен знать все,— сейчас никто из нас не имеет права играть закрытыми картами.

— Правильно,— сказал дядюшка Хосе, опуская глаза: его поразила смелость или, может быть, доверчивость подростка.

— Вот эти люди — кубинцы, а я — из Советского Союза.

— Русский?— Бенито присвистнул.— Влип в хорошенкую компанию: всю жизнь я боролся с русскими!

— Всю жизнь вам только казалось, что вы боролись с русскими,— поправил Алеша.— Вы выполняли волю своих господ, которые умеют ловко маскировать собственные шкурные интересы. Им нужна вражда с русскими, чтобы держать в повиновении таких, как вы.

— Это верно,— добавил Педро.— Вся эта мразь, защищающая интересы немногочисленных семей мировой мафии, всю жизнь вопит о красной пропаганде, оставаясь в тенетах самой гнусной лжи.

— Не думаете ли вы переубедить Бенито?— вставила словечко Мария, взглянув на бывшего жандарма темными, как у мышки, глазами.

— Горбатого могила исправит,— усмехнулся Бенито.— Очень верная поговорка. Считайте, что мы поладили: если не увенчаются успехом переговоры с Боссом, я добуду для вас яхту, а вы довезете меня до Ямайки...

НЕПРЕДВИДЕННАЯ СХВАТКА

У каждого события много действующих лиц, от-
того так много непредвиденного.

Сильный дождь загнал всех в пещеру.

Бенито увидел лодку и тут же предложил добыть
для нее новый мотор и горючее. Но затем, пораз-
мыслив, отказался от своего плана.

— На такой посудине до Ямайки в это время го-
да не дойдешь,— сказал он.— Случись небольшой
шторм, и все мы пойдем на корм ракообразным.

Было заметно, что он полон нетерпения и нерв-
ничает, но все воспринимали это с пониманием,
зная, что он пережил..

— Послушайте, начальник,— обратился он
к дядюшке Хосе.— Я вижу, вы в военных делах ни-
чего не смыслите. Надо выставить наружный пост.
По крайней мере он предупредит об опасности и от-
влечет противника. Здесь, в этой каменной конуре,
нас переловят за один присест, как щенков.

— Бенито говорит дело,— поддержал Педро.

— И я согласен,— сказал Мануэль.

— Ну, вот, коли вы согласны, то и ступайте перв-
ыми в дозор,— недовольно проворчал дядюшка
Хосе.— Ни с кем не задирайтесь и помните: из ору-
жия у нас имеется только обыкновенный рыбацкий
нож.

Педро и Мануэль вышли из пещеры, но через не-
сколько минут вернулись.

— Тихо,— воззвал Педро.— Тут объявились те
самые типы с автоматами. Сейчас они спускаются со
скал на косу. Неужели пронюхали про наше
убежище?

Все растерялись.

— Говорил вам,— упрекнул Бенито.— Что будем
делать?

— Надо бежать,— сказала Мария.

— Куда?.. Что мы сделали, чтобы бояться?..

— Спокойно, товарищи,— сказал Алеша.—
У нас только один выход, и потому не следует вол-
новаться... Бенито и дядюшка Хосе должны стать
вот здесь, за этим камнем. Навряд ли эти типы по-
лезут в пещеру оба разом, один из них наверняка
будет подстраховывать другого... Того, кто сунется
первым, следует ошеломить и обезоружить. Если это

удастся, второй согласится на мирные переговоры...
Не сражаться же нам с ними...

Алеша осторожно выглянул из пещеры. Услыхал голоса.

— Нет, видно, здесь не обошлось без бесовской силы. Чтобы связанный по рукам и ногам человек выбрался из муравьиной кучи? Босс нам ни за что не поверит и, скорее всего, самих уложит на ту же постель.

— Опухни твой язык,— сказал другой.— Знаешь, что чувствует человек, которого живьем пожирают насекомые?.. Может, Бенито пришел в такое состояние, что разорвал пуги? От боли это бывает. Я помню случай, когда один хиляк на допросе разорвал ремни, которые не разорвал бы и самый дюжий мужик.

— Ладно, не трепись,— перебил первый голос.— Так или иначе, Бенито сбежал, и, чтобы не вlipнуть, мы должны найти его и доставить Боссу живым или мертвым. Лучше, конечно, мертвым: меньше вопросов. Видишь там, на песке, следы человеческих ног?

— Никакие это не следы... Почему их так много, если это следы?.. Нет, не следы.

— А я тебе говорю, следы... Это, наверно, Бенито бегал по берегу, мучаясь от укусов, и теперь залег где-либо за камнями, надеясь ускользнуть от нас. Эй, Бенито, ты слышишь? От нас не ускользнешь, будь ты хитрее и проворней в тысячу раз!.. Эй, откликнись! Сам объяснишь Боссу, как ты спасся от казни, и, быть может, заслужишь прощение!..

Этот разговор, несомненно, хорошо слышали в пещере. Страх и тоску наводил он. Все вынуждены были затаиться из-за Бенито, и плохо это или хорошо, никто не знал.

— Полезай вниз и хорошенько осмотри подножие скал, а я тебя подстражую. От моей пули не уйдет ни одна крыса,— уверенно продолжал первый голос.

— Полез бы лучше ты, ты моложе, видишь, я уже запыхался. А стрелок я не хуже тебя и тоже могу подстражовать,— сказал второй голос.

— В таком случае я приказываю тебе, болвану, сделать то, о чем я только что просил.

— Это невежливо — пользоваться властью, если мы приятели,— сказал второй голос.

Солдат, чертыхаясь, спустился с крутой скалы, настороженно пошел вдоль камней и, разумеется, тотчас обнаружил пещеру.

— Эге,— сказал он товарищу,— да тут, оказывается, есть пещера, и в нее действительно ведут следы.

— Он был босиком,— сказал первый,— Ты что, забыл? Мы сняли с него ботинки и повесили их на деревце рядом... Следы босого человека?

— Именно.

— Ну, так тащи Бенито сюда. Скажи ему, хватит придуриваться. У меня ведь тоже есть нервы, и я, в конце концов, могу рассердиться всерьез.

— Эй, Бенито!— крикнул, взглядываясь в темноту пещеры, солдат. Он держал свой автомат наготове.— Выходи наружу, хватит шутки шутить!

Но Бенито был ушлым пройдохой.

— Антонио,— позвал он умирающим голосом,— слышишь меня, Антонио? Я умираю, вытащи меня из этой норы...

— Он здесь, он здесь!— закричал Антонио своему товарищу, по-прежнему караулившему на скалах.

— Видишь, я знаю, что говорю,— сказал тот.— Давай его поскорей сюда, и закруглим все дело.

— Антонио,— хрипел Бенито.— Два человека, мужчина и женщина, затащили меня сюда. Это какие-то мулаты, потерпевшие кораблекрушение. Они убежали, увидев тебя с Мигелем. Но они вернутся, ей-ей, вернутся и сожрут меня. Это каннибалы, клянусь всеми святыми... Пристрелите меня, черт возьми, и пусть сжирают уже дохлого...

Ловко врал Бенито. Педро нащупал во мраке плечо Алеши и сжал его. Алеша понял: на такого ловкого проходимца нельзя полагаться.

Между тем Антонио медлил войти в пещеру, сгibaлся, пытаясь разглядеть, что там происходит, но, разумеется, ничего не видел. Инстинкт подсказывал ему, что не стоит соваться в темноту. Да и знал он о коварстве Бенито, наверно, превосходно.

— Эй, Мигель,— закричал Антонио своему товарищу.— Бенито тут плетет, будто его затащили в пещеру какие-то мулаты-каннибалы.

— Ну, конечно, это может быть так,— отвечал Мигель, садясь на камни и закутивая. Он радовался тому, что Бенито найден и теперь не потребуется никаких объяснений.— Тут недалеко в прошлую пятницу разбился самолет. Если кто-то уцелел, он способен сожрать небритого черта, не то что Бенито.— Собственная шутка понравилась ему, и он продолжал благодушно:— Тащи Бенито на свет божий. А с этими мулатами мы разберемся чуть позднее... Что ты там медлишь? Я тебе приказываю!..

Антонио шагнул к темной щели, его тотчас же ухватили из-за камня руки Бенито — одна мгновенно зажала рот, другая приставила к горлу нож. Алеша и дядюшка Хосе забрали автомат.

В общем все получилось довольно складно, и со стороны можно было расслышать разве что негромкий неопределенный звук.

— Эй, Антонио, ты что замолчал? Что происходит, докладывай! — закричал со скал Мигель.

А под скалою происходила сцена, которую вряд ли так быстро поставил бы и самый опытный режиссер.

Угрожая ножом, Бенито зловеще прошипел:

— Антонио, ты знаешь меня, я заколю тебя тотчас, если не позовешь сюда Мигеля, говоря, что трудно одному тащить связанного Бенито. Ну?

— Мигель, эй, Мигель,— усмехнувшись, закричал Антонио,— ты слышишь меня?

— Слышу. Отчего ты молчишь?

— Понимаешь, эта скотина и впрямь подыхает. Он так распух, что мне не вытащить его одному. Мигель растерялся.

— Как это не вытащить? — сказал он сердито.— Ты что, вместе с рассудком лишился силы?

— Он так изъеден муравьями, просто страшно смотреть!

— Ну, ты рассуждаешь, как баба, настоящая баба, твое дело не смотреть, а тащить...

— Теперь молчи. Что бы он ни говорил, молчи! — пригрозил Бенито, приподнимая ножом подбородок Антонио.

— Эй, что ты молчишь?.. Антонио, немедленно отвечай, что там происходит?..

Не услышав ответа, обеспокоенный Мигель быстро спустился со скалы и, крадучись, стал прибли-

жаться к пещере. Автомат он, разумеется, держал наготове.

— Эй, Антонио, отзовись!.. Что с тобой, Антонио?..

Внезапно Мигель догадался, что произошло. Спрятавшись за выступ скалы, он потихоньку прокрался в сторону от пещеры и бросился бежать что есть мочи.

В настороженной тишине было хорошо слышно, как хрустел под его ногами песок.

— Он уйдет,— вспомнился Бенито.— Если он уйдет, всем нам крышка.— Он выхватил автомат из рук Алеши и ползком выбрался из пещеры. События разворачивались так быстро, что все опешили.

— Это страшная сволочь,— сказал о Бенито Антонио.— Если он убьет Мигеля, он следом укокошит всех нас. На Кубе, в Никарагуа он заочно приговорен к смертной казни. Разумеется, его повсюду знают под разными именами...

Взглянув на Антонио, дядюшка Хосе подал знак Мануэлю и Педро. Они выскочили из пещеры. Следом за ними выбрались наружу Алеша и Мария.

Стоял ясный, тихий вечер. Малахитовые волны накатывались вдали на песчаную косу, а здесь, у скал, разыгрывалась беспощадная и жестокая схватка.

Бенито преследовал своего товарища, с ловкостью кошки прячась за камнями, так что тот скорее догадывался о преследователе, нежели видел его.

Едва Мигель стал взбираться на отвесную скалу, прогремела автоматная очередь. Раскинув руки, Мигель упал с большой высоты.

Но прежде чем он упал — едва раздались выстрелы,— Мануэль бросился к скалам, опередив Бенито.

С недоброй усмешкой Бенито приближался к своему противнику, возле которого стоял уже Мануэль, завладевший автоматом убитого. Кто знает, какая коварная мысль владела Бенито. Он как бы случайно направил свое оружие в сторону Мануэля, но и Мануэль тотчас выставил автомат.

— Умеешь стрелять, малыш?— спросил Бенито и, наклонившись, поставил камень на выступ скалы.

Мануэль вскинул оружие и, почти не целясь, пулей расколол камень.

Бенито присвистнул и как-то разочарованно оглянулся на людей, которые молча окружили убитого.

— Труп принадлежит вам, сеньор,— сказал Алеша.— Но автомат принадлежит мне.

И он протянул руку. Бенито медлил. Мануэль не спускал с него глаз.

— Сдайте оружие, Бенито,— повелительно сказал дядюшка Хосе.

— Не доверяешь, начальник?— сощурился Бенито, однако уступил.— Теперь мы в одной лодке, и не доверять друг другу — опасно, очень опасно.

— Взятое на себя обязательство мы непременно выполним,— сухо ответил дядюшка.— Но неужели так необходимо было убивать этого человека? Хотя бы окликнули, предупредили его.

— Если бы я окликнул его, начальник, вы бы сейчас раздумывали над тем, где похоронить меня. А может, и еще двоих-троих из вашей компании постигла бы та же участь...

НОЧНОЙ ДОЗОР

— Еще один такой пленник, и мы сами окажемся в положении пленных,— сказал Педро Алеше, имея в виду Бенито.

Ночью при свете костра состоялся совет, в котором приняли участие Бенито и Антонио, относившиеся, впрочем, друг к другу с нескрываемой враждебностью.

— Мы не хотели кровопролития,— сказал дядюшка Хосе,— но кровь пролилась, и это требует от нас решительных действий, чтобы не доводить дело до новых столкновений. Мы не хотим вражды, к тому же у нас нет никаких шансов устоять: мы здесь просители и должны быть благодарны за всякий знак внимания и помощи.

— Что вы предлагаете конкретно?— спросил Бенито.— Насколько я понимаю, с самого начала речь шла о том, чтобы достать судно?

— Об этом речь идет и сейчас: поскорее возвратиться на родину.

— Стало быть, ваши представители, допустим, пойдут к Боссу, расскажут, как все случилось, и попросят помощи, так?

— Так.

— Стало быть, Бенито и Антонио должны будут за все ответить своей головой?

— Наверно,— сказал дядюшка Хосе.— Наверно, если по справедливости. Мы никого не бросали в муравейник и никого не убивали. Мы защищаем собственные жизни, и только...

— Так я вам скажу, начальник,— перебил Бенито,— никакой помощи от Босса вы не получите, потому что над ним есть еще другие боссы. Если они узнают, что он гостеприимно принял людей из коммунистических стран, он лишится доверия и, быть может, умрет гораздо более ужасной смертью, чем та, которой хотели наградить меня. А боссы о нашем Боссе знают, безусловно, все: они кругом держат своих соглядатаев... Я предлагаю совсем другой план действий, и в нем нет ничего противозаконного... Давайте похитим прогулочную яхту Босса. Это отличная посудина, в которой всегда есть достаточный запас воды, пищи и топлива. Охраняет ее всего один человек. Правда, подобраться не так просто, но, в конце концов, мы с Антонио пока считаемся своими людьми.

— Что вы на это скажете, Антонио?

— Не знаю,— сказал Антонио, покосившись на Бенито,— мне безразлично. Душа моя продана, поздно стенать о ней.

— О душе думать никогда не поздно,— сказал дядюшка Хосе.— Тем и непобедима душа, что способна возрождаться после любого падения. Раскаявшийся грешник дороже для истины, чем праведник... Я не хотел бы оскорблять вас, Бенито и Антонио, но вопрос стоит так: или вы наши пленники, или мы ваши пленники. На ночь придется связать вас обоих. Мы не совершили ничего худого и потому имеем право на защиту от возможного насилия. Кто поручится, что вы наши друзья?

— Бросьте, начальник,— сказал Бенито,— если бы я был последним негодяем, я бы, подстрелив Мигеля, уложил всю вашу команду.

— Нет, это мое условие,— настаивал дядюшка Хосе.— Если вы не согласны, можете уходить.

— Я не согласен,— сказал Бенито,— я свободный человек.

— Слушайте вы его,— мрачно возразил Антонио.— Свяжите нас обоих да покрепче или отпустите меня одного.

— Что ж,— сказал Бенито, злобно покосившись на своего сотоварища, — вяжите руки, только не за спину, иначе мне не уснуть.

Мануэль и Педро связали Бенито и Антонио. Было решено, что утром к Боссу пойдут Алеша, Педро и Антонио.

Наступила ночь, которую дядюшка Хосе разбил на три дежурства. Первое дежурство выпало на Алешу и Педро.

Мануэль показал обоим, как стрелять из автомата, и ушел спать.

— Он занимается в спортивной секции и великолепно стреляет из любого оружия,— сказал Педро о брате.— Жалею, что здесь я сущий профан.

— Невозможно стать мастером во всех областях.

— Да, невозможно,— согласился Педро,— но нынешняя жизнь такова, что свободу повсюду еще придется отстаивать с оружием в руках,— нужно уметь стрелять. Нужно быть крепким и выносливым, не пускать слюни, слушая демагогов: они пользуются нашим невежеством... Знаешь, я тревожусь, как пойдут теперь наши дела. Я не доверяю Бенито.

— Скорее всего это прохвост,— сказал Алеша.— Но ему некуда деваться. Он будет с нами поневоле.

— Ты рассуждаешь как честный человек. Увы, когда имеешь дело с негодяями, нужно уметь учитывать их беспринципность и подлость.

Вновь посыпал густой дождь. Его монотонный шум навевал сон.

Потом, когда дождь прекратился и над головою вновь показались яркие звезды, Алеша сказал:

— Знаешь, Педро, из тебя вышел бы прекрасный сыщик наподобие Шерлока Холмса.

— Шутишь, а у меня на душе тревога, будто мы что-то недоучли.

Алеша рассмеялся. Напротив, у него на душе было радостно и свободно. Он верил, что добрая воля разрушит все преграды и правда восторжествует. Правдой он считал справедливость, отвергающую преимущества для избранных, гарантирующую равные шансы для всех и жизнь небольшой, дружной общиной, в которой все будут верными друзьями.

— Вот тебе анекдот, дон Педро... Как-то Шерлок Холмс и доктор Ватсон заночевали за городом в палатке. Глубокой ночью доктор Ватсон будит Холмса: «Вам ничего не говорит это созвездие, сэр?» — и показывает в небо. «Нет, сэр... А вам, что оно говорит вам?» — «Мне оно говорит, что у нас украли палатку».

Оба хотели до конца смены. Когда же на пост заступил дядюшка Хосе и Мануэль, выяснилось, что исчез Бенито...

НОВЫЙ СОВЕТ

Разбудили Марию. Все собрались на срочный совет.

— Не послушали вы меня, — сказал Антонио. — Бенито — коварный негодяй, его нужно было связать по рукам и ногам. Теперь никакое посольство к Боссу не поможет. Спасая собственную шкуру, Бенито наврет с три короба, и все мы станем жертвой лжи и обмана.

Алеша и Педро переживали.

— Это мы проморгали. Мы виноваты.

— Не очень судите себя, — сказал Антонио. — Бенито скрылся бы от вас, если бы вы даже закрыли пещеру железной сеткой. Это дьявол. Он не знает жалости и не признает совести.

— Теперь Бенито интересует нас меньше, чем Босс. Так или иначе мы вынуждены обратиться к нему. Что это за тип и что за люди его окружают?

— Ответить на ваши вопросы непросто, очень непросто... На Босса работает всякий обреченный сброд... Я, например, чилиец и сражался с правительством, потому что посчитал народ преданным своими предводителями: поднимали на революцию одни, а к власти пришли совсем другие, те, которых не интересовал народ. Но, увы, когда я увидел, что на смену этому правительству пришли еще более непонятные люди и установили режим тирании, я уехал из родной страны. Я был разочарован и долгое время не признавал никаких различий между революцией, смутой и контрреволюцией. Но все же они есть, различия. Смута — это когда народ попадает в сети заговорщиков, а революция — это

когда сам народ встает на борьбу за свою свободу и уже никому ее не передоверяет...

Поддавшись настроению или, скорее, решив порвать со своим прошлым, Антонио рассказал такое, что даже невозмутимый дядюшка Хосе потрясенно покачал головою.

— Думаете, этот международный гангстер сидит на острове просто так? О нет, он продолжает служить тем, кому служил всю свою жизнь. Остров спрятан от людских глаз, но здесь творятся отнюдь не простые делишки. Остров превращен в тюрьму для истинных революционеров всего континента. Их похищают в своих странах, а здесь истязают с целью склонить к измене интересам народа. О, эти ловкачи умеют фабриковать предателей и еще больше умеют пользоваться предателями! Кругом, во всех странах, волю закулисных боссов вершит свора предателей своего народа!

— Мы на чужой территории,— сказал дядюшка Хосе,— но совесть наша не зависит от того, на небе мы или в аду... Что за тюрьма, Антонио? Кто томится в ней?

— Я мало знаю. Все построено на взаимной слежке и строжайшей секретности. Тюрьма находится возле дома Босса. Там более тридцати камер. При тюрьме живет палач. Это страшный садист, ему доставляют удовольствие мучения жертвы... Недавно умертвили троих заключенных. Тела их, как обычно, скормили крокодилам. Сейчас в тюрьме, по-моему, два человека. Кто они, мне неизвестно... Какой купец признается в том, что он грабитель? Нет, он будет до посинения твердить, что он благодетель человечества, и купит себе адвокатов, которые будут твердить то же самое. А ведь всякий купец — грабитель: он превращает все в объект спекулятивной продажи, даже мысль, даже мечту, даже судьбу человека, и паразитирует на этом. Человечество попало в ад с тех пор, как признало посредника, эксплуатирующего обе стороны: производителя и потребителя. Все мы в руках купцов, облагающих нас, как князья-завоеватели, своими налогами. Вот исходный пункт моих политических воззрений. Человечество только тогда обретет настоящую свободу, когда сможет обойтись без посредников — при производстве и распределении товаров, при осуществлении власти,

при облагораживании духовного мира человека. Но как, как прийти к этому, кто скажет?.. Вы, живущие в социалистических странах, и представить себе не можете, какая беспощадная пропаганда ежедневно полощет наши мозги. Нам вдалбливают, что только западная демократия — подлинная, хотя эта демократия делает богатых еще богаче, а у основной массы тружеников отнимает последнее человеческое достоинство... Мы рабы своих заработков. Эксплуатация людей дополнилась эксплуатацией народов... Боссы наших боссов имеют своих людей повсюду, повсюду в мире. Если это им выгодно, они раздувают до размеров слона любую навозную муху, но я-то знаю из первых рук, сколько преступлений ежедневно творится ими. Подлинно свободный ум, подлинно честный талант здесь невозможны. Все подлежит купле и манипулированию... У меня был друг, замечательный поэт. Он любил свой народ и не хотел, чтобы этому народу вставляли чужие грязные мозги. И что же? Негодяи зверски убили моего друга. Они убили тысячи других и убьют еще тысячи, повсюду крича о своем голубином миролюбии.

Антонио неожиданно умолк и как-то даже виновато посмотрел на всех: мол, столько времени заставил слушать себя.

Но Педро тотчас же поддержал его:

— Даже у нас на Кубе многие молодые люди думают, что империализма в действительности нет, это плод пропаганды. Эти люди подражают чужой моде и не задумываются о том, что мода — самая назойливая, самая настойчивая пропаганда. Как-то я сказал одному парню из своего класса, что враги хотят уничтожить народную власть на Кубе. И что же он ответил? «Это все сочиняют коммунисты. Они хотят запугать людей и сделать их послушными винтиками своей политики».

— У нас, в Советском Союзе, увы, тоже есть такие люди, которые считают, что можно договориться со всеми людьми «по ту сторону», что все они джентльмены, культурные люди и преотлично понимают, что у народов есть общие цели и задачи, — добавил Алеша. — Да, у всех народов есть общие цели и задачи: не допустить мировой войны, не разрушить великую способность природы к саморегуляции и самосохранению, защитить свободу, ибо свобода —

это, в конце концов, общее достояние, но я согласен с Антонио: нельзя закрывать глаза на то, что могущественные группы никак не хотят признать равенство своих интересов с интересами других социальных групп, плюют на права и достоинство народов — им подавай полное преобладание, полное господство, все новые богатства, власть неограниченную, ничем не стесненную.

— Шулеры легко договариваются с шулерами, у них общий гешефт и общий источник доходов: обман людей, — сказал Антонио. — Уж я-то знаю, что говорят, а что фактически делают боссы... Многие принимают их слова за чистую монету — пропаганда делает свое дело повсюду. Но ведь это факт: они не хотят общего добра и общего мира, они до сих пор надеются, что победят в глобальной борьбе, обеспечат себе более совершенное оружие, более развитую экономику, более хитрую систему управления общественным сознанием... Они не хотят принять реальностей жизни, а честным и наивным людям, которым внущили, что в истории побеждает правда, и только правда, все время кажется, что все с большой охотой идут к правде, — коварное заблуждение.

— Я понимаю людей, — сказал дядюшка Хосе. — Так хочется верить в правду. Вот отчего ложь находила и находит свои жертвы. Люди слабы, они лишены возможности отстаивать сообща свои интересы, они разделены и разрознены и потому поневоле цепляются за надежду. Но все же настанет время, и скоро, когда ненадежная надежда уступит место трезвой уверенности в возможном.

— В нашем классе все знают, что бесчестные люди десятки раз пытались убить Фиделя Кастро и все-таки слушают рассказы об этом, будто впервые, — громко сказала Мария и покраснела.

— Не смущайся, — сказал дядюшка Хосе. — Все это происходило на наших глазах. Политиканов не останавливали народные страдания. Вспомнить занесенный на Кубу вирус африканской чумы — было уничтожено почти все поголовье свиней. Или вспомнить лихорадку денге — пострадали ни в чем не винные люди.

— Да, — кивнул Антонио, — история с Кастро — это было на нашей памяти. И винтовки с оптическими прицелами, и отравленные авторучки, и смерто-

носная бактериологическая пыль. В 1960 году среди его сигар были случайно обнаружены сигары с ядом. Закури он такую сигару, и уже не спасли бы человека. А личность значит, очень много значит для судеб всякого дела.

— Я читал, как Фиделя хотели убить во время подводной охоты,— сказал Педро.— Это было, кажется, в 1963 году. В район, где он иногда охотился, подбросили экзотическую раковину, начиненную взрывчаткой. Стоило только тронуть ее рукою, и произошло бы непоправимое...

— Те, кто мутит воду,— сказала Мария,— они повсюду одни и те же. Они и Ленина убили,— она посмотрела на Алешу.

— Что говорить об этом. Надо действовать. Я предлагаю с рассветом послать к Боссу делегацию. Буду рад, если возьмете и меня.

— И меня,— прибавил Педро.

— Было бы хорошо, если бы с вами пошел Антонио,— предложил дядюшка Хосе.

— Нет,— сказал Антонио,— добровольно сдаваться своим недругам я не хочу. Я только покажу вам дорогу...

ПОСОЛЬСТВО

На рассвете Алеша и Педро отправились к Боссу. Их сопровождал Антонио — показывал наиболее короткий путь.

— На этом острове я болтаюсь уже довольно долго,— говорил дорогой Антонио.— Приехал сюда из Гондураса. Мы переправляли оружие мятежникам в Никарагуа. Противное, гнусное дело. Готовишь партию оружия и знаешь, что ни автоматы, ни мины не послужат свободе и счастью, а принесут тысячам людей новое горе, новые слезы... Нам, охране, не позволяют шататься по острову, всегда приходится выполнять какой-либо приказ, и потому времени всегда в обрез... Большая часть острова — это сосновый лес, но возле озера преобладают заросли мангровника. В озере полно крокодилов. Кормить их — любимое занятие Босса. Твари великолепно видят, оказывается, и в темноте...

Так вот, шагая, без умолку говорил и говорил Антонио, а потом вдруг в упор спросил Алешу,

и Алеша понял, что этот вопрос был сутью всего затянутого разговора.

— Слушай, русский, скажи мне, правда ли то, что все вы там, в СССР, были рабами? Ну, при Сталине, я имею в виду. Да и теперь, говорят, не все еще опомнились.

Алеша невольно остановился. Предстояло ответить на вопрос, который ему никогда не приходил в голову.

— Видите, Антонио,— сказал он,— люди не только стреляют в других людей или бросают их в муравейники. Они делают это же и другими способами — распуская, например, ложь... Кому-то очень хотелось бы, чтобы мы, русские, чувствовали себя рабами, то есть неполноценными, униженными, заискивали перед другими, усваивая чужие ужимки, подражая чужой моде... Сейчас многое решается в мире, и кого-то очень беспокоит исход борьбы... Чтобы скомпрометировать коммунизм, они утверждают, что мы были рабами во времена Сталина... Что ж, кто был рабом, тот, вероятно, им остался, но кто чувствовал себя свободным, тот и сегодня свободен... Я не жил при Сталине и не имею права легковесно судить о том сложном и противоречивом времени. Но я спрашивал своего отца и своего деда... Это честные и благородные люди. Я верю им... Скажу так, Антонио: ни мой отец, ни мой дед не были рабами. Они строили новое общество и верили в него... Каждый из них сознательно жертвовал собой ради общества — разве это рабство? Это рабство с точки зрения насилиника, эгоиста, которые ненавидят коллектив, если он сплочен идеей справедливости. Насильники и эгоисты считают справедливым только то, что выгодно им лично... Тяжелые, тяжелые условия были у нас. Мы первыми в мире строили социализм, и мы обязаны были построить его любой ценой, чтобы уберечь мир от миллиардов новых искалеченных и униженных судеб.

— Но некоторые лица, занимавшие у вас в стране высокий пост, выявили себя теперь как взяточники, как воры, как полные негодяи,— продолжал Антонио.— Можно ли объяснить это?.. Конечно, у нас, на Западе, разного рода махинации не вызывают сенсаций: тут все взяточники, все воры, и разница между ними заключается только в том, нару-

шены законы формально или не нарушены, попался кто-то уже или еще не попался... Но у нас такое общество: кто кого обманет, кто кого пересилит, а обманет и пересилит всегда одна сторона... Это тот, кто не знает всего отчаяния и ужаса положения, пудрит мозги, восхваляя Запад... Все знает свою цену, и относительное благосостояние тоже. Но благосостояние — еще не вся правда...

— Понимаешь, Антонио,— вмешался Педро.— Растекаясь слишком широко, река мелеет, замедляет свое течение, по берегам ее неизбежно появляются болота... Кто становится более сыт и более благополучен, нежели остальные люди, тот напрочь забывает об этих людях, тем более если сытость и благополучие куплены ценой несправедливости... Ты, верно, слыхал историю бригадного генерала военно-воздушных сил Кубы Рафаэля дель Пино Диаса? Он бежал на самолете в Соединенные Штаты.

— Ну, так это предатель,— сказал Антонио.— Тут все ясно. Столько продажных шкур на свете. Ради выгоды они зарежут родную мать.

Некоторое время шли молча, понимая, что разговор затягивался важный и его не исчерпать случайными репликами: тут надо о многом подумать.

— Может, и предатель, не спорю. Но прежде всего разожрившаяся свинья,— сказал Педро.— Кто обрастает жиром, теряет революционность — известное дело. Генерал не был предателем, вот в чем трагедия. Его подкупили. Его разложили. Он утратил те идеалы, которым был верен.

— А я думаю, он никогда не был верен идеалам,— задумчиво сказал Антонио.— Кто верен идеалам, тот не перерождается... Здесь, в тюрьме, я видел одного человека, кажется, он был из Сальвадора. Ему предлагали миллионы, он отказался, его пытали — он не дрогнул... Его убили и труп выбросили на растерзание крокодилам.

— Мой отец повторяет: только наивным и недалеким людям социальные законы кажутся чем-то таким простым, как рожица на промокашке,— сказал Алеша.— Если не умеешь играть на флейте, это не значит, что ею можно выбивать половики.

— Смотри-ка ты,— удивился Антонио.— А ведь и впрямь... Только, скажу вам, большинство людей воспринимает социализм точно так же, как и капи-

тализм: мол, капитализм растет сам по себе, значит, сам по себе должен расти и развиваться и социализм. Достаточно кому-либо пробраться к власти под лозунгами социализма, народ тотчас же ожидает чуда. Или, может, вообще ничего не ожидает, потому что недалекие и безответственные люди слишком подмочили великую идею.

— Ничего не подмочили, кроме своей репутации,— возразил Алеша.— Не сумели играть на той же флейте. При чем же здесь музыка?.. Нет, коммунизм как был, так и остался самой светлой мечтой человечества. И главной его наукой. Никто и никогда еще не создал настоящей коммунистической общины, так что никто еще воочию не убедился в тех преимуществах, которые принесет людям новая организация жизни. Только коммунизм и разрешит все те сложнейшие проблемы, которые уродуют ныне жизнь. Так говорит отец — я ему верю. Задача социализма — строить коммунизм. Из добровольцев, из лучших, шаг за шагом, пока все не станут лучшими...

— Вот и я так про себя понимаю,— со вздохом сказал Антонио, глядя себе под ноги.— Одно дело, когда социализм используют для политического обмана масс, для эксплуатации их мечты о справедливости на земле, другое дело — когда социализм становится ступенью для совершенной социальной жизни... Вы не думайте, что Антонио тут полный профан. Когда-то я всерьез занимался политикой, но я разошелся с теми, кто надувает народ. Вот что самое мерзкое — когда надувают народ, а народ даже не догадывается, что происходит на самом деле... Конечно, я не смотрю на Советский Союз так, как внушает пропаганда... С русскими боролся весь мир негодяев. Они выстояли — это главное. Хотя, конечно, не могли не понести тяжелые потери. Негодяи и теперь не оставляют своих атак, они будут подтасчивать основы социализма изнутри, будут давить извне, но, я полагаю, народ справится со всеми трудностями. Это великий народ, народ, в котором никогда не переводились герои.

— Ты прав, Антонио,— сказал Педро,— это действительно очень многое объясняет в истории и в сегодняшних днях: Советский Союз противостоял империалистам один на один. И теперь его ответствен-

ность — ого-го... Если бы другие страны, которые выбрали социализм, не были поддержаны Советским Союзом, неизвестно, сколько бед и сложностей пережили бы их народы... Среди старого и несправедливого новое и справедливое лишь с величайшим трудом пробивает себе дорогу...

ПОСЛЫ ПОПАДАЮТ В ПЛЕН

Мирно беседуя, вся группа довольно быстро про-двигалась по тропинке среди густого, низкорослого сосняка. Внезапно взору открылось хорошо возделанное кукурузное поле. Алеша и Педро переглянулись.

— Мы, охранники, обрабатываем поле в свободное время и содержим свиноферму,— стал объяснять Антонио...

И тут из-за кустов выскочили два бородатых охранника с автоматами.

— Руки вверх! — грозно крикнул один из них.— Ага, да тут и этот предатель, Антонио! Ничего-ничего, мы и с тобой поговорим накоротке!

Они приблизились, между тем как группа остановилась, ошеломленная неожиданным нападением.

— Эй, Ури,— сказал Антонио,— не валяй дурака, мы направляемся к Боссу, чтобы обсудить кое-какие дела.

— Босс и послал нас встретить дорогих гостей,— щеря в улыбке лягушачий рот, ответил охранник, названный Ури.— Ни одна сволочь не имеет права дышать нашим воздухом, если не получила на то соизволение...

Он не договорил: Антонио молниеносно подскочил к нему, ухватился за автомат, ударил в пах ногою — и оба они, сцепившись и поочередно пересиливая один другого, упали на каменистую землю, продолжая борьбу.

Второй охранник бегал возле них, выбирая момент, чтобы нанести роковой удар Антонио, но Педро рванул его за ноги, и он тоже упал наземь.

— Бей,— закричал Педро,— бей обидчиков!

Алеша навалился на второго охранника, дернул из его рук автомат, и длинная очередь, которой злодей намеревался решить судьбу схватки, ушла в не-

бо. И все же ребятам пришлось бы туда, если бы на помощь не подоспел Антонио. Накаутировав Ури, он свалил второго охранника точным ударом по шее.

Когда оба, прочухавшись, вскочили на ноги, на них уже глядело дуло автомата.

— Не трепыхаться,— приказал Антонио.— Мне теперь все равно, чьи черепа дырявить. Бенито затеял эту кутерьму, и пусть он за все отвечает...

Ребята приводили себя в порядок. Педро стонал и охал — изо рта шла кровь: недоставало зуба. Алеша ощупывал руку, пытаясь обнаружить следы перелома. К счастью, обошлось ушибом.

— Что же мы с ними будем делать? — спросил Алеша, указывая на обезоруженных охранников.

— Я отведу их в пещеру, — хмуро сказал Антонио. — Босс будет слабее и потому говорчивей.

Ребята тотчас распрошались с Антонио. Он повел пленных назад, а они двинулись дальше по указанной тропинке.

Не прошло и получаса, как справа показалась бетонированная площадка, предназначенная для посадки вертолета, за нею — небольшое здание для охраны — казарма. Дальше, за пальмовой рощей, открылся вид на великолепный двухэтажный дом под красной черепицей — резиденцию Босса. Отсюда уже хорошо был слышен шум морского прибоя.

Алеша и Педро направились прямо к резиденции. Навстречу им поднялся дюжий охранник, прятавшийся в тени деревьев.

— Кто такие?

— Посольство от потерпевших кораблекрушение, — сказал Алеша. — Доложите об этом Боссу.

— Здесь не может быть никакого посольства, здесь я единственный посол! — раздался голос.

Ребята обернулись: с балкона на них смотрел рыжий человек в черных очках. Это и был Босс.

— На вашем острове поневоле высадились четыре гражданина Кубы и один гражданин Советского Союза, — смело сказал Алеша. — Мы просим вас о помощи: помогите добраться в Гавану или любой другой город, в котором есть наши полномочные представители.

Босс захохотал.

— Пацаны — и такой официальный слог! — голос его внезапно стал раздражительным: — Арестовать и посадить в камеру злого духа!

— Послушайте! — крикнул Алеша, — Ваш охранник. Бенито убил другого охранника по имени Мигель. Мы хотели бы подсказать вам, где и как забрать тело убитого для погребения. Или вы способны глумиться над телом того, кто преданно служил вам?

Видимо, последние слова поставили Босса в неловкое положение: не мог же он в присутствии других охранников признать, что ему плевать на каждого из них.

Жестом руки Босс остановил своих прислужников, готовых уже схватить подростков.

— Подождите исполнять приказ! Позовите сюда Бенито!

Появился Бенито. Он явно перетрусили, хотя пытался изображать полное спокойствие.

— Итак, полномочные послы, вы говорили об этом человеке?

— Да, — подтвердил Педро. — Мы говорили об этом человеке. Именно его мы случайно увидели в лесу. Он лежал связанный в муравейнике. Его ожидала ужасная смерть. Мы не могли не спасти его. Милосердие — это первое, что отличает человека от животного.

— Вот как, — зловеще протянул Босс. — Любопытно, любопытно. Расскажите-ка мне все поподробнее...

После того как Педро закончил свой рассказ, Бенито закричал:

— Эти пацаны нагло лгут, Босс! Антонио и Мигель не захотели выполнить ваш приказ. Они привели меня на берег моря, и тут мы увидели четырех кубинцев и одного русского. Они предложили нам золото в обмен на пищу. Антонио и Мигель не поделили добычу и стали ссориться, и Антонио застрелил Мигеля. Воспользовавшись суматохой, я скрылся.

— Бенито — гнусный лжец! — крикнул Педро.

— Наверняка это он устроил час тому назад засаду у кукурузного поля. Так вот, знайте, что и там вышла осечка, — прибавил Алеша.

— Что же случилось у кукурузного поля? — Босс поднял брови. — Я хочу знать правду из уст объективных наблюдателей.

Педро рассказал.

— Он лжет!

— Вот что, Бенито, — сказал Босс. — Лжешь ты или не лжешь, я не желаю больше слушать тебя. Ступай к пещере и доставь мне этого Антонио живым или мертвым. Иначе ответишь сразу за все!.. А с пацанами поступайте как приказано!..

Босс ушел. Охранники грубо заломили назад руки Алеше и Педро и потащили к строению справа от дома. Оно было без окон и внешне походило на гараж. Открыли двери, провели пленников по коридору, спустили по ступенькам и толкнули в темную камеру.

Клацнул ключ. Прозвучали гулкие шаги, и все стихло.

— Педро, как твой зуб? — спросил во тьме Алеша.

Педро вздохнул:

— Что зуб? Они выдерут с корнем душу, ни с чем не посчитаются. Больше всего они боятся, что мы проникнем в их тайны.

— Ты забываешь, что у нас есть друзья, которые не оставят нас в беде...

Мальчики стали гадать, как сложится их судьба.

— Попомни мое слово, — сказал Педро, — этот Бенито вновь прикинется нашим другом. Случится большая беда, если дядюшка поверит ему...

Тишина и темнота подавляли. Мучила жажда, томил голод, хотелось прилечь отдохнуть, но пол был холодным и скользким, как змеиная шкура.

— Есть такое кушанье — спагетти, — сказал Педро. — Это очень вкусно с хорошей луковой подливкой.

Алеша промолчал.

— Ты видел когда-нибудь зубров? — спросил Педро. — Лично я видел их только на картинке.

— Когда-то мы ездили всем классом в Беловежскую пущу, — сказал Алеша. — Там полно зубров. Целые зубринные стада. Это красивые, могучие животные. А почему ты вспомнил о них?

— Лет двадцать назад, а может, и поболее, учёные Польши скрестили зубра с коровой. Получилась

помесь, у которой и мясо вкуснее и молоко раза в три питательнее коровьего... Я бы сейчас с удовольствием выпил пару кружек такого молока...

«Мы быстро выдохнемся, если будем расслаблять себя сладкими ожиданиями», — подумал Алеша.

— Давай-ка лучше познакомимся с нашей камерой, Педро. Никто не знает, сколько дней мы проведем в ней. Ощупаем сначала стены, а потом пол. Обследуем все очень тщательно, потому что наши мучители неспроста бросили нас сюда: у них свои замыслы.

Педро тяжело вздохнул.

— За неимением других, более полезных и приятных, занятий...

Ощупали стены и пол огромного квадратного зала, где не было ни единого предмета. Пол с каждой стороны понижался к центру. В центре под решетками булькала вонючая канализационная яма...

СВИДАНИЕ С РОДНЫМИ

Так и заснули истомившиеся ребята — на холодном цементном полу.

Снилось Алеше, будто он в родном городе Гродно. Мать и отец стоят на берегу Немана — печальные-печальные. «Да, конечно, Алешенька погиб в катастрофе», — говорит мать и плачет — слезы бегут и бегут из ее глаз. Алеше хочется сказать, что он здесь, он спасся, он живой, и — нет сил. Дует ветер, и Алеша летит, словно пожелтевший листок, все дальше и дальше — не удержаться...

И вот — огромный круглый зал. Он, Алеша, прикован тяжеленной цепью к полу и держит розовую причудливую ракушку. Поднес ее к уху, а оттуда голос Диего Альвареса, учителя из мексиканской школы: «Выход у человека есть всегда — это мудрость. Она укрепит на заре, поддержит на закате, даст свет в непроглядной ночи. Течение времен не переменит ее, а только подтвердит и наполнит новым смыслом.

Как могли жить народы в отрыве от накоплений мудрости своей истории? Как можешь жить ты, своим мудрость к успеху в том или ином деле?

Допустим, перед тобою — книга книг, сотворенная величайшими из живших на земле, сможешь ли

ты усвоить ее мудрость, глядя обычными очами и чувствуя обычным сердцем? Не сможешь, а потому приготовь свое зрение и свои чувства заново. Помни, отныне тебе доверено знание знаний, и оно освободит, если ты обопрешься о него,— развернется перед тобою прежде сокрытое пеленою, и жизнь явится как на ладони. Кто не знает ее тайны, тот слеп.

Мир состоял и долго еще будет состоять из разных групп, ведущих между собою напряженную борьбу; ход и течение этой борьбы образуют мировую историю, в которой люди обычно понимают до смешного мало, путают причины и следствия и не видят главной сути совершающегося.

Большинство людей в несправедливом обществе любит правду, но, видя, что торжествует неправый, уклоняется от борьбы.

В массе этих людей, называемых простолюдинами, рождаются — о прозрачный язык знания! — воины и торгаши. Воины — это люди, преданные идее и долгу, готовые сражаться и умирать за то, во что верят...

— Мне тяжело это усвоить, учитель,— говорит Алеша.

— Все настоящее — тяжело. Ты слушай и запоминай, ибо открываю тебе тайну тайн... Итак, из среды воинов иногда рождаются мудрецы. Они постигают сложность жизни и борются за правду во имя всех людей земли. Их нельзя обмануть, они видят коварство самых коварных.

Совсем иное — клан торгашей. Это хитрецы и пройдохи, озабоченные только собственной шкурой. Их родина там, где их деньги. Их отчизна там, где они верховодят. Когда они видят, что простолюдины или воины готовы защищать свои собственные интересы, они объединяют свои силы. Они не держат слов и пользуются насилием и ложью, чтобы разрушать правду.

Из клана торгашей не рождаются мудрецы, из этого клана рождаются маги, астрологи, хироманты, проповедники мистики, приписывающие числам более действенное значение, нежели явлениям живой природы. Это лукавые учителя безнравственности и порока, негласно поклоняющиеся дьяволу. По всему миру маги связаны друг с другом. Чтобы захва-

тить власть и богатство, они проникают в окружение правителей — под видом брадобреев, врачей, библиотекарей, составителей речей и советников. Разумеется, они всегда защищают своих сообщников, помеченных печатью дьявола.

Маги начальствуют над торгашами, самыми прилежными своими слугами, пытаются обольщать воинов, вербую их к себе на службу с помощью подкупа, обмана, разжигания гнусных страстей. Напротив, с простолюдинами ведут беспрерывную открытую, но более всего скрытую войну, стремясь заставить их навечно, а для этого подорвать нравственно, стolкнуть на самое дно, потому что чем здоровее жизнь простолюдинов, тем более рождают они воинов и, стало быть, мудрецов. И вот свирепствуют маги в народах, насаждая беззаконие, проповедуя разврат и бездушие, сжигая разум несчастных на кострах пьянства и забвения заповедей рода. Повсюду нашептывают они решения пагубные, представляясь, будто заботятся о славе и процветании государства. Проходит время, вместо процветания воцаряется хаос, обманутые прозревают, но поздно: подточена их власть и вот уже вокруг новых властителей вьются новые толпы магов, нередко прилюдно поносящие друг друга, чтобы наверняка действовать у всех за спиной.

Только мудрецы видят происки магов, и потому маги смертельно ненавидят мудрецов: боятся маги слов мудрости, ибо от тех слов прозревают воины и озадачиваются простолюдины.

Велика сила и влияние магов. Но им не дано прорицание, ибо прорицать — удел добра, а не зла. Зло способно только рассчитывать, подлинное же знание дается не расчетом, а только озарением справедливости...»

Странно — слова Альвареса наполняли уверенностью и новыми силами, и вдруг понял Алеша, что может утешить отца и мать, думая о них доброе. И едва подумал, они уже заулыбались, смахивая слезы, и лица их засветились надеждой...

ДОПРОС

Алеша проснулся на цементном полу в полной тьме и — сразу все вспомнил. Но уныния не было, была уверенность в своих силах. Осторожно растолкал Педро:

— Ты спиши?

— Нет, Алеша, не сплю, все думаю и думаю, как нам выбраться из этой тюрьмы.

— Выберемся, дон Педро, непременно выберемся. Как это поется в кубинском гимне? «Умереть за Родину — это значит жить вечно». Прекрасные строки. Они понятны нам, русским.

— Пить, — сказал Педро, — очень хочется пить.

— Надо терпеть, они нарочно нас мучают и будут мучить еще сильнее...

Вспыхнули над головой ослепительно яркие лампы, прямо-таки прожектора. После долгого мрака свет действовал угнетающе.

Вошли стражники в масках. Они подняли ославших Педро и Алешу и вновь потащили по подземным переходам. Наконец подростки оказались в клетке из толстых прутьев. Прямо перед ними, на веранде, откуда открывался великолепный вид на море, завтракал Босс. Он был в легком белоснежном костюме. Перед Боссом в прозрачных графинах стояли соки. Подле стола журчал маленький фонтан.

— Кажется, этот человек уплетает за обе щеки поросенка на вертеле. Я слышу запахи чеснока и перца... Боже, какие помидоры... Он запивает сочком грейпфрута, — шепотом комментировал Педро.

— Не зовите меня Боссом, — сказал Босс, — это напоминает о моих обязанностях, стало быть, портит мне настроение... Зовите просто: господин Гудмэн. Гудмэн — значит добрый человек. Эту фамилию приобрел мой отец. Так меня и зовите: господин Гудмэн.

— Господин Гудмэн, зачем нас, голодных, поместили в клетку, откуда хорошо виден ваш стол?

— Вы должны понять, ребята, как прекрасна жизнь, когда она разумна.

— Что это значит?

— Только одно, — господин Гудмэн налил в высокий бокал соку, бросил туда несколько кубиков льда, неторопливо размешал все соломинкой и

с удовольствием пососал:— Самолет разбился, и уже кругом прошло сообщение, что не спасся ни один из пассажиров. И о том, что лодку угнало в открытое море, давно уже сообщила кубинская печать... Спросит ли кто с меня, если я вас расстреляю, утоплю, уморю голодом? Нет, никто не спросит. Все случившееся забыто, сотни новых катастроф случились по всему миру, завтра забудут и о них.

— Что же вы хотите от нас?

— Я постарел и стал добрым,— сказал о себе господин Гудмэн.— Я уже ни от кого не прошу слишком много... Вы должны заявить, что просите политическое убежище и отказываетесь от возвращения в свои коммунистические страны... Каждый из вас получит определенную сумму денег и сможет поселиться на Багамских островах или где-либо в другом месте. Откроете свой бизнес, каждый будет работать на себя. Делайте деньги и веселитесь.

— До революции так было в России и на Кубе — каждый работал на себя, но несправедливость была нестерпимой,— сказал Алеша.

— Зачем думать о других? Каждый должен думать о себе. Вот и получится, что все думают обо всех. Это самое разумное — думать о себе.

— Нет, господин Гудмэн,— сказал Педро, не сводя глаз с графина с соком,— это уже было и это самая настоящая ложь: когда каждый за себя, все беззащитны перед сплоченной группкой эксплуататоров, перед теми, кто присвоил власть. Нет, мне более по душе иной принцип, он, действительно, справедлив: каждый — для всех. Тогда все — для каждого.

Босс протяжно зевнул, серебряной ложечкой ковырнул мороженое с ананасом — мороженое подал охранник, одетый официантом. На его громадных ручищах белые перчатки расползались по швам.

— «Каждый — для всех, все — для каждого» — это коммунизм, а значит, насилие, бедность, чепуха... «Каждый — для всех» — это, понимаете, не стимулирует личность. Чего ради личность станет выкладываться «на всех», если плодами ее труда завладеют вышестоящие, а самой личности в благодарность за ее труды бросят заплесневелый сухарь? Ведь так было, не правда ли?

— Не дурите маленьких, дяденька, — сказал Педро. — Какому шарлатану понадобилось вбивать нам мысль, что «на всех» — значит на вышестоящих? Если так случалось или еще случится, это как раз преступная измена принципам. «Каждый — для всех» — это осуществимо, когда каждый свободен и общего богатства достаточно, чтобы все жили богатой и справедливой жизнью.

— Этого не будет, — поморщился Босс. — Запомните: коммунизм — это ловкая шутка, бодрящая приманка для темных масс... Я не противник коммунизма. Нет. Пусть он живет. Чем он слабее, тем крепче наш лагерь. Уж мы позаботимся о том, чтобы наши дурачки не скрипели, когда умники будут делать свое дело... Для того чтобы коммунизм не испарился вовсе, я лично предложил бы соединить коммунизм с капитализмом. Вот чем должны заняться коммунистические страны, если хотят, чтобы мы с ними хорошенько сотрудничали. Они сотни лет будут совмещать одно и другое, как совмещали пол и потолок. — Он весело расхохотался.

— Хорошая шутка, но уже с бородой, дяденька, — сказал Алеша. — Вы порочите коммунизм, но вообще-то вы ничего не знаете о коммунизме, потому что все, что было, — это совсем не коммунизм, только подступы к нему, подступы пока что неумелые, неуклюжие при множестве нечистых рук... Вы же первый скорее лопнете, чем позволите народу свободно создать хотя бы одну, но настоящую коммуну... Нет, не было и не будет свободы выше, чем коммунизм. Не было и не будет справедливости и правды полнее, чем коммунизм.

— Настоящие волчата, — подумав, заключил господин Гудмэн. — Ну, так смотрите же, смотрите, как едят и пьют люди, которые плевали на коммунизм. А вы сосите лапу... Вот уморю вас всех, и об этом не узнает ни одна душа в мире... Не проще ли, не выгоднее ли пойти на компромисс?.. Когда на пути скала, скалу надо обойти, не правда ли? У нас на Западе все так и поступают. Всегда легко сговориться, зная, что слабый уступит, согласится на то, что ему предлагают.

Ребята молчали. Босс посмаковал мороженое и сказал:

— Наслушались своих учителей. А надо было их не слушать, надо вообще отвергнуть все назидания, если вы свободные люди... Надо жить весело. Никого не слушая, особенно родителей... Исходить нужно не из каких-то там правил, а из обыкновенной живой жизни... Ешьте мороженое, бездельничайте и ходите в кино... В конце концов мир состоит не из классов, а из обыкновенных людей, у которых полно общих интересов. И миллионер, и поденщик — они прежде всего люди. Каждый из них болеет насморком и носит носки. И, между прочим, за миллионом стоит большой труд, его уважать надо. Не каждый может добыть миллион. Нельзя делить мир на друзей и врагов, мир един и неделим.

— Господин Гудмэн,— сказал Педро,— вы взрослый человек, а пытаетесь обдурить нас, будто маленький мальчик, которому надо напоминать садиться на горшок.

Босс побагровел.

— Это что, дерзость?

— Нет, не дерзость, дяденька,— сказал Алеша.— Просто я и мой друг, мы оба считаем, что миллионер — это всегда вор, если вокруг толпы бедняков. В мире есть правда и ложь, честь и бесчестье, справедливость и насилие. Стало быть, есть друзья и враги... Ответьте, вы нам друг или враг?

— Самый настоящий друг!

— Тогда зачем же вы лишили нас свободы и бросили в тюрьму?

— Потому что я хочу помочь вам правильно пользоваться свободой. Вы не знаете, что такое истинная демократия. Вы жертвы коммунистических догм.

— Но мы не хотим такого учителя, как вы, господин Гудмэн,— сказал Педро.— Мы хотим домой, на родину.

— У солидных людей дом там, где они живут, и родина — там, где им платят деньги. Я ваш друг и не хочу, чтобы вы делали глупости.

— Господин Гудмэн,— сказал Алеша,— вы хотите, чтобы мы считали вас другом и любые ваши действия принимали за заботу о себе?

— Именно так.

— Даже если вы заживо бросите нас в муррейник?

— Зачем же крайности? — рассердился Босс. — Мы деловые люди. Всякий, кто не умеет поддерживать деловых отношений, терпит фиаско... Вы извините, мои друзья, я вынужден подержать вас в тюрьме, пока вы не образумитесь и не поймете, что я ваш друг.

Он подал знак, появились охранники в масках и вновь отвели ребят в темную камеру.

ПУГАЮТ

— Я умираю от жажды и голода, — сказал Педро. — Кажется, мы напрасно не пошли на компромисс, хотя бы для вида. Наелись бы, напились, а там было бы видно.

— Нет, — возразил Алеша. — Конечно, грязную лужу и скалу следует обходить. Но здесь речь идет о другом. Тот, кто стремится к достойной цели, не имеет права пользоваться недостойными средствами. Недостойные средства исключают достойную цель... И потом, у меня своя гордость: почему я должен уступать этому негодяю? По какому праву он издается надо мной? Да кто он такой?

— Он более сильный.

— Он более сильный потому, что пользуется чужой силой, силой обманутых и купленных людей.

— Согласен. Но есть-то все равно хочется.

— А ты думаешь, Босс дал бы тебе поесть и попить, не получив твоей подписи под бумажкой, в которой ты отрекаешься от родины?

— Ладно, — со вздохом сказал Педро. — Буду терпеть. Патрия о муэрте! Родина или смерть!

Разговоры постепенно увяли — слабость одолела ребят. Но едва они задремали, послышался душераздирающий вопль и что-то тяжелое шлепнулось на цементный пол.

Ребята испуганно подняли головы. Возле одной из стен в лучах света, пробивавшегося неведомо откуда, лежал залитый кровью человек.

— За что они его? — прошептал Педро.

— Нас пугают, — сказал Алеша.

— Надо подойти к несчастному. Но у меня нет никаких сил.

Алеша поднялся и медленно приблизился к убитому. Глаза его дико смотрели прямо на Алешу. На груди темнела ножевая рана.

Алеша захотел обойти убитого и тут обратил внимание на легкую, почти не приметную радужную сетку, как бы обволакивающую все освещенное место. Протянул руки — нащупал гладкую поверхность. Она дрогнула и — дрогнула вся сцена.

— Ну, что там? — шепотом спросил Педро. — Он жив?

— Все это дешевка, Педро, это всего лишь голограммическое изображение.

— Что это такое?

— Это фотография, сделанная с помощью лазерного луча. Она создает впечатление объемности, то есть имитирует действительность.

— Значит, господин Гудмэн нас пугает... Значит, сам чего-то боится...

Сознание того, что их не просто мучают жаждой и голодом, но что они борются за свою свободу, поддерживало ребят. Конечно, все разговоры прослушивались, но недруги не были настолько разворотливы, чтобы изменить заранее заготовленную программу психического воздействия.

Постепенно голограмма погасла, пространство заполнил вибрирующий звук, основная частота которого, вероятно, находилась ниже предела слышимости, однако звук сильно воздействовал на организм. Оба мальчика почувствовали страх, усталость, обреченность, потерянность: роковой звук изматывал какие-то важные центры.

— Держись, Педро, — прошептал Алеша. — Это тоже господин Гудмэн, наш лучший друг...

По потолку поползли сначала едва заметные волны света, чем-то напоминая проекцию «космоса» на цирковом куполе перед хитроумной программой. Вибрирующий звук усилился, все быстрее и быстрее ползли по потолку волны света, теперь уже резкого. Беспокойство нарастало, ребятам казалось, что вот-вот из темноты выскочит что-то ужасное.

И «что-то» выскочило.

Или, пожалуй, выползло.

Это было громадное существо, похожее на древнего ящера, — зеленоватая в складках и бородавках кожа, могучие чешуйчатые лапы, длинный хвост в костяных шипах, огромная пасть, усеянная несколькими рядами острых зубов. Но всего страшнее

были глаза. Стеклянистые, равнодушные, они испускали зловещий свет.

Со свирепым рычанием зверь устремился на подростков.

— А-а-ай! — непроизвольно закричали оба и бросились в стороны.

Шлепая тяжелыми лапами, чудовище проскочило рядом, обдав волной смрада, и скрылось в противоположном углу.

— Я боюсь, боюсь,— зашептал Педро.— Слышишь, компаньero, я боюсь этого зверя... По-мо-ги-те!

Алеша обеими руками обнял Педро, призывая его к мужеству, ободряя, говоря, что все это не настоящее, все подстроено. Но Педро не слушал, дрожал всем телом и умолял бежать. Бедняга, он был совсем истощен.

— Где он? Где он? — спрашивал Педро, порываясь вырваться.— Ах, там, ты видишь его горящие глаза? Он снова готовится к прыжку. Боже, мы погибли!..

Не выпуская из рук товарища, Алеша следил за желтоватыми огоньками, чувствовал близкое присутствие отвратительного существа. Он понимал, что это чучело, хитроумно сделанное чучело, и все же и сам чего-то боялся. Дикие вопли приводили его в трепет.

Страх воздействует всего сильнее, когда у человека есть или предполагается какой-либо выход, а когда выхода нет, человек тупеет, покоряется судьбе. Покоряется или, напротив, бросает ей вызов.

Еще раз промчавшись возле ребят, чудовище исчезло.

— Послушайте, дон Педро,— сказал Алеша.— Нет никакого смысла трепетать от страха. Надо бороться.

— Как? Ты же видишь, мы в руках негодяев!..

Но Алеша, возмущенный насилием, уже сверлил мыслью ту дырочку, которую предстояло расширить до спасательного лаза.

Оставив Педро, он прополз до центра камеры, где был слив: вероятно, истязатели время от времени готовили камеру для новых жертв, стало быть, убирали следы преступлений.

Мысль Алесхи была такой: если время от времени пол камеры смывали водой, то, значит, время от

времени приходилось чистить и сливную трубу. Вот ее и хотел исследовать Алеша — иного способа выбраться на свободу он не видел.

Добравшись до решетки, Алеша тщательно ощупал ее руками, пытаясь определить, как она крепится к полу. Упершись ногами, покрепче взялся за чугунный переплет и изо всех сил потянул вверх, всего на миллиметр решетка приподнялась над своим гнездом и вновь опустилась — руки не удержали ее. Но главное было сделано: Алеша убедился, что решетку можно снять и, стало быть, осмотреть сливную трубу: судя по величине решетки, труба была широкой, почти метровой. Конечно, лезть в нее было отчаянным, даже безрассудным риском. Но в их положении все казалось уже гибельным и безрассудным.

Он вернулся к Педро, зашептал в ухо:

— Помоги сдвинуть решетку со сливной трубы, хочу забраться в нее.

— Зачем? — также шепотом спросил Педро. — Это неминуемая и страшная смерть. Наверняка захлебнешься или задохнешься.

— Не совсем так, дон Педро... Я нашел в кармане еще моточек жилки. Она выдерживает не меньше двадцати фунтов. Ты будешь держать леску, а я буду подавать подергиванием постоянные сигналы. В случае опасности поможешь мне выбраться.

— Нет, — сказал Педро. — Не будем искушать судьбу. Не будем разлучаться, даже если нам суждено умереть.

— Покорно ждать смерти? Да пошли они... все к черту!

Он уговорил все-таки Педро. Вдвоем они добрались до решетки, рывком вытащили ее из гнезда и сдвинули к краю — старались не шуметь, догадываясь, что мучители подслушивают.

Алеша навязал Педро на запястье жилку и, свесившись вниз, ощупал сливную трубу. Она была скользкой, из нее пахло нечистотами. Куда она вела? В море? Море было, несомненно, где-то рядом. Если трубу очень заглубили, в ней постоянно должна стоять вода. Сколько нужно будет пронырнуть? Десяток метров?.. Если больше, тогда непременно захлебнешься в мерзкой жиже...

СМЕРТЕЛЬНЫЙ РИСК

Отступать было уже некуда.

Исследовав еще раз свои карманы, Алеша нашел небольшую гайку.

Бросил ее в трубу, прислушиваясь.

Раздался сухой звук. Это во много раз увеличивало шансы.

— Ну, держись, дон Педро,— прошептал Алеша.— И запомни: сдвоенное подергивание — все в порядке, строенное — беда.

Держась за края трубы, Алеша повисел некоторое время, а потом, решившись, отпустил руки. В тот именно момент, когда он падал вниз, инстинкт подсказал ему, что сделана непростительная ошибка и выбраться из трубы он уже никогда не сумеет: не выдержит леска, да и у Педро не найдется таких сил, чтобы вытащить.

Вертикальная часть трубы оказалась небольшой: метра два с половиной. Дохнуло смрадом и сыростью. С отчаянием обреченного Алеша стал продвигаться по мокрой трубе, шаря впереди себя босыми ногами. Темнота давила на психику. Алеша сматывал с руки жилку, зная, что всей его затеи хватит только на ее длину...

Еще метр. Еще. То ли от голода и слабости, то ли от канализационных запахов кружилась голова. Порою Алеша был близок к тому, чтобы отказаться вовсе от борьбы и сдаться на милость Босса — будь что будет. Но Алеша знал, что победа приходит часто на самом пределе сил, приходит тогда, когда тяжелее всего сделать последний шаг на пути к ней, и — не сдавался.

Еще метр. Еще... Дергая леску, Алеша подавал знак Педро, что все в порядке. В ответ слышал подергивания. Этот многозначительный разговор, эта отчаянная связь между друзьями была такой важной, такой необходимой. Кажется, лишись Алеша этой связи, он перестал бы искушать судьбу, лег бы на дно трубы и стал бы покорно дожидаться смерти.

Но ответные сигналы шли — там, на другом конце лески, ждал Педро, и, как видно, у него появилась какая-то надежда, если он подергивал все ча-

ще. Он беспокоился об Алеше, и Алеша не мог отречься от своего долга.

Еще метр. Еще... И вдруг Алеше показалось, будто слабый рассеянный свет забрежкил. Он с силой зажмуривался, пробовал сосредоточиться, но ему все мерещился живой свет — откуда он здесь, в этой крысиной норе?

Ага, вот оно что: над головой Алеши чуть-чуть светилась решетка! Но она была ближе, гораздо ближе — в двух метрах от продольной трубы, а может, и еще меньше. Алеша поднялся на ноги, чувствуя, что теперь уже окончательно задыхается, что бетон напрочь душит его.

«Ну, вот и все,— мелькнуло в сознании.— Зачем-то уцелел во время авиакатастрофы. Глупо все, глупо...»

Педро дергал леску, но у Алеши не было сил ответить.

Гаснущим сознанием, какою-то таинственной и неизвестной его стороной он почуял, однако, что не один, что где-то рядом должен быть, должен быть другой человек.

— Товарищ,— позвал он по-русски.— Помогите, товарищ...

Над головой зашаркали шаги, спросили по-испански:

— Кто-то что-то сказал?.. Эй, мне померещилось, что ли?

«Мне померещилось»,— спокойно уже, совсем спокойно отметил про себя Алеша. Ноги подкосились, он сполз вниз, ударившись затылком о бетонную трубу. Боль пробудила угасающее сознание, и это спасло его.

Как во сне, увидел он лицо усатого человека, наклонившегося над решеткой.

— Кто там?— тихо спрашивал человек.— Эй, кто там, ответьте!

Человек смотрел из освещенной камеры и, понятное дело, не мог видеть, что было там, под решеткой. Но он явственно рассыпал человеческий голос.

— Кто там?

— Это я, Алеша.

— Кто? Плохо слышу.

Но Алеша уже очнулся — дергалась к тому же леска: Педро в тревоге требовал ответа. И голос, голос звучал, обещая спасение.

— Это я,— едва не плача от радости, сказал Алеша по-испански.— Я узник Босса, помогите мне, я погибаю!

— Боже мой,— возбужденно зашептал человек.— Умоляю вас, говорите тише, тут неподалеку стражи... Ободритесь, друг мой, я сделаю все, что в моих силах...

Вскоре незнакомец уже знал в общих чертах о злоключениях бедных кубинцев и Алеши. И Алеша услыхал историю человека, томившегося в тюрьме.

Его звали Агостино, он был одним из вождей новой гаитянской оппозиции. Когда-то Агостино вел борьбу против режима диктатора Дювалье, потом поднимал людей против так называемого триумвирата, при котором на Гаити оставалась та же прежняя полная зависимость от американских монополий.

— Через час сюда придут мои истязатели,— сказал Агостино.— Я много не знаю, но уверен, что канализационная труба, в которую вы проникли, выходит в море, это в немногих метрах отсюда. В отлив она почти обнажается, в прилив дело похуже... Помогите мне убрать мою решетку: снизу она схвачена болтами...

Энергию человека — и это замечательное чудо природы! — определяют цели его действия. Чем значительнее цель, тем больше сил она высвобождает. Тот, кто поставил перед собою великую цель, достигает многое: становится ученым, изобретателем, проповедником, поэтом, подвижником...

Теперь от Алеши зависела жизнь еще одного доброго человека — борца за свободу народа, и он сумел взять себя в руки.

— Воды,— попросил он,— дайте хотя бы глоток воды, и я тотчас примусь за дело.

Вода нашлась, прямо в рот Алеше полилась тонкая струйка из пластмассовой банки. Он глотал воду и не понимал, утоляет или, наоборот, только обостряет жажду.

Передохнув, Алеша ощупал болты, на которых держалась решетка в камере узника. Их было четыре, и затянуты они были большими гайками.

— Гайки, наверное, заржавели, без ключа не подступиться.

— Болты бронзовые, — объяснил Агостино. — Должно быть, и гайки тоже. Они не ржавеют...

Две гайки Алеша отвинтил довольно быстро. Они, действительно, были бронзовые, но остальные две никак не поддавались. А время, между тем, летело неумолимо, и каждую минуту могло случиться непредвиденное, что перечеркнуло бы все слабые надежды на спасение.

— Ладно, — сказал Агостино, и в голосе его было столько печали, что Алеша содрогнулся. — Забудьте обо мне, спасайтесь сами. Если выберетесь на свободу, передайте весть об Агостино в Порт-о-Пренс. Меня пытают уже целый год, но я держусь, я не сломлен. Пока я жив, они не победят...

НА ВОЛЮ!

Алеша пополз обратно. Теперь путь был известен и поэтому не казался таким сложным.

— Эй, дон Педро, — прошептал он в темноту, дергая за леску. — Ты здесь?

— Я чуть не умер от страха, — сказал Педро. — Временами ты не подавал признаков жизни.

— Есть шанс, Педро, если ты готов, то прыгай сюда, ко мне.

— Я готов, — сказал Педро. — Лучше умереть в борьбе, чем в ожидании свободы.

Педро был очень слаб. Алеша боялся, как бы он не разбился при падении. Вывихнуть ногу или разбить голову было проще пареной репы. Алеша ухватил за ноги Педро и принял его на себя. Стоя в колодце, Алеша объяснил всю ситуацию.

— Надо торопиться, — прибавил он. — По расчетам Агостино, скоро начнется прилив, это намного сократит наши шансы.

Во мраке сточной трубы во время очередной передышки Педро сказал:

— Не выдержать тут долго, не выдержать... Не боюсь смерти, думаю, что не боюсь. Ни о чем не жалею, но так бы хотелось сказать сейчас людям, ко-

торые стоят на вольной земле и дышат вольным воздухом: «Не уступайте насилиникам ни пяди своих прав! Ни на минуту не прекращайте борьбу за равенство повсюду! Помните, насилие — это следствие неравенства!..»

Когда подростки добрались до камеры Агостино, Педро, задыхаясь, прошептал:

— Нельзя покидать в беде товарища.

— Что же ты предлагаешь?

— Ничего не предлагаю... Где болты, с которых ты снял гайки?

— В гнездах.

— Пусть Агостино передаст их сюда. Сжимая болты руками, можно действовать ими как гаечным ключом. Не столь надежно, но все же...

— Умница, дон Педро!..

Болты были извлечены из своих гнезд. С их помощью в самом деле удалось стронуть, а затем и отвинтить гайки. Решетка была снята, но тут выяснилось почти роковое: Агостино, хотя и не был толстяком, едва-едва пролезал в сточную трубу. Переменить положение, находясь в трубе, он уже не мог. Он бы не только немедленно задохнулся сам, но и закрыл бы, как пробка, путь мальчикам.

Какое потрясение испытали все трое! Отказаться от замысла, который сулил последний шанс?

Но тут Агостино решился на такое, на что в его положении вряд ли бы решился кто другой.

— Теперь или никогда, — сказал он. — Вы, ребята, пролезайте вперед. Впереди Алеша, потом Педро. Если Алеша удастся выбраться наружу, пусть изо всех сил тянет Педро. А к моей ноге привяжите леску, ибо мне придется пробираться на спине — ногами вперед. Если я кончусь, похороните меня на берегу океана...

Положение было отчаянным, учитывая, что храбрецов ожидала полнейшая неизвестность.

Как спелеологи — исследователи неведомых пещер, — поползли по трубе люди, жаждущие свободы. Впереди Алеша, за ним Педро, позади Агостино, которому приходилось, безусловно, труднее всех.

Видимо, беглецы упустили время, потому что вскоре в трубе появилась вода. Вода прибывала, и дышать становилось все тяжелее.

Когда-то Алеша мог пронырнуть метров двадцать. Но тогда были совсем другие силы, тогда был свежий воздух, тогда можно было всплыть на поверхность. А теперь, на сколько хватит сил теперь?

Странное дело: едва Алеша забрался в трубу, его не покидало ощущение каменного склепа, глухой могилы. А теперь, когда опасность достигла предела, страх отступил: во что бы то ни стало нужно было пронырнуть все расстояние, каким бы длинным оно ни было. Это было самым важным, важнее не было ничего...

Вода дошла уже до подбородка. Голова упиралась в верхнюю часть трубы. Не покидала страшная мысль об Агостино: жив ли он?

И — Алеша решился. Отпустив почти всю леску, он сказал, сомневаясь, что его поймут, потому что места не хватало уже и звукам:

— Педро, дружище, едва натянемся леска, ныряй без промедления!

Набрав в легкие гнилого, испорченного воздуха, Алеша погрузился в воду и поплыл вперед. Он ударялся о трубу головой, больно царапался о прицепившиеся ракушки, но изо всех сил работал руками. Вперед! Вперед! Но вот силы кончились, а проклятая труба все еще продолжалась. Алеша испугался, что они чего-то не учли и труба, если и выходит в море, тянется далеко, потому что кругом мелководье. Выпустив часть воздуха из разрывавшихся от удушья легких, Алеша сделал еще несколько движений. Но и этот оставшийся воздух держать было невмоготу. Он и его выпустил, обреченно выгребая руками. «Неужели это конец?..» Голова раскалывалась, уши заложило...

И вдруг Алеша почувствовал, что труба кончилась. Новые звуки охватили его. Он оттолкнулся от мягкого, заросшего скользкими водорослями дна и — оказался на свободе. Вода доходила ему всего лишь до груди.

Жадно глотая воздух, испытывая сильнейшее головокружение и все же ликуя, Алеша изо всех сил стал тянуть леску. Теперь он уже не сомневался, что Педро будет спасен.

И — Педро появился над водою. Он был почти в обмороке. Алеша подхватил его, стал смывать

с лица тину и вонючую грязь. Педро благодарно кивнул и, шатаясь, самостоятельно побрел к берегу. Приливная волна повалила его, пронесла несколько метров, а когда отхлынула, он остался на песке, стоя на корточках и выплевывая воду.

Теперь нужно было вызволить из трубы Агостино. Как ни напрягался Алеша, леска не поддавалась. Сообразив наконец, что он зря теряет время, Алеша набрал в легкие воздух и полез в трубу, ориентируясь по леске. Вот и нога бедного Агостино. Леска, зацепленная за ногу, так развернула тело, что оно не проходило в трубу. Не раздумывая, Алеша нашупал вторую ногу и рванул на себя, еще и еще раз и наконец вместе с безжизненным Агостино выбрался на поверхность.

Изнемогший, он еще судорожно глотал воздух, но уже заметил неподалеку охранника, стоявшего спиною к морю. Куда было бежать и что было делать? В пору было завыть от отчаяния.

Алеша перевел взгляд на Педро. Педро все стоял на корточках, но опасность увидел и он — показывал рукою то на охранника, то на пальмовую рощу, с правой стороны почти вплотную подступавшую к океану.

Будь Агостино в сознании, Алеша так бы и поступил — немедля бросился бы в рощу или укрылся бы за прибрежными скалами, торчавшими из песка по линии наибольшего прилива. Но Агостино не подавал даже признаков жизни. Крупное продолговатое его лицо было серым, глаза — закрыты.

Нечего было и думать делать ему искусственное дыхание на воде. Внезапно решившись, Алеша ухватил чернокожего гаитянца за руки и поволок к берегу, к скалам.

Педро понял его замысел и тоже подобрался к скалам. Когда Алеша подтащил Агостино, оба принялись удалять воду из его легких, а потом стали делать искусственное дыхание.

Агостино не дышал и не шевелился.

— Он должен жить, — повторял Педро. — Если мы не вернем его к жизни, я назову несправедливым все мироздание.

И все же усилия ребят не пропали даром: всхлипнув, Агостино открыл глаза и завалился на бок, его стало рвать мерзкой зеленой тиной. Он кор-

чился от судорог и громко стонал. Хорошо еще, что волны прилива заглушали его стоны.

— Ожил,— обрадовался Алеша.— Смотри, Педро, смотри теперь в оба, как бы нам не попасть в лапы охраннику.

Между тем Агостино совершенно пришел в себя.

— Спасли меня от смерти, спасибо,— тихо сказал он.— Подыхать дерьмом в трубе для дерьма — хуже этого я не знал ничего...

Передохнув, он выглянул из-за камня.

— Сматываться надо отсюда, и поскорее. Если нас еще не хватились, то хватятся в самое ближайшее время.

Буквально через минуту раздался тревожный вой сирены. Словно удар хлыста, он погнал беглецов в сторону пальмовой рощи. Согнувшись, они побежали к ней, а добежав, тотчас попрятались за деревьями.

Задняя часть резиденции Босса и примыкавшая к ней тюрьма были видны отсюда как на ладони.

Из тюремного здания выскочило несколько охранников. Один из них тотчас побежал к тому месту, где оканчивалась труба. Правда, прилив уже сделал свое дело, и охраннику пришлось забраться в воду по самые плечи, с трудом удерживаясь, когда накатывалась очередная волна. Другие охранники, столпившись на берегу, что-то кричали ему.

— Они думают, что мы в трубе,— засмеялся Агостино.— Как бы там ни было, мы сделали смелое дело. Посмотрим, кто из них сумеет повторить его.

— Повторить намного легче,— отозвался Педро.— Можно надеть акваланг и взять фонарик. Все пустяки, если можно подстраховаться...

Алешу раздражали разговоры. Видимо, у него наступил нервный спад. Он в изнеможении опустился на землю и лежал, безразличный ко всему, что происходит. Свистки и крики доносились до него, заработал мотор, на лебедке стали опускать в море сторожевой катер...

Временами наступала тишина — только море шумело, и тогда Алеше казалось, что где-то рядом звенит ручей. Это так его поразило и так захватило, что все иные звуки уже ничего не значили. Он сказал себе, что если не увидит сейчас ручья, если не

напьется из него, то жить на свете не имеет никакого смысла.

Он сел и осмотрелся — в двух шагах от него, за зеленым кустом, звенел прозрачный ручей.

— Вода! — закричал он. — Настоящая вода!

— Тише, не кричи, — Агостино улыбался счастливо. — Не трепыхайся, как бабочка в полете... Пей сколько хочешь. Какая удача!

И сам припал устами к воде.

Они пили прозрачную, чистую воду, чувствуя, как она возвращает силы и вместе с ними надежду. Алеша хотелось смеяться, хотя беда была совсем рядом, все туже стягивала петлю.

— Товарищи, — сказал Агостино, — как я понимаю, всю зону оцепили и теперь прочешут густым гребнем. Бежать не имеет смысла.

— Ждать, когда схватят, на месте? — возразил Педро.

— Отнюдь нет. Но теперь было бы глупо прорываться в глубину острова. Как рассуждают охранники? Они считают, что беглецы будут искать наиболее безопасное для себя место. Я предлагаю: немедленно подняться пальмовой рощей и тут, вблизи этого зловещего дома и тюрьмы, поискать укромное местечко, где мы могли бы передохнуть хотя бы пару часов. День близится к концу, ночью будет несколько проще.

— А не лучше ли разбежаться в разные стороны? — спросил Педро.

— Дон Педро, ты такой мудрый, а тут предлагаешь самое неподходящее. Но я понимаю, это от голода, — сказал Алеша.

— Черт возьми, — Агостино хлопнул себя ладонью по лбу. — Совсем забыл. Будет вам, ребята, сейчас кое-что на зубок...

С этими словами он извлек из кармана своей рубашки небольшой мешочек из пластика, крепко перехваченный бинтом.

— Вот, здесь два куска тюремного хлеба. Прихватил на всякий случай... упакованы как надо... Жизнь того, кто ищет правду, всегда состоит из слу чаев. К ним надо готовиться. — И потом, когда ребята жевали дрянной тюремный хлеб, добавил: — Если хочешь быть настоящим человеком, научись управлять собою. Любое преувеличение своего желания,

своего интереса, своего значения — начало беды, путь к беде, к забвению совести, к предательству людей...

Агостино разговаривал спокойно, но в то же время бдительно следил за тем, как разворачиваются события. Поднятые по тревоге стражники еще, конечно, не знали, погибли узники, ускользнули или затаились где-то поблизости.

Но вот когда к трубе подошел катер, когда стало ясно, что кто-то проделывает тот же путь по канализационной трубе, чтобы убедиться, что узники бежали, Агостино скомандовал:

— За мной!

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Следуя за Агостино, подростки углубились в пальмовую рощу, потом повернули и вышли к высокой стене, окружавшей тюрьму. Пройдя вдоль стены, попали во двор какого-то строения, крытого красной черепицей. Во дворе стояли чаны для мусора, велосипед, прислоненный к стене, и несколько железных бочек.

— Это караулка, помещение для охраны, — подсказал Агостино.

— Откуда это известно? — удивился Педро.

— Первое правило того, кто сидит в тюрьме, — все запоминать, все сопоставлять, все просчитывать, все иметь в виду... Сейчас разошлись, пожалуй, все стражники, за исключением дежурного. Если он один, значит, нам снова повезло... Ждите моего сигнала...

Агостино прокрался к входу в караульную, послушал, юркнул внутрь и выскользнул почти тотчас, покружил по дворику, попытался перевернуть бочку, но, видимо, в бочке было что-то тяжелое, сил залить ее не хватило.

В это время на крыльце вышел охранник.

— Кто тут? — позвал он. — Энрико? Это ты, Энрико?

Видимо, тишина показалась ему подозрительной, он прошел по двору, заглядывая во все закоулки. Приблизился к бочке. Казалось, вот сейчас, сию минуту он обнаружит Агостино. Но Агостино, видимо, бывал во всяких переделках: не теряя присутствия

духа, он буквально в метре от охранника затаился за бочкой. Казалось, охранник должен был услышать дыхание, почувствовать, наконец, тепло и запах чужого тела, но охранник ничего подозрительного не обнаружил и ушел в караулку.

Агостино тотчас выскочил из-за бочки, в руке у него был какой-то железный прут. Он побежал к двери слева от крыльца, поковырялся немного, открыл ее, вынес длинную лестницу, прислонил к черепичной крыше и махнул ребятам рукой.

— Он что, спятил? — проворчал Педро. — Пряаться под самым носом у этих негодяев? Да мы окочуримся от вонючего дыма их сигарет.

— В этих делах Агостино понимает намного лучше тебя и меня вместе взятых, — сказал Алеша, толкая Педро в спину. — Быстрей, быстрей!

Ребята добежали до караульного помещения и взобрались по лестнице на крышу. Вслед за ними проворно поднялся Агостино и осторожно втащил лестницу за собой.

Надо сказать, что караульное помещение — постройка, несомненно, давняя, старинная — завершалась со стороны двора небольшой башенкой. В то время как оба ската крыши хорошо просматривались, тыльная сторона башни была закрыта от наблюдения. Вот там и спрятались беглецы.

И вовремя!

Со стороны моря к караулке подошли два вооруженных охранника.

— Орландо! — сердито позвал один из них.

Выглянула дежурный.

— Что у тебя случилось? Почему ты молчишь?

— Энрико, — сказал дежурный, — исчезла моя рация. Я, грешным делом, подумал, что это ты захватил ее по ошибке.

— Не видел я никакой рации... И вообще, беглецов надо ловить не при помощи рации, а при помощи самых обычных собак. Была бы у нас пара овчарок, мы бы давно настигли беглецов.

— Босс не выносит запаха собак.

— Босс не выносит и запаха людей, — раздраженно сказал тот, которого звали Энрико. — С некоторых пор здесь стали твориться необъяснимые вещи, и виноваты, конечно, мы, простые служаки. Чего доброго, Босс и в самом деле исполнит свою угро-

зу, не выплатит премии, тогда наш заработка будет гораздо ниже, чем у парней, которые работают в других районах.

— Ты привереда,— сказал дежурный.— Люди рисуют там башкой, а ты, чем рискуешь здесь ты?

— Кошельком!— заорал Энрико.— Я не боюсь никакого риска, и если меня нанимают, пусть платят по полному прейскуранту!

— Уймись, приятель,— сказал дежурный.— Неважели ты всерьез принимаешь угрозы Босса? Расчитается с нами по полной, никуда не денется. Если, конечно, мы будем держаться сообща, а не лизать поодиночке... Да и куда, скажи, могут деться эти пацаны и чернокожий?

Энрико сплюнул, чиркнул зажигалкой, закурил.

— На остров пристало четыре кубинца и один русский. Итого — пять. Нас здесь, не считая Босса, повара, врача и радиста, двенадцать человек. И вот нас осталось всего семь...

— Как это так?

— Да вот так, как слышишь. Мигель убит. Судьба Бенито неизвестна. Антонио, говорят, перешел на их сторону. Еще двое взяты в плен. У них четыре автомата, это не четыре курительные трубки.

— Теперь понятно, отчего беснуется Босс. Но он может попросить помощи.

— Ты что, спятил? Кто даст помошь? Если узнают всю правду, ему несдобривать: как пить дать он потеряет свое местечко... Ты сам понимаешь, чем это обернется, если просочится хотя бы чепуховое известие.

— Их нужно всех перебить, этих кубинцев и прочих. Это они подняли тут целую бучу!

Голоса стихли — охранники ушли в здание.

Между тем спустилась ночь. И пошел дождь — шумно застучал по крыше.

— Свобода,— блаженно повторял Агостино.— Как прекрасно — свобода.

— До свободы еще далеко,— сказал Педро.

— Теперь, когда для нас прояснились многие детали положения, у нас гораздо больше шансов отстоять свободу, чем было час или два назад... Да и рация этого прохвоста Орландо сослужит нам службу...

С этими словами Агостино надел наушники и включил портативную радио, которую прятал до того за пазухой.

Он слушал некоторое время переговоры между стражниками, потом выключил радио и сказал:

— Положение у нас все равно пока очень дрянное. Но их положение не намного лучше. Их слишком мало, чтобы блокировать все пути. Дождь будет затяжной. Проще всего было бы теперь ускользнуть отсюда... Но я понимаю так: обмануть тюремщиков и вырваться на свободу — только одна сторона дела, может, даже не главная, потому что они будут продолжать мучить неповинных людей. Главное теперь — разоблачить истязателей перед всем миром. Мы имеем на это полное право.

— Конечно, имеем право, — согласился Педро. — Но все мы в таком состоянии, когда лучше уже не рисковать. Нужно хотя бы чуть-чуть окрепнуть. Вот уже более недели мы на голодном пайке.

— А что ты скажешь, компаньо?

Алеша вздохнул.

— Сколько нам придется пролежать здесь, на этой крыше?

— Не знаю, — сказал Агостино. — Судя по разговорам охранников, завтра должна прийти какая-то важная «партия», потому что позднее ожидаются уже штормы. Надо разведать, что это такое.

— А если не придет? Если мы ничего не узнаем? Сколько еще мы выдержим?

— Ладно, я понял, — подвел итог Агостино. — Что ж, вы правы. Пришел мой черед рисковать. Если я не вернусь часа через два, уходите сами. И знайте, я вас не выдам.

Сказав так, Агостино спустил лестницу и исчез в пелене дождя. Алеша проводил его взглядом с тяжелым чувством. Препятствие вставало за препятствием, и жизнь оказывалась не чем-то счастливым вот за этим или за тем рубежом, а постоянной, изматывающей борьбой, за исход которой нельзя было поручиться.

Усталость брала свое. Свернувшись калачиком, оба мальчика пытались согреться, но дождь безжалостно отнимал тепло. Педро дремал, Алеша думал о том, сумеют ли они отыскать дорогу к дядюшке

Хосе и выбраться из логова врагов, если не вернется Агостино.

А то вдруг начинало казаться, что лестницу обнаружат охранники и заберутся на крышу...

Как ни пытался Алеша удержаться от сна, все же это ему не удалось.

Была еще ночь, когда его разбудил Агостино.

— Ну, компаньero,— сказал он,— нам так повезло, что теперь уже просто нельзя рассчитывать на удачу: это будет великой наглостью и великой неблагодарностью.

Агостино принес жареного цыпленка.

Растолкали Педро. Ни слова не говоря, он принялся за еду, тщательно обсасывая каждую косточку.

Утром беглецы стали свидетелями необыкновенной активности охраны. Что замышлялось, выяснить было невозможно. Молчала и рация: видимо, ею пользовались только при общих действиях.

К утру дождь прекратился, а к полудню солнце стало припекать немилосердно. Скрыться от него было невозможно. От черепицы исходил жар — мутила жажда. Собрать воды во время дождя никто не догадался.

Хуже всех чувствовал себя Агостино, у которого за время тюремного заточения развилось какое-то легочное заболевание. Он дышал тяжело, с хрипами.

Вдруг все услыхали шум вертолета. «Теперь прошли», — подумал Алеша. Но тяжелая машина прошла, к счастью, в стороне. Ее вела, несомненно, опытная рука. Вертолет приземлился неподалеку от резиденции Босса на специальной бетонной площадке.

Педро, наблюдавший с крыши, тихонько комментировал события.

— Босс пожимает руки каким-то типам...

— Во что одет Босс?

— Неужели это так важно?.. Ах, если важно, пожалуйста: на нем белый костюм, широкополая шляпа и темные очки... Босса сопровождают четыре человека. Выгружают ящики и коробки.

— Вот где можно было бы поживиться, ребята, — мечтательно сказал Агостино, потирая руки. — Во всем мире воры и насильники лишают человека его доли — разве справедливо?

— Смотрите-ка, — сказал Педро. — Там люди... Выводят людей. У каждого руки связаны за спиной, на глазах темные повязки.

— Это очень важно. Все подробности, Педро, пожалуйста, — попросил Агостино.

— Все люди в одинаковых полосатых куртках и полосатых штанах... Шесть человек. Из них двое темнокожих... Ведут сюда... Сопровождает охрана. Оружие держат наготове...

— Вот это и есть «партия», — задумчиво сказал Агостино. — Я и прежде слыхал о специальных тюрьмах, которые содержатся в разных укромных уголках Нового света... Наша — одна из них... Месяц назад в соседней камере на допросе был замучен колумбийский патриот. Он был похищен из своего дома головорезами из «эскадронов смерти». Он перестукивался со мной...

Педро показалось, что вертолет оставили совершенно без присмотра. Это обстоятельство тотчас породило самый невероятный план — захватить вертолет и завладеть всеми запасами провианта.

Но вскоре план рухнул: вертолет улетел.

Беглецы приуныли, тем более что в караулку то и дело заходили охранники, так что невозможно было даже перекинуться словом.

Лишь к вечеру опустела караулка. Последним ее покинул Энрико, аккуратно заперев двери на ключ.

Чтобы ребята не пали духом, Агостино принялся рассказывать о разных случаях, когда люди проявляли бесконечно много мужества и терпения, но вспоминалось все малоубедительное, так что сам Агостино ненадолго воодушевлялся, замолкал и клевал носом.

— А помните, — продолжал он, зевая, — как в Колумбии ожили вулканы? Года два или три назад? Молчали пятьсот лет и вдруг ожили: потоки раскаленной лавы вызвали таяние льдов, получился внезапный сель — он погубил более 20 тысяч человек. Был такой городок Армеро, там было больше всего жертв. Все подступы к городу, дороги, мосты, все было разрушено. Раненые умирали без воды и пищи... Когда прибыл первый отряд спасателей, в одном доме под обломками услыхали голос 13-летней девочки. Забыл, как ее звали, о ней писали потом газеты. Так вот она стояла по подбородок

в воде и грязи. Под ногами у нее были тела погибших родителей, матери и отца. Борясь за жизнь, она простояла в холодной жиже целые сутки. Ей предстояло простоять без сна и отдыха еще два дня. Спасатели передавали ей пищу, но вытащить ее не могли, потому что девочку зажало между двумя бетонными плитами. Для того чтобы приподнять плиты, требовался подъемный кран. Но крана не было, и тогда решили откачать воду и грязь, чтобы облегчить положение несчастной. На вертолете доставили из ближайшего города насос. Но насос все время ломался. Люди постоянно чинили его и работали не покладая рук. Видя это, девочка сказала: «Отдохните, а я еще потерплю». Когда спасатели вернулись, девочки уже не было. Потеряв сознание от переутомления, она захлебнулась. Она держалась до последнего...

Когда Агостино закончил рассказ, Педро внезапно открыл глаза и сказал:

— Я читал об этой девочке. Ее звали Омайра Санчес. Она погибла потому, что не захотела больше жить.

— Она держалась до последнего, — повторил Агостино упрямо и даже привстал от возмущения.

— Да что вы, товарищи, — сказал Алеша. — Омайра Санчес вызывает восхищение, но разве вы сами испытали меньше? Особенно там, в канализационной трубе?..

— Там держались, а тут подожнем, — сказал Педро...

Небо вновь затянули тучи, пошел дождь, и все стало так уныло, что никто уже не проронил больше ни слова.

Едва настала ночь, беглецы спустились с крыши и попытались проникнуть в глубь острова, но вскоре сбились с пути.

— Куда дальше идти, мы не знаем, — сказал Алеша. — Давайте переждем тут до рассвета. Где-то рядом должно быть озеро с крокодилами. Антонио говорил, что это настоящие людоеды. Не хотелось бы в этом убедиться.

Расположились под деревом. Агостино в темноте набрел на какие-то кусты. Обрывал листья и жевал их, говоря, что это укрепляет организм, что он хоро-

шо знает растение, только забыл, как оно называется.

Ребята последовали его совету, и Алеша нашел, что вкус листьев напоминает вкус смородины.

— Мой дед партизанил, — сказал он. — Сражался против германских захватчиков. Знал свойства каждого растения, каждого дерева. Окажись мы сейчас где-либо в белорусском лесу, мы бы не пропали с голоду. Это уж точно. Такое несметное богатство: ягоды, орехи, грибы, дикие груши и яблоки, а сколько полезных трав! Зверобой, чистотел, девясила, мята...

— Я, конечно, не твой славный дед, — сказал Агостино, — но с детства наведывался в природную лавку. В нашей стране тысячи несчастных гаитянцев до сих пор питаются кореньями. Живут почти как первобытные люди. И как же жить иначе, если половина трудоспособных лишена работы? На 6 миллионов человек 12 больниц, в которых всего 600 коек... Империализм не дает нам подняться, сосет все соки, зная, что нищим нелегко прорваться к знаниям, стало быть, к разумной социальной организации, которая гарантировала бы свободу... Мои тетки живут в столице неподалеку от президентского дворца. Они промышляют тем, что ходят по жаре за водой. Покупают ведро воды по 10 песет, а продают по 11. Пять ходок за день — двенадцать километров по сорокоградусной жаре, чтобы выручить пять песет — дневной бюджет их многодетных семей... Видели бы вы, как живут эти дети. Целыми днями они роются в вонючих свалках, ходят вместе со свиньями и собаками по лужам, которые образуют сточные канавы... Гаитянцы постоянно страдают от истощения, в среднем они живут 40 лет, тогда как в европейских северных странах почти вдвое больше... Такова моя родина... Говорят, гаитянцы бездельники, для них главное выпить пива и потанцевать на улице под бамбуковый рожок, стук барабана и лязг консервных банок. Но они не бездельники, нет — подобно миллионам людей в других странах, они порабощены своей бедностью и своим невежеством. Они верят в «зомби», умерших, но затем воскресших и ставших невидимками людей. По вечерам я не раз приходил на Марсово поле перед президентским дворцом, чтобы поговорить с молодыми людьми... Они отправлены массовой американской культурой, не знают, где ис-

кать правду, они разочаровались в жизни. Алкоголь, секс и наркотики — их удел. Таков удел всех рабов грядущего века. Как-то подошел, спрашивая: «О чём разговор?» Они меня знали и потому не отмолчались: «О разном. Например, о кубинской революции». — «Разве кто-нибудь из вас был на Кубе?» — «Нет, никто не был». — «Кто-нибудь что-нибудь читал?» — «Я, знаете, покупал сувениры для богатого туриста, он дал мне журнал, там была статья о Кубе». Я рассмеялся: «Одни утешают правду, чтобы господствовать, другие думают, что ложь не помешает им обрести свободу...»

Голос Агостино выдавал его боль о родной стране, о родном народе.

— Горько слышать все это, — сказал Алеша, — кто же виноват, что народ терзает такое горе?

— Если я скажу: Дювалье, диктатор, ограбивший страну на миллиарды долларов, я мало что скажу. Если я скажу, что виновата вся правящая камарилья, объединенная «тонтон-макутами», тайной полицией, а по сути политической мафией, я тоже всего не скажу. Гаити, как и весь латиноамериканский мир, как весь мир в целом, грабит международный империалистический капитал. Новая хунта, пришедшая на смену смешенному диктатору, вообще распахнула двери перед американскими товарами — они окончательно задавят зачатки национальной экономики. Гаити скупают, как и другие страны. Оболваненные пропагандой, ослабленные нуждой, люди просто не хотят знать страшной правды: что их судьбами движет не всевышняя справедливость, а земное тотальное зло.

— Я читал о хунте, — откликнулся Педро. — Она сворачивает государственный сектор экономики, отменила все преграды на пути частного предпринимательства. Ничего хорошего народ не получит, еще сильнее пойдет разделение общества на богатых и бедных, а иностранный капитал подомнет под себя тех и других.

— Ты вундеркинд, Педро, — похвалил Агостино. — Из тебя выйдет настоящий человек: ты интересуешься не только устройством собственного желудка, но и функционированием всего мирового организма. К сожалению, в моей стране очень мало таких ребят.

— Это заслуга социалистической Кубы,— сказал Педро.— Мы еще не богаты, но учимся мыслить. Кто не мыслит, никогда не будет свободным... Скажи, Алеша, можно стать человеком, не представляя себе в деталях, как складывается политика, кто движет или стремится двигать политикой?

Алеша неожиданно для самого себя ответил стихами. С ходу перевел их на испанский язык. Сказал, что это стихи известного поэта, но это были его собственные стихи.

Кто равнодушен к правде дела,
того ничем не пробудить,
тот будет в жизни очумело
лишь небо ясное коптить.

Кого поля, леса и реки
не потрясают красотой,
тот не увидит в человеке
его всечудности святой.

Как нищий, он протянет время
средь пустоты и суеты,
неся чугунной скуки бремя...
Спроси себя: иной ли ты?..

— Когда наши гаитянские ребята, пусть даже десять процентов из них, станут рассуждать, как ты, Педро, или как Алеша, на Гаити наступит великое время социального обновления... Но пока нам не дают подняться... Вот и меня схватили для того, чтобы получить еще одного предателя, который бы тащил народ по пути, нужном и выгодном для них.

— Это для кого?— спросил Алеша, не остыv еще от своего экспромта.

— Для все тех же монополий,— подсказал Педро, польщенный, конечно, похвалой Агостино...

С первым лучом света поднялись на ноги. Оказалось, что блудили рядом с площадкой для посадки вертолетов, то есть практически совсем не отошли от резиденции господина Гудмэна.

В этом было свое преимущество: по крайней мере знали, куда теперь идти.

Включенная рация молчала, и потому беглецы чувствовали себя почти спокойно. Первый попавшийся ручей напоил их, а огороды, которые воздевали охранники, подкрепили бренные силы.

Более всего беглецам хотелось прилечь и отдохнуть, но это было опасно, нужно было поскорее попасть на мыс, увидеть своих товарищей.

ЗАСАДА

Никто из них не учел, что имеет дело с опытным противником, который болтовне предпочитает энергичные действия.

Почти на всех дорогах в западную часть острова, куда, по расчетам, должны были направиться беглецы, расположилась засада. Для отлично вооруженных людей Босса они не представляли никакой угрозы.

Едва отважная тройка миновала сосновый лес и стала подниматься на скалы, раздался грозный окрик:

— Стоять на месте! Кто побежит, смерть!

Сразу заработала молчавшая до этого рация. Беглецы тотчас же укрылись за камнями. Агостино, слушая переговоры между охранниками, определил, что их всего трое: двое движутся с разных сторон побережья, и пройдет не менее получаса, пока они соединятся.

Застучала автоматная очередь: пули веером легли впереди беглецов.

— Сдавайтесь, вы окружены и безоружны!

— Ребята, — сказал Агостино, — мы можем прорваться, если разделимся. Охранник один, и, как я понял, стрелять в нас разрешено лишь в крайнем случае. Подкрепление к нему явится не скоро. Надо его отвлечь.

— Я поведу переговоры, — вызвался Педро.

— Переговоры поведу я, — твердо сказал Алеша. — Я чуть покрепче, так что ты пойдешь с Агостино.

— Пожалуй, это правильно, — поддержал Агостино. — Давай задержи охранника переговорами, а минут через пятнадцать отходи назад и прориайся к побережью. Мы отвлечем на себя всех людей Босса, которые устроили засаду. В решающий момент я включусь в переговоры по радио и спутаю им карты.

Агостино и Педро тотчас поползли обратно.

Охранник выдал себя слишком рано, и хотя он замаскировался где-то вверху, скалистый холм внизу, заросший сосной, мешал ему полностью обозревать действия беглецов.

— Эй, ты,— закричал Алеша,— мы согласны сдаться, только ставим предварительные условия.

Охранник, видимо, опешил:

— Какие?

— Мы отпустим взятых в плен ваших людей, если вы дадите слово, что поможете нам возвратиться на родину.

— Условия ставим мы, а не вы,— последовал ответ после продолжительной паузы, которую охранник, по всей видимости, использовал для совета со старшим командиром, а возможно, и с самим Боссом.— Вы должны сдаться на нашу милость, тогда мы поступим милостиво.

— Но заключенный не вернется в тюрьму.

— Он вернется в тюрьму, потому что он преступник и приговорен к длительному сроку.

— За что же он приговорен?— Алеша тянул время, и стражник, видимо, еще не догадывался об этом.

Он вновь посовещался со своими.

— Человек, который назвал себя Агостино, уличен в убийстве и торговле наркотиками.

Алеша едва не расхохотался. Но задача его была другой — не спорить и не разоблачать, а тянуть разговор.

— Если это будет доказано, Агостино останется в тюрьме.

— Выходите все,— сказал охранник.— Вы будете хорошо накормлены и размещены по первому классу. Все будет решено путем переговоров... Две минуты на размышление.

— Пять минут!..

Прячась за высоким камнем, Алеша стал медленно отползать назад, стараясь обнаружить своего противника, но, впрочем, безуспешно.

И вдруг вдали послышались автоматные очереди. Почти тотчас начал стрелять и охранник впереди: в метре от Алеши почву вспороли пули.

«Агостино и Педро наткнулись на другого охранника. Попали в засаду или отвлекают?..» Разбираться не было никакого времени: кубарем скак-

тившись с холма, Алеша поднялся на ноги и что есть духу припустил к сосновому лесу.

— Стой! Застреляю! — летели вдогонку слова.

Обернувшись на миг, Алеша увидел своего преследователя. Он был метрах в шестидесяти и спускался со скал быстро, прыгая с камня на камень, как горный козел. «Догонит», — решил Алеша. Снова обернулся, чтобы прикинуть расстояние, и — будто поразил преследователя взглядом: тот внезапно споткнулся и упал. Поднявшись, побежал, припадая на одну ногу.

Алеша понимал, что ему все равно не уйти: лесок оказался редким и сразу кончился, впереди чернело болото, образовавшееся от дождей. Он побежал берегом, возле самой воды, оставляя следы, а потом перешел болото, выбрался на камни и затаился в молодом сосняке.

Вскоре, топоча тяжелыми ботинками, появился преследователь. Он бежал размеренно и напористо, и было ясно, что, несмотря на пораненную ногу, он еще свеж и ни за что не уступит. Он то глядел вдаль, отыскивая глазами свою жертву, то шарил взглядом под ногами.

Напав на следы, он уже не сворачивал и лишь на миг приостановился, не сразу сообразив, отчего вдруг они оборвались.

Одержаный сознанием своего превосходства, охранник не допускал и мысли, что подросток мог пересилить естественный страх и применить хитрость, поэтому, перейдя болотце чуть выше того места, где перешел Алеша, он побежал по редкому сосняку в глубину острова.

Не теряя ни минуты, Алеша бросился вновь к скалам. Он не сомневался, что охранник быстро поймет свою ошибку, и потому торопился как мог. Сердце выскакивало, в глазах мелькали слепящие пятна, мышцы ног деревенели и наливались свинцом, но Алеша упрямо карабкался все выше и выше. Нет, он не боялся за себя, но его возмущало до глубины души, что кто-то хочет за него решать, жить ему на белом свете или не жить, пользоваться свободой или сидеть в заточении.

«Все нахальство — из-за неравенства сил...»

Он преодолел вершину, не замеченный своим противником. За гребнем, спускаясь с помощью

найденной сосновой палки, стал уже узнавать местность — радовался скорой встрече со своими друзьями.

И вдруг совсем близко от себя, за выступом скалы, услыхал автоматные выстрелы.

Первой мыслью было, что стреляют в него, в Алешу. Но потом он увидел стрелявшего — это был еще один человек Босса. Стрелял он в Педро и Агостино: они были почти у подножья скал, им оставалось преодолеть уже совсем небольшое расстояние.

«Почему он не гонится за ними?» И — догадался Алеша: Педро и Агостино находятся уже под защитой команды дядюшки Хосе. И в самом деле — издалека донеслась ответная автоматная очередь.

«Он убьет Агостино и Педро», — испугался Алеша, видя, что им придется бежать по совсем открытыму месту.

Спустившись ниже, он подкрался к охраннику и в тот момент, когда тот изготовился стрелять, изо всех сил хватил его палкой по спине.

— Что вы делаете? — гневно закричал Алеша.

Испуганный неожиданным ударом, охранник с криком обернулся.

Когда до него дошло, что перед ним подросток, один из беглецов, и у него нет никакого оружия, кроме палки, он ухмыльнулся и заорал:

— Псих недорезанный! Ты мне дорого заплатишь за этот удар! А ну, брось дубину и повыше подними руки!

— Как бы не так, — сказал Алеша. — Если ты сейчас же не опустишь свою пукалку, я перетяну тебя уже не по спине, а по твоей рабской шее. Какое ты имеешь право угрожать мне? Я у тебя что-нибудь украл? Я тебя обидел?..

Но охранник уже совершенно пришел в себя и расхохотался. Низкий, как крышка на чайнике, лоб собрался в гармошку, оловянные глаза сузились, челюсть отвисла.

— Ха-ха-ха-ха! Хе-хе-хе-хе!..

— Как ты смеешь смеяться надо мной?

— Запомни, — хрюплю сказал охранник. — Эта истина стара как мир: кто сильнее, тот и смеется, кто сильнее, тот и гнет более слабого. А все остальное не стоит и плевка.

И тогда захотел Алеша. Он хотел громко и искренне: даже слезы выступили на его глазах. Охранник, глядя на него, беспокойно утикал рукой вспотевшее лицо.

— Ты чего?

— Болван! — проговорил сквозь слезы Алеша. — Болван, послушное орудие своего Босса. Это он, не имеющий никаких прав командовать тобою, внушил тебе, что твои права выскакивают из ствола автомата, как пули... Но объясни мне тогда, отчего твой Босс три дня назад велел связать Бенито и заживо швырнуть его в муравейник?

— Лжешь! Этого не могло быть!

— Это было, я своими руками вытащил Бенито.

— Не верю, — прорычал охранник. — Все вы, как мухи, засиживаете чужие мозги... Ну-ка, подними руки да шагай в гору, я поймал тебя и, стало быть, получу свою долю обещанной награды!

Алеша видел, что охранник не шутит. Бежать было некуда: оба они стояли на отвесной многометровой скале, единственный путь вниз закрывал охранник, а сверху уже спускался другой, тот, кого обманул Алеша.

И тогда он закричал что было мочи:

— А-го-сти-но! Пе-дро!..

Его, конечно, услыхали. И не только Агостино и Педро, но и другие товарищи; в ответ прозвучали три одиночных выстрела: знак, что он, Алеша, не забыт своими товарищами.

Между тем охранники поняли, что Агостино и Педро им уже не отбить, Алеша — их единственная добыча. Они схватили и крепко связали его. Один из охранников пошел впереди, а второй следом за ним, держа на плечах связанного. Сверху им маякал уже третий охранник...

РАЗГОВОР С БОССОМ

Алешу втолкнули в одиночную камеру. В окно, закрытое крестообразной решеткой, втекал ручеек свободного света.

Через час вошел незнакомый охранник, принес еду: котлету с рисом, бумажный стакан апельсинового сока, ломтик сыра.

Закружилась голова при виде этого неслыханного изобилия, но Алеша твердо сказал:

— Я не прикоснусь к пище до тех пор, пока мне не пообещают встречи с господином Гудмэном. У меня есть к нему неотложные вопросы.

Охранник ничего не ответил и вышел, закрыв дверь на ключ.

Через некоторое время он вернулся и сказал:

— Можешь жрать: тебя примет господин Гудмэн.

Это уже было победой, и Алеша с чистой совестью накинулся на еду.

Вскоре после полудня его провели к Боссу. Господина Гудмэна и Алешу разделяло пуленепроницаемое стекло, в которое было вмонтировано несколько звуковых каналов.

— Вы меня боитесь?

— Нет,— сказал Босс,— тебя я не боюсь. Я боюсь на свете двух вещей: СПИДа и коммунизма.

— Что такое СПИД?— Алеша знал, что это такое, но хотел услыхать ответ от господина Гудмэна.

— Это ужасная штука,— Гудмэн возбужденно заходил по кабинету.— Синдром приобретенного иммунодефицита. Коварный вирус, проникая в кровь, разрушает лейкоциты, белые кровяные тельца, призванные защищать организм от инфекций. Этот вирус способен к быстрым изменениям и потому распространяется по всему миру, как пожар в сухом лесу... Мы все подожнем, парень... Проклятый мир!.. Я боюсь каждого иностранца, но иностранцев повсюду только прибывает: белые, черные, желтые, всех оттенков — какая гадость!.. Когда-то я мечтал купить небоскреб, сделать из него прибыльный отель, но теперь я боюсь вкладывать деньги в это дело. Наркоманы и больные СПИДом — им море по колено, им терять нечего — подожгут отель, и, как бы хитро он ни был застрахован, я прогорю, стану таким же ничтожеством, как другие... Этот остров — мой последний бизнес, и я никому не позволю мешать мне ловить мою рыбу.

— Ну, хорошо,— сказал Алеша.— СПИД — это понятно. Вы хотите жить, дышать чистым воздухом и наслаждаться здоровьем, но вас вталкивают в ту же смрадную камеру, в которой сидят остальные, и отнимают здоровье, делясь общей заразой.

— Вот именно,— сказал господин Гудмэн, не замечая насмешки.— СПИД придумали умные люди, чтобы приструнить чернь, всякое социальное деръмо вроде безработных, проституток, алкоголиков и наркоманов, но средство оказалось слишком крепким: его хватит на всех граждан... Я боюсь заразиться, да, я не скрываю. Если эпидемия будет распространяться такими темпами, как сейчас, мир вымрет.

— Что же,— сказал Алеша,— пусть вымирает преступный и грязный мир. Если люди настолько глупы, что не хотят внимать голосу разума, пусть их раздавит безумие. Не этот СПИД, так другой, который еще придет.

— Но при чем тут я?— господин Гудмэн почесал волосатую грудь.— Кто хочет подыхать, пусть подыхает, пожалуйста, только без меня!

— Знаете, кто не дает поумнеть человечеству?

— Кто?

— Шайка негодяев, которая наворовала больше всех богатств и захватила больше всех власти. Легче управлять дураками, легче повелевать невеждами, легче пугать, когда полно неизлечимо больных. Вы один из этой шайки.

Господин Гудмэн побагровел от злости.

— Щенок! Если не будет порядка, это стадо перетопчет и перепачкает само себя. Лучшие люди, соединяясь, управляют человечеством, тем самым спасая его. Ты повторяешь чьи-то лозунги. И я скажу тебе, что это за лозунги,— это коммунизм. Вы, русские, придумали его.

— Почему же русские? Вовсе не русские. Коммунизм — это тысячелетняя мечта народов всего мира. Русские — первые, кто попытался продвинуться к ее осуществлению.

— Коммунизм — это кровь! Это Сталин! Это лишение всех собственности и воли! Это господство одной точки зрения! Это тюрьма!

Алеша рассмеялся:

— В таких случаях мой отец говорит: вы наивны, как курица, клюющая собственные яйца... Что вы знаете о коммунизме? Кто всерьез осуществил хотя бы одну настоящую коммуну в нашем веке? Коммунизм — не лозунг, не призыв, не насилие, а свободный выбор свободных людей, способных обеспечить действительное равенство. К тому же при

сохранении справедливости, при общем богатстве и полной свободе личности... Да, правда жизни — одна. Но как раз вы и не хотите этой правды... Сталин строил социализм, но не достроил его, потому что социализм — это общество, где совершенные люди добровольно начинают созидать коммунизм, коммуна за коммуной. Сталин не понял роль свободы и культуры. Он и сам не был свободен...

— Учат, учат вас, русских, кровью учат и слезами, а вам все кажется, будто вы все знаете и все умеете,— выкрикнул Босс, нервно расхаживая по своей половине комнаты и покусывая при этом оглобельку черных очков. Рыжие глаза его на веснушчатом лице были неподвижными, колючими, сухими, словно боялись живого света.— О человеке и его будущем никогда нельзя знать наверняка!

— Вы не правы, господин Гудмэн. Это не русским людям кажется, будто они всегда все знают и сумеют построить такое, что до них никто не строил. Это тем казалось, что стояли над всеми и не хотели с ними считаться... Но есть предмет, о котором положено иметь точное и определенное мнение,— это правда... Тут вы, пожалуй, правы: многострадальное сердце всегда угадывает, где правда. А у русских людей оно поистине многострадальное.

— Хватит философии,— перебил Босс,— не для того вовсе я позвал тебя... Люди, громадное их большинство, невежественны и бестолковы. Чем больше делаешь им добра, тем больше они неблагодарны. Только в тюрьме они и понимают, что значит свобода. А потому их удел — тюрьма без срока и без конца. Их нужно доить и доить, только тогда они дают молоко. Всегда лучше, чтобы люди только мечтали о свободе, чем пользовались ею... Слушай теперь о делах: мне надоело расходовать нервы на поимку негодяев, подобных тебе. Я вас не просил высаживаться на моем острове, тем более не потерплю вмешательства в порядки, которые здесь существуют. Вот мой ультиматум, и о том потрудись тотчас написать своим: вы освобождаете всех моих солдат и просите политического убежища — я переправляю вас в ту западную страну, которую вы назовете. Если же будете дрыгаться и ломаться, как до сих пор, я всех вас ликвидирую. Понятно я выразился?

— Мы потерпели беду. Мы случайно оказались здесь. Мы рассчитывали на элементарную помощь. Такая помощь — древний обычай между народами. Но вы навязали борьбу. Вы применили насилие... Дайте бумагу и карандаш, я напишу о ваших предложениях, но я уверен: ни один из моих товарищей не отречется от родины.

— Зачем отрекаться? Наоборот, истинно демократические силы восславят вас повсюду как подлинных борцов за народ против навязанного ему тоталитаризма. Мы позаботимся об этом. Тут кругом наши люди.

— Предать совесть — на это мы не пойдем, — спокойно, с сознанием своей правоты повторил Алеша. — Мы готовы с благодарностью принять от вас помощь, но служить вашим интересам не хотим. Тут нас не обмануть...

— Молчать, — заорал внезапно Босс, размахивая кулаками. — Чтобы какой-то пацан учил меня, — не бывать этому!

Он круто повернулся и ушел.

Однако его люди вскоре принесли перо и бумагу. Передав привет всем своим товарищам, Алеша изложил требования Босса. «В противном случае, — писал он, — господин Гудмэн, исповедующий идеологию свободомыслия и полной демократии, грозится уничтожить всех нас и не остановится ни перед чем».

Прошел день, и другой, и третий, а об Алеше словно забыли. Кроме воды и ложки рисовой каши, ему ничего не давали. И он понял, что ультиматум Босса его товарищи решительно отвергли. Это прибавило ему сил.

СТАРАЯ ЛИСА ВЫХОДИТ НА ОХОТУ

Клацнул замок, скрипнула дверь — в камеру впустили Бенито. Он был весел, только под глазом у него темнел фонарь — знак, что кто-то не разделил с Бенито его оптимизма.

— Привет, старик! Вот и кончаются твои мытарства, — он дружески хлопнул Алешу по плечу. — Я привез ответ дядюшки Хосе. Дядюшка согласен попросить политическое убежище, но, конечно же, если все мы получим человеческие условия жизни.

Тут они составили документ и просят тебя, как представителя великой державы, первым подписаться от общего имени.

— При чем здесь представитель великой державы? — удивился Алеша. — Попросив политического убежища, все мы отрекаемся от родной земли.

Бенито и ухом не повел.

— Всем нам, охранникам, — трещал он, — простят нарушение дисциплины и выплатят то, что положено. Вопрос будет закрыт полностью. Подписывай, и через час все мы встретимся в совершенно иной обстановке.

— Постой, расскажи, как они там? Как Педро? Как Антонио? Как дядюшка Хосе и Агостино?

— Все нормально, старик. Мануэлю и Марии жуть как надоела вареная рыба. Антонио получил прощение со стороны Босса, а вот Агостино предстоит вернуться в тюрьму. Жаль, жаль, но ничего не попишешь...

Алеша не сомневался, что Бенито лжет, что он предатель, и решил проучить его. Как ни противно было скрывать свои чувства, Алеша понимал: не он начал подлую игру в обман и, стало быть, имеет право уплатить притворщику тою же монетой.

— Бенито, я верю тебе.

— Вот и прекрасно, старик. Подпиши бумагу, и через день-другой вы отчалите в теплые края.

— А если не подпишем, что будет? Ты лучше всех знаешь Босса, он доверяет тебе, поскольку выбрал для такого ответственного поручения...

Бенито распустил павлиньи перья.

— Да, я знаю, как умеет гневаться Босс. И власти у него довольно. Поверь, он может всех вас скормить крокодилам, и никто не помешает.

— Даже ты, Бенито?

— А что я могу сделать?

— Значит, нам не вырваться из его когтей?

— Не вырваться... Если не скормит крокодилам, не бросит на съедение муравьям, он продаст вас агентам, поставляющим в закрытые клиники почки, сердца, костный мозг и прочий трансплантиционный материал.

— Он такой могущественный? Он имеет право считать людей трансплантиционным материалом?

— Он могущественней, чем ты можешь себе вообразить.

— Чем ты докажешь? Я же должен быть в этом уверен, если ставлю свою подпись.

— А ты умеешь держать язык за зубами?

— Ну, разумеется.

— Подпиши бумагу, и я скажу.

— Нет, ты сначала скажи, и я подпишу.

Бенито злился, но еще держал себя в руках.

— Знаешь, кем я был до того, как меня нашел и пригрел Босс? Я был деръемом, самым настоящим деръемом. Люди, приближаясь ко мне, зажимали носы... После революции на Кубе я уехал в Соединенные Штаты. Попал в Нью-Йорк. Мне говорили, что мне посчастливилось. Но это самый страшный и самый жестокий город на свете. Я был «чиканос», неполноценным латиносом, жил в Южном Бронксе — в дыре, которую занимали такие же жалкие бродяги, как я. На четверых была только одна постель, на ней мы спали поочередно. Мы рылись в гнилых отбросах, помогали федеральной службе травить крыс, за это нам кое-что перепадало... Моего приятеля Феликса ухлопали наркоманы. Попросили закурить и пахнули ему в глаз из «пушки». Все было продажно и все защищено законом лишь名义ально. Власть всегда у богатых, старики, и прав всегда больше у тех, у кого больше собственности. Босс спас меня от самоубийства.

— Взамен он потребовал убивать других, не так ли?

— Тут уже надо решаться, — вздохнул Бенито, — либо ты, либо тебя. Третьего в нашем мире не дано... Я удидал с Кубы на простой рыбакской лодке. В пути мне встретились две такие же лодки с гаитянцами — они бежали от зверств тайной полиции. Всем нам повезло — море было чисто, как стекло, и спокойно, как кисель в стакане. И вот в территориальных водах США нас встретила береговая охрана. Когда они узнали, что плывет сброд — без долларов, без дипломов, без связей, одни вспухшие животы да молящие глаза, — лодки были потоплены катером. Безжалостно, без всяких объяснений. Гаитянцы — те быстро потонули. И я бы не дотянул до берега — если бы со мной не было пробкового жилета... Когда янки, наглядевшись на плавающих щенков, повер-

нули катер и стали уходить, я напялил свой жилет... Меня подобрали у берега без сознания. Но уже не тронули... Подпиши скорей эту бумагу, и давай забудем про кошмары, что окружают нас.

— Нет,— сказал Алеша.— Я раздумал. Твой Босс все-таки не всесилен, и потому подписывать я не буду. Потом обо мне скажут: струсили, а тигр-то был бумажным.

Лицо у Бенито вытянулось, на скулах обозначились желваки.

— Босс связан с теми, кто руководит транснациональными компаниями: и американскими, и европейскими, и прочими. Довольно?.. Он работал и по сей день работает на них — довольно?.. Их слово — закон, они смещают и ставят премьеров и президентов по всему миру. Довольно?

— Нет,— сказал Алеша,— не довольно. Они эксплуатируют народы, они навязывают им свою волю, они не позволяют людям иметь собственное мнение, но я не признаю их власти.

— Безумец! Да они завтра же лишат тебя глаз, волос, сердца, печени!.. Тут, за стеной, побывали многие партии таких храбрецов. Их разобрали на запчасти...

Поняв, что выболтал лишнее, Бенито побурел от досады.

— Ну, как хочешь,— пригрозил он,— только ни о чем больше не проси, поезд уже ушел!

Хлопнул тюремной дверью и был таков.

ДУМЫ О РОДИНЕ

И еще день прошел. Алеше по-прежнему не давали ни пить, ни есть. Видимо, думали, что голод и жажда доконают его, он станет просить и унижаться, пойдет на предательство.

Лежа на холодном каменном полу, Алеша спал, бредил, вспоминал своих товарищей, знал, что они ведут напряженную борьбу и не оставят его в беде.

«Конечно, может быть и так, что мы ничего не добьемся,— миллионы людей проиграли свою борьбу. И проиграли прежде всего потому, что не знали в точности, кто им друг и кто враг, что их спасет и что погубит. Люди проиграли, потому что сражались в одиночку,— на это всегда ставили мучители

и растлители человечества, не давали людям объединиться, ссорили их, рассаживали по разным социальным клеткам, чтобы одни завидовали другим и каждый из них боялся опуститься в клетку пониже...»

«Нелегко защитить правду: немало тех, кто равнодушен к Отечеству, не чувствует никакой ответственности, стремится завладеть чужим, принадлежащим другому или другим. Такие люди низкопоклонствуют, льстят, обманывают, подкупают, используют чужие слабости, несчастья, восстают против равенства, крича, что оно уродует и оскорбляет талант и инициативу, а на деле нагло добиваются для себя преимуществ, зорко следят за тем, чтобы и близко не подпустить других к порогу справедливой жизни... Хищники умеют организоваться, сложиться в стаю, в банду, потому что ими движет эгоизм. Зато честные никак не могут объединиться: словно стыдятся мысли о коллективном отпоре, и напрасно...»

«Нелегко и непросто добиться совершенной жизни в родной стране, где большинство порядочных людей. Но как тяжко, как трудно защититься в условиях чужой страны, где кругом иноплеменники, иные нравы, иные обычаи, иные законы!..»

Вновь и вновь вспоминал Алеша отца, мать, бабушку, родной город Гродно, вспоминал своих товарищей — одноклассников и друзей-мексиканцев. И думалось ему, как это прекрасно, когда человек свободен и может по собственному желанию трудиться, учиться, делать нужные всем вещи. «Это счастье — работа, отчего же человек не славит великий смысл всякого созидающего труда, отчего ленится, уклоняется от трудностей, больше всего мечтает об отдыхе?.. Несчастный! В мире много прекрасного — это и море, и степь, и горы, и картина настоящего художника, и стихи настоящего поэта, это и дружба, и любовь, и общая борьба за справедливость... Но самое возвышенное и самое возвышающее — работа, которая помогает жизни людей и жизни природы...»

С какою бы радостью Алеша сейчас порисовал, вскопал бы грядки на бабушкином огороде! С каким восторгом сбежал бы в магазин, нарезал хлеба, приготовил яичницу с салом и помидорами. С какою

охотой пошел бы на школьный субботник и красил бы стены классных комнат или таскал парты!..

Реальность была другая — камера, полное одиночество, попранное достоинство, голод и жажды...

И подумалось Алеше, будто он не один, будто с ним снова Педро, смешной и рассудительный, легко вдохновляющийся и так же легко приходящий в уныние. «Милый Педро!..»

«Как же хорошо жилось мне прежде, а я не понимал, все тосковал о чем-то другом, ином, необыкновенном, а в обыкновенном, выходит, и было больше всего необыкновенного: говори с матерью и отцом, учи уроки, читай любимую книгу, играй в шахматы, мастери радиоуправляемый корабль, иди на Неман рыбачить...»

— Слышишь, — Алеша мысленно обратился к Педро. — Запомни, я живу на улице Горького, во дворе за магазином «Мелодия». А все мои приятели живут рядом — на Калиновского... У нас хороший двор. Есть детская площадка... Город красивый, старинный, ему уже за тысячу лет. Приедешь к нам, я покажу тебе такие уголки, что ахнешь. Мы слишком скромные люди, не кичимся и наперед не лезем, а у нас есть что показать, есть на что посмотреть, хотя многое, многое разрушено войной и всякими проходимцами, хотелыми лишить народ его корней... Ты слышишь, Педро?

— Да, — не сразу откликнулся Педро. — Я все слышу. Человек по-настоящему культурен, когда постоянно ощущает за собой мужество и мудрость своего народа, чувствует, как призывают его столетия.

— Вот именно призывают, — сказал Алеша. — Ты понял меня, Педро, спасибо. Разве мы вправе поддаться этим негодиям, этим насильникам, если наши предки находили в себе силы противостоять им?

Алеша ждал ответа, но Педро вдруг заплакал:

— Почему уже нет в мире таких островов, где человек мог бы строить все по собственной воле? Везде его что-то подстерегает, что-то караулит, а душа жаждет свободы и правды.

— Свободы и правды нельзя найти даже на самых далеких островах, Педро. Свободу и правду

нужно утверждать в своей собственной стране, шаг за шагом. Счастливый мир возможен — это мир нашей осуществленной мечты. Реальный мир...

ПОЛОЖЕНИЕ ОСЛОЖНЯЕТСЯ

Алеша уже не ощущал времени — ходил по камере, лежал на полу, стараясь как можно чаще менять положение. Не знал, день или ночь. Есть уже не хотелось. Он угасал, но протест только крепнул, ничто уже не пугало.

Но вот отворилась дверь — в камеру втолкнули двоих.

— Кто это? — машинально спросил Алеша.

— Ничего не вижу, — послышался голос. Это был голос... дядюшки Хосе. — Кто спрашивает?

Алеша нисколько не удивился. Там, где столько беды, может иногда случаться и радость.

— Рассаживайтесь, прошу вас, на этом каменном ковре.

— Алеша? Какая радость!.. Слышишь, Мария, нас посадили в камеру к Алеше!..

Блеснула надежда — принесли воду. А потом потекли новости. Люди хотели разобраться в обстановке.

Коварный Бенито вернулся в лагерь дядюшки Хосе, говоря, что тогда, ночью, он самовольно покинул пещеру, чтобы раздобыть немного пищи, но его схватили, а теперь он вновь бежал от Босса. Ему, конечно, не поверили и попросили уйти. Тогда он вызвался провести переговоры с Боссом об освобождении Алеши. Антонио твердил, что это новый обман, но Педро убедил дядюшку Хосе согласиться: все-таки какая-то надежда.

И вот Бенито принес письмо от Босса, в котором тот давал клятвенные заверения «мирно обсудить проблему о русском мальчике и вообще».

И вновь протестовал Антонио. Но так как все зашло в тупик, надвигалась холодная осень, время бурь и шквальных ветров, согласились и на это предложение. Мария решила пойти с дядюшкой. Бенито завел их в такое место, где они были окружены и схвачены охранниками.

— Это невероятно, чудовищно, наконец, бескультурно, — возмущался дядюшка Хосе. — Нам дали письменные заверения. Кстати, бумага осталась

у Антонио, и при случае мы используем ее как улику. Но эти негодяи тотчас заявили, что письмо — фальшивка, составленная неведомо кем. Ты понимаешь, компаньero?

— Сам Бенито и придумал фальшивку, — сказала Мария. — Негодяй хочет выслужиться. Но придет час, и ему придется ответить за все свои проделки...

Алеша оживал. Воды приносили целое ведро на троих, но пищи не давали, как и прежде.

Босс замышлял что-то свое, и это не сулило ничего доброго.

Дядюшка приуныл и, чтобы не мучить Марию и Алешу пустыми разговорами, все время спал или делал вид, что спит.

Однажды — это было днем — дядюшка во сне с кем-то разговаривал, отвечая «да» и «нет».

— Интересно, с кем это он там встретился, — сказала Мария. — Я бы много дала, чтоб поучаствовать в разговоре.

— Может быть, он беседует с нами, — пошутил Алеша. — «Да, да», — это он отвечает на вопрос: принести ли нам горячего кофе и бутерброды? «Нет-нет», — это он возражает против гуляша с рисом и острой подливкой из помидоров и перца...

Когда дядюшка проснулся, Мария рассказала ему, как он бубнил во сне и как она и Алеша шутили на его счет.

— В самом деле, — рассмеялся дядюшка. — Вы угадали. Я вместе с тобой и Алешей гулял по Малекону¹. Мы наблюдали за рыбаками и влюбленными парочками, а потом купили мороженого и слушали пение какого-то гитариста. А потом отправились ко мне домой в район Регла, там нас ожидали Педро, Мануэль и твоя мать Розита. Все мы сели ужинать при свечах и за ужином говорили о том, как выбрались с этого проклятого острова.

— Да-да, и еще мы говорили о том, как был наказан трус и негодяй Бенито, — подхватила Мария.

— И еще мечтали о том, как все вместе поедем в Советский Союз и погостим в городе Гродно у моей мамы, — прибавил Алеша.

¹ М а л е к о н — набережная в Гаване, протянувшаяся вдоль берега океана. Излюбленное место прогулок жителей города.

— И еще о том, — улыбаясь в усы, сказал дядюшка Хосе, — что в жизни нужно уметь ценить саму жизнь, ее сущность и не изменять этой сущности... Глупые люди слишком много внимания уделяют форме в ущерб содержанию. Если они и читают книги, то о том, как какой-то Альфонсо разбил нос какому-нибудь Даниэлю или какой-нибудь Даниэль провел какого-нибудь Родригеса... Надо уметь выбирать из моря литературы книги, которые учат искусству разумной жизни среди людей и природы, которые раскрывают суть борьбы во всем мире между правдой и ложью, между свободой и рабством.

— Молодежь не слишком увлекается книжками о политике, — сказала Мария. — Ей кажется, что это всего-навсего «нравоучения». У нас в школе многие уверены, что «нравоучение» — это плохо. Но ведь это прекрасно — знать о том, что нравственно и что ненравственно, не так ли? Это начало начал для того, чтобы верно понимать жизнь.

— Молодым людям привили дурной вкус, — согласился дядюшка. — Плохие учителя-зануды и неопытные родители, за все осуждающие своих детей, тоже приложили к этому руку... Но ты права: если есть что действительно интересное в мире, так это политика. Но не та «политика», которая дурачит или забивает голову чепухой, рассказывая, например, как премьер имярек посетил королеву имярек и какое единодушие было между ними, а та политика, что вскрывает подоплеку борьбы за власть, сущность отношений между различными социальными группами людей, пути достижения экономического и духовного равноправия повсюду.

— В самом деле, дядюшка Хосе, — тихо сказал Алеша, — нам объясняют какое-нибудь событие и плетут вокруг него несусветную чушь, которая толкает человека к ложным выводам. Как разобраться в этом гигантском море: где нужная книга, где куча словесного хлама, где честный писатель, где заблуждающийся, где ловкий прислужник зла?

— Это не так просто — определить, но все же, при желании, посильно для каждого. Как определяют положение корабля в море? По долготе и широте. Долгота истинного — совесть, широта — идеал. Если чувствуешь, что текст вызывает одобрение совести и идеал не только не подвергается насилию, но

очерчивается все яснее, значит, перед тобой книга, которую стоит прочитать... Но это плоскостное определение, а все вещи в мире пребывают не на плоскости, а в пространстве. Многое значит эпоха, ее проблемы, да и само слово, которое должно повторить красоту и убедительность жизни... В пространстве легко ориентируется тот, кто хорошо почувствовал себя на плоскости и сумел развить как тонкую совесть, улавливающую малейшую фальшь и несправедливость, так и серьезный идеал, сопряженный с поисками народа и человечества. Такой человек получает в руки самый совершенный определитель совершенного — чувство правды, гармонии, интуицию истины... Он уже не просто усваивает прочитанное, а строит свой собственный мир... Скажем, я читаю, что в июле 1981 года в горах на севере Панамы при непроясненных обстоятельствах разбился самолет, в котором летел генерал Омар Торрихос... Затем читаю о загадочной авиакатастрофе в Эквадоре — погиб президент Хайме Рольдос со своим единомышленником, министром обороны... Или читаю о том, как в октябре 1986 года разбился самолет президента Мозамбика Самора Машела... Все это люди прогрессивных убеждений, выступавшие против несправедливости... А потом узнаю, что есть государства, которые при помощи спутников контролируют полеты чужих самолетов, что придуманы специальные аппараты, сбивающие пилотов с курса. И, наконец, нахожу здесь, на пустынном острове, скрытом от повседневных взоров мировой общественности, тюрьму, в которой мучают лучших представителей закабаленных народов. Как вы думаете, есть ли какая-либо прямая связь между всеми этими событиями и чего добиваются как бы безымянные группы олигархов, стремясь погасить пламя правды, если оно где-то вспыхнуло?

Дядюшка Хосе, отерев платком усталое лицо, сдвинул на макушку свое сомбреро и выразительно поглядел на Алешу и Марию. На его лице можно было прочесть гораздо больше того, что он сказал.

Мария тяжело вздохнула.

— Дядюшка, научи меня гипнотизировать. Я бы их всех загипнотизировала, и мы бы вышли на волю.

— А что,— улыбнулся Алеша.— Я сам читал про одну женщину. Она входила в банк и, пристально глядя на кассира, приказывала ему выдать положенную сумму, что он и делал, объясняя это гипнотическим воздействием... В семи или восьми банках аферистка получила около миллиона... Позднее выяснилось, что все кассиры были с ней в сговоре и получили за это свой куш.

Дядюшка усмехнулся. Силы оставляли его, но он крепился как мог.

— Ишь ты, изобретательная плутовка!.. Хорошо еще, ребята, что мы сидим вместе. Чтобы сломить нас, мерзавцы могут посадить каждого в одиночку. Но и тогда не поддавайтесь отчаянию, помните: какие бы стены нас ни разделяли, у нас общая правда и искренняя любовь друг к другу. Борьба за свободу, за правду и отчаяние — это несовместимо... Помню, когда Фидель Кастро высадился на кубинский берег с яхты «Гранма». В первом же бою при Алегрия-де Пио погиб 21 участник экспедиции, больше четверти всего состава. В болоте и зарослях мангровника было трудно сражаться. Но они не дрогнули... Лучше умереть за мечту, чем жить, отказавшись от нее... Об этом сказал кто-то из русских поэтов, Алеша... Что-то похожее я встречал у кубинца Роландо Эскардо из Матансаса... Помните, друзья, враги могут лишить нас жизни, но не могут лишить души. Как сказал Антонио Мачадо, гончар волен вылепить любой кувшин, но бессилен сделать глину... Жить можно и в смерти. И можно умереть при жизни. Помните об этом.

— Что-то ты, дядюшка, совсем затосковал,— сказала Мария.— Неужели ты все еще принимаешь нас за маленьких детей?

— Нет, конечно. Но все мы на последнем пределе. Страшно подумать, что будет, если мы еще долго не вырвемся отсюда... Запомни, Мария, твой отец хотел, чтобы ты стала архитектором.

— Я и стану архитектором. И когда-нибудь построю Дворец художеств. Там будут твои картины, дядюшка.

— В молодости я жил на улице Монсеррай неподалеку от Национального музея изящных искусств. Верите или нет, но я уже тогда знал, что мои картины будут в музее... Лучшей своей картиной я считаю

«Продавца лангустов». К сожалению, этой картине не повезло.

— А я лучшей твоей работой считаю карандашный портрет Эрнеста Хемингуэя,— сказала Мария.— Живые глаза... И еще «Люди смотрят на Юрия Гагарина». Кажется, так называется эта картина?.. Эй, Алеша, как погиб Юрий Гагарин?

— Не знаю точно,— отозвался Алеша.— Он совершил тренировочный полет вместе с одним летчиком, знаменитым испытателем. Что-то там случилось, их самолет врезался в землю... Кажется, был туман. Трагическая случайность.

— Это был настоящий русский,— задумчиво произнес дядюшка Хосе.— Безграничное мужество сочеталось в нем с простотой и любовью ко всем добрым людям. Из него просто выпирал великий талант. Если бы он не стал космонавтом, он бы добился рекордов в любом другом деле. Стал бы боксером, армейским генералом, хлебопашцем, художником. Вот я и говорю, это был настоящий русский.

— Трагическая случайность,— вздохнула Мария.

— Я где-то читал,— сказал Алеша,— что случайность — это закономерность более высокого порядка. Случай на иной основе связывает все те же причины и следствия... Наши враги неспроста всячески препятствуют просвещению людей. В конечном счете правда — это знание причин и следствий. Конечно, совершенное общество возникает при совершенной социальной организации. Но чтобы прийти к такой организации, необходимы большие знания, а они даются лишь тем, кто их жаждет.

— Ценю книжное знание,— сказал дядюшка Хосе.— Это важный кладезь мудрости. Но есть еще знание жизни. Это еще важнее — уметь читать книгу бытия. Ради этой книги и читаются-то все прочие... Родители часто тревожатся о детях и перекрывают им пути к самостоятельности. Это ошибка, потому что человек — это самостоятельные знания, претворяемые в самостоятельные действия, это самостоятельные заботы. Не самостоятельное времяяпрепровождение, а именно заботы: они создают стержень в человеке, человек учится ориентироваться в людях и ситуациях, полагаться на свои силы... Нельзя уберегать молодых от забот...

Разговор то разгорался, то угасал — голодные люди, как угли: то подернутся пеплом усталости, то снова воспламеняются надеждой.

Мария сказала:

— Мне бы сейчас порцию эскимо... Но я бы и от салата из тунца с яйцом и лимоном не отказалась. Хорошо этот салат готовит моя мама.

— Я бы согласился на лягушачьи лапки, — со вздохом произнес дядюшка Хосе, почесав под мышками. — Но если бы мне дали право выбора, я попросил бы кусок свежего хлеба и салат из креветок.

«И мне хочется говорить о еде, только о еде, — подумал Алеша. — Это слабость. Нельзя идти на по-вodu слабости. Человек остается человеком, пока способен управлять своими желаниями, быть выше их...»

— Где-то на Западе провели такой эксперимент. Заключенным одной из тюрем сказали, что им сокращают сроки наполовину, потому что под зданием тюрьмы обнаружен выход радиоактивной породы. Это была заведомая ложь, тем не менее многие из людей быстро утратили физическое или умственное здоровье... Хочется есть, это так, но я уверен, и это не только самовнушение, что правый человек получает колоссальную энергетическую подзарядку от сознания своей правоты... Лично я чувствую, что мои силы еще велики...

Трудно, трудно дались Алеше последние слова. Дядюшка Хосе покосился на него усталым, но уважительным взглядом.

— Понимаешь, Алеша, — словно оправдываясь, сказал он, — ты, кажется, все-таки один раз наелся здесь от пуза. Мы же все время впроголодь. Мне, сам понимаешь, доставались от улова главным образом хвосты и головы...

Миновала еще часть дня. А потом дядюшка Хосе вновь прервал затянувшееся молчание:

— Когда я был молодым, рыбаки поймали на западном побережье черепаху весом почти в четыреста килограммов. Ее панцирь превышал в попечнике два метра. Представляете, сколько было мяса?..

Кажется, дядюшка бредил.

— Если вы не против, завтра выйдем в море,—
сказал он.— Но такую черепаху не поднять простой
сетью.

Алеша стал молотить кулаками в дверь.

— Негодяи,— хрюпел он,— вы хотите уморить
нас голодом и жаждой! Вы ответите за это!..

Проскрипел ключ, звякнул засов, вошел охран-
ник. Он молча ударил Алешу чем-то тяжелым по
голове — подросток упал на пол.

— Паскуда,— сказал охранник.— Если ты еще
будешь нарушать тишину и мешать мне дремать,
я тебя так уделаю, что не узнают ни черти, ни аи-
гелы!..

Алеша слышал угрозу. Подняться не было сил.
Лежа на полу, он услыхал, как низко над крышей
тюрьмы пролетел вертолет. Или это показалось?
Глядя на дядюшку Хосе, что дремал, привалившись
к грязной стене, и на Марию, с закрытыми глазами
повторявшую какие-то слова, Алеша поклялся при-
думать что-либо для их спасения, но — мысли вяз-
ли, срывались, на ум приходили лишь самые фан-
тастические планы...

СТРАННЫЙ ВИЗИТ

Все сидели подавленные и грустные, когда в тю-
ремном коридоре зазвучал чей-то громкий, властный
голос. Камера была отворена, дверь распахнута на-
стежь, и в солнечном свете, явившемся с той стороны
жизни, взорам узников предстали господин Гудмэн
и кто-то еще бородатый в черных очках, в панаме
с опущенными полями. На нем были светлые брюки
и щегольская красная вnapуск рубашка. На плече
бородача висела туристская сумка.

— Ну? — спросил бородатый господина Гудмэна.

— Это они и есть, сэр,— кивнув головой, угодли-
во сказал Гудмэн.

— Мы берем их с собой,— сказал незнакомец.—
Всех разом. Распорядитесь об этом. Сожалею, но они
страшно ослабли. Тени, а не люди. Как вы довели до
этого?

— Эй,— сказал охраннику господин Гудмэн.—
Пусть заключенные идут за нами. И пооцрите их,
если не смогут встать. Только поосторожней.

— Только без «поощрений», — скривился бородач. Видимо, он был знаком с тюремными обычаями. «Поощрить» на жаргоне тюремщиков означало дать пинка, зуботычину, силой побудить выполнить приказ.

Алеша помог подняться дядюшке Хосе и Марии. Дядюшка был плох и слабо соображал, что от него хотят. Мария молча цеплялась за дядюшку.

— Они сильно истощены, — покачал головой бородач. — Пусть следуют за нами... А вы останьтесь, — махнул рукой на охранника. — Вы нам пока не потребуетесь.

— Следуйте за мной, — сказал господин Гудмэн, приглашая пленников.

Все пошли по коридору, миновали еще один пост за решетчатой дверью и направились к выходу.

И тут Алеша, тащивший за руку дядюшку Хосе, явился свидетелем странной сцены.

Открыв дверь тюремного здания во двор, господин Гудмэн попытался быстренько выскользнуть на крыльцо. Но бородач грубо удержал его за руку и втащил обратно, увидев, как и Алеша, перед караульным зданием толпу вооруженных охранников.

— Не торопись, — сказал он, — мы еще не окончили нашу беседу.

Дверь была захлопнута и даже закрыта на засов. По особому переходу пленников провели в особняк господина Гудмэна и заставили подняться на второй этаж.

— Начнем с пленников, — сказал бородач. — Укажите им, где ваша ванная комната, пусть приводят себя в порядок, а мы попросим накрыть тут общий обед. Скромный, но достаточно калорийный. И — побольше натурального сока.

Господин Гудмэн вызвал кнопкой повара и передал ему пожелания бородатого.

— Чем быстрее, тем лучше, — прибавил он, и бородач одобрительно кивнул...

В огромной ванной, выложенной ослепительно белым кафелем с изумрудными чашами раковин, унитазов и ванн, Алеше удалось взводрить дядюшку Хосе и Марию.

Вымывшись и оглядев в зеркало свое худое, по-темневшее лицо, Алеша решил почистить зубы. Выдавил на палец зубной пасты и стал массировать

десны: во рту запекло, зарезало, сделалось солено. Вытащил палец — палец был в крови.

От недоедания началась какая-то болезнь.

Дядюшка Хосе, омыв лицо и расчесав шикарной черепаховой расческой усы и шевелюру, высказал опасение, что Босс и его приятель все съедят сами.

Мария наслаждалась хвойной ванной. Из-за пластиковой занавески слышались ее радостные вздохи.

— Обратите внимание на бородатого,— прошептал Алеша.— Мне этот тип кого-то напоминает.

— Бородатых да усатых повсюду навалом,— сказал, торопя всех, дядюшка Хосе.— Я признаю его своим кровным братом, если он угостит меня хлебом с маслом и салатом из креветок. А если еще прибавит чашечку кофе, я признаю его римским папой.

Все переоделись. У выхода из ванной повар в белом колпаке тщательно обрызгал каждого чем-то пахучим.

— Босс не любит тюремного запаха,— объяснил он.— Вас нужно хорошенъко продезинфицировать.

— Ваш Босс — очень культурный человек,— ехидно заметил Алеша.— Знает толк в гигиене.

Стол был уже накрыт.

Дядюшка Хосе по привычке потянулся рукой за своим сомбреро, но вспомнив, что оно осталось на полу в прихожей, раскланялся и сказал:

— К вашим услугам, джентльмены!

— Ну, это еще посмотрим, какие тут джентльмены,— пробурчал бородатый.— Садитесь все по ту сторону стола и только не усердствуйте, не наедайтесь впрок.

Господин Гудмэн отпустил повара, закрыл все двери на запоры и примерился тоже сесть за стол, на ходу заправляя салфетку за ворот рубашки.

— Э, нет, ты погоди,— жестом остановил его бородач.— Сядь у этой стены, чтобы каждый из нас мог хорошо видеть твои прекрасные глаза.

С этими словами бородач извлек из туристской сумки и со стуком положил на стол автомат, снял панаму и очки.

— Антонио,— прошептал изумленный Алеша.

Дядюшка Хосе, набросившись на апельсиновый сок, только скосил глаза.

Мария взглянула недоверчиво...

БЕССТРАШНЫЙ АНТОНИО

Вскоре все узнали потрясающую, но, к сожалению, не завершенную еще историю.

Обман и предательство Бенито отдалили желанный час освобождения. Педро и Мануэль предложили Антонио и Агостино штурмовать резиденцию Босса. Это было безумной затеей. К тому же никто не знал, что делать с двумя взятыми в плен охранниками. Переходить на сторону потерпевших они решительно отказывались, более того, грозили Антонио жестокой расправой.

Антонио решил действовать на свой страх и риск. Вначале у него не было никакого ясного плана действий — одно только пылкое желание освободить попавших в заточение.

Под прикрытием сильного дождя он добрался до резиденции Босса и спрятался на вертолетной площадке: засыпал себя кучей пальмовых листьев, веток и прочего хлама и сверху прикрыл тачкой для вывозки мусора.

Едва дождь стих, приземлился вертолет. Как обычно, его встречал сам Босс. Он пожал руки двум пилотам, поговорил с ними и повел их завтракать.

Воспользовавшись этим, Антонио прокрался в вертолет. Он полагал, что все ушли. Но в вертолете оказался еще один человек. Он напал на Антонио, но тот выбил из его рук оружие и в нелегком единоборстве одержал верх. Человек был оглушен и связан, после чего Антонио занялся поиском пищи для своей группы. Пищи оказалось много — галеты, сушеный виноград, консервы, шоколад. Набрав разных продуктов, он собирался уже улизнуть, когда заметил, что к вертолету возвращается Босс с одним из пилотов. Как выяснилось позднее, Босс хотел перекупить у него какую-то необыкновенную коллекцию драгоценных камней. И опять завязалась жестокая борьба. Антонио застрелил пилота и, связав Босса, решил немедленно лететь к Педро и Агостино (управлять вертолетом он умел). Его план заключался в том, чтобы, прихватив всех людей, вернуться и всеми силами атаковать противника, имея четырех заложников, включая Босса.

Все складывалось хорошо. Судьба благоприятствовала: дождь как раз прекратился и вертолет легко

поднялся в воздух. В считанные минуты он достиг косы в юго-восточной части острова и приземлился.

И — вовремя, потому что головорезы во главе с Бенито, выполнив приказ Босса, заблокировали уже выход из пещеры и как раз начали обстреливать ее газовыми гранатами. Был ранен Агостино. Оба пленных охранника, пользуясь замешательством Педро и Мануэля, перебежали к Бенито.

Тотчас оценив ситуацию, Антонио вступил в бой и потеснил Бенито. Но банда продолжала сражаться — обстреляла вертолет. Чудом удалось избежать гибели машины. Взяв на борт Педро, Мануэля и раненого Агостино, Антонио поднялся в воздух и принялся сверху расстреливать своих врагов.

Вскоре все было кончено. Охранники не подавали признаков жизни. Раскинув руки, упал среди скал Бенито.

Возвратившись к резиденции, Антонио переоделся в рубашку и брюки одного из пилотов и, ведя впереди себя Босса, отправился к нему в кабинет. Босс был предупрежден, что при малейшем неповиновении будет убит на месте. Дрожа за свою шкуру, он обещал сделать все, что ему прикажут.

Первый приказ касался посещения тюремной камеры и освобождения пленников...

— Вот вы и подкрепились, — закончил свой рассказ Антонио. — Теперь наша задача — поскорее вернуться в вертолет... Единственное, что меня сейчас смущает, — это толпа охранников, собравшаяся возле вертолета.

Люди молчали, пораженные смелостью и дерзостью Антонио, — нужно было время, чтобы освоиться с новой ситуацией.

ПЕРЕГОВОРЫ

В разговор вмешался Босс, взбешенный тем, что его не допустили к собственному столу. С опаской покосившись на Антонио, Босс сказал:

— На вертолете вам улизнуть не удастся, господин. Дело в том, что для перелета на Кубу понадобится хороший запас горючего, а его у нас нет. Да и, помимо всего, это было бы нарушением элементарных человеческих и гражданских прав: захва-

тить вертолет, который мне не принадлежит. На этот счет есть международная конвенция.

— Вы вспоминаете, разумеется, только о тех конвенциях, которые вам в данный момент выгодны, — возмутился Алеша. — Вы говорите о каких-то гражданских и человеческих правах. Но разве не вы, господин Гудмэн, бросили нас в тюрьму и морили голодом — без малейшей вины с нашей стороны? Разве не ваши люди несколько раз открывали автоматный огонь с явным намерением убить кого-то из нас? И разве нельзя было давным-давно закончить все миром, оказав нам, жертвам стихии, самую минимальную помощь?

— Странно, — сказал дядюшка Хосе, утирая вспотевшее лицо салфеткой, — нас стыдят за недобродетельное отношение. Но позвольте, что вообще означают здесь эти тюрьмы, что означают эти политические заключенные, как они вообще возникли?

— Не только политические, — жестко сказал Антонио. — Ты, Босс, знаешь: воля моя беспредельна. Я скорее подожну, чем уступлю или отступлю... Пришел час, когда наши пути разошлись... И я требую ответить, вот им ответить, для чего здесь выгрузили группу юношей и девушек? Куда их повезут дальше?

— Не знаю, — буркнул Босс.

— Это не ответ. Я жду.

— Это все специально отобранные люди. Они согласны предоставить для других, богатых людей необходимые части тела. Почки, сердца и так далее... Им заплатили. Имеются соответствующие документы.

— Ты лжешь, — сказал Антонио. — Расписки, может быть, и есть, только каким путем они добыты, эти расписки?

— Ужасно, — проговорил дядюшка Хосе. — Я об этом как-то читал, но не верил... Слишком чудовищно... Хладнокровно отобрать людей для тайного умерщвления.

— Так повсюду делается в мире, — уверенно сказал господин Гудмэн, но щеки его дрожали, а пальцы все время поглаживали подбородок. — Мир принадлежит более сильным, и тут уже ничего не попишешь. Сильные люди не любят лишнего шума вокруг своих секретов. Если они прогневаются, вам не

скрыться от их гнева. Вы можете убить Гудмэна, который перед вами, но вам не понять, что вообще Гудмэн бессмертен.

— Пришло время иначе смотреть на мир, иначе думать о нем, чем думали прежде,— сказал Але-ша.— Мир принадлежит все-таки не сильным людям. Пусть они хитры, коварны, организованы в тайные общества или легальные союзы, мир принадлежит всему миру, и кто отвергнет эту главную истину, тот обречет мир на смерть и гибель.

Господин Гудмэн рассмеялся.

— Это все приятная и милая, но совершенно пустая болтовня. Миром правит не истина, не добро, а знание, технология. Стало быть, закон. Стало быть, насилие. Иначе говоря, всякое насилие может быть законом. Сила создает закон... Вы, ничего не знающие о том, как созидаются сила и как внедряется бессилие, и представить себе не можете, сколько в жизни самого примитивного и самого дешевого театра. Но есть замыслы сложные, претворяемые не за день, не за год... Чтобы перечеркнуть тысячелетние упования, которые иногда угрожают революциями или даже вызывают революции, им дают выход, ведут народы по неверному пути, и сам путь измучивает народы терниями и жертвами, и они отказываются в конце концов от собственных упований и полностью принимают предназначения великих мудрецов...

— Не морочь голову своей мнимой причастностью к главным тайнам истории,— перебил Антонио.— Скажи лучше, можешь ли ты затребовать сюда горючее?

— Зачем оно вам? Вертолет все равно собьют. И если вы поплынете морем, корабль тоже потопят. Положение ваше безвыходно,— сказал господин Гудмэн, разводя руками.— Очень сожалею, но безвыходно.

— Нет,— возразил Антонио,— совсем нет. Ты лжешь, Босс. Положение безвыходно, пока люди боятся, пока подчиняются. Но если они поднимаются на борьбу, они побеждают, потому что на их стороне правда.

— В самом деле,— взволнованно сказал дядюшка Хосе.— Люди обычно тратят свой ум на то, чтобы удобнее устроиться в жизни, приобрести славу и бо-

гатство. Все это обуславливает жалкое состояние разобщенности, слабость и зависимость... Миллионы людей принесли бы несравненно больше пользы для себя, для народа и для человечества, если бы задумались о том, как справедливее и достойнее устроить общую жизнь, как приумножить общую славу и богатство.

— Этого не будет никогда,— усмехнулся господин Гудмэн.— Никогда не случается то, что идет вразрез с интересами влиятельных мудрецов. Люди были и останутся парализованными своим эгоизмом. Они принимают свой эгоизм за высшую свободу. Будьте уверены, их вновь и вновь убедят в этом.

И тут встала Мария.

— Надо лишить этого человека всех полномочий,— сказала она, указывая на господина Гудмэна.— Если мы не можем доказать правду тем, кто стоит над ним и за ним, пусть он сам убедится в силе праведного гнева... Надо отнять у него этот остров или купить за ту мизерную цену, за которую он покупает покорность своих слуг.

— Ишь, чего захотела,— прищурился господин Гудмэн, голос его, однако, дрогнул.— Не вы мне давали этот остров, не вам решать, что с ним делать.

— Пожалуй, действительно, стоило бы проучить прохвоста,— кивнул Антонио.— Итак, сколько стоит ваш остров, сэр?

— Не знаю... Не продаётся. Это только русские могли продавать целые континенты за жалкие кучки монет,— Босс усмехнулся.— Время детских забав миновало.

— Да он просто шутит,— подмигнув Алеше, сказал Антонио.— Он просто не верит, что мы можем поступить с ним так же, как он поступал с другими. Лишив завтрака, мы его лишим обеда и ужина, посадим в темную камеру и потом спросим снова.

— В камеру — не надо,— забеспокоился Босс.— Там очень грязно. Я люблю гигиену.

— Все любят гигиену,— сказал Антонио.— Покажи-ка, приятель, ход в пытчную из твоих апартаментов. Посидишь там, пока не придешь в себя.

Сказав так, Антонио взял автомат, щелкнул затвором и повел Босса в его спальню, откуда, он знал,

был тайный спуск в камеру для пыток. Через несколько минут Антонио возвратился:

— Не нравится сукиному сыну. Верещит. Но это очень полезно для его морали.

— Если бы каждый мучитель знал, что рано или поздно орудия его пыток будут испытаны на нем самом, он был бы более терпим к другим,— сказал дядюшка Хосе.

— Пусть знает,— сказала Мария.— В древней Сицилии один искусный мастер сделал по заказу тирана медного быка с вместилищем для жертвы. Когда несчастного сажали в брюхо и он кричал, всем казалось, будто бык живой: он вращал глазами и мычал. Самое примечательное в этой истории то, что свирепый тиран испробовал пыточное сооружение, бросив туда самого мастера. Таков конец всех, кто готовит беду другим...

ВРЕМЯ РЕШИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Во время завтрака и во время разговора Антонио то и дело поглядывал за окно, прикрытое жалюзи.

— Меня все более беспокоит это сборище внизу. Пожалуй, они пронюхали, что произошло, и совещаются... И рация вертолета подозрительно молчит,— он вытряхнул из туристской сумки легкую переносную радиоустановку и установил ее прямо на столе.— Правда, мы условились связываться только в самом крайнем случае, поскольку здесь ведется постоянное радионаблюдение.

Словно в ответ на его слова, запищала радиоустановка. Антонио нажал кнопку аппарата и сказал:

— Объект А. Вас слушает объект А.

— У аппарата дон Педро. Привет всем друзьям. Охрана окружила объект В. Явно готовится к внезапному захвату. Шайкой руководит наш старый «друг» Бенито. Сообщите возможные действия. Готовы на все, прием...

— Бенито жив?— беспокойно вскричал дядюшка Хосе.

— Да, негодяй мог воскреснуть и из небытия,— с досадой произнес Антонио.— Это мой просчет. Я никогда не стреляю еще раз в противника, если он упал.

— Что же делать? — спросил Алеша. — Мы должны сохранить всех своих людей и найти способ поскорее вернуться домой.

Опять запищала рация. Антонио щелкнул включателем.

— Говорит дон Педро. Кажется, собираются подорвать объект В. Срочно сообщите ваше мнение. Готовы сражаться и дать отпор. Можем попытаться взлететь...

— Если взлетят, то уже не сядут, — сказал Антонио. — Управлять вертолетом они не умеют... Да и перестрелка ни к чему: потеряем людей и вертолет.

— Пусть Босс прикажет своим солдатам не чинить препятствий нашим людям. Надо, чтобы они перешли сюда, — предложил Алеша.

— Они не согласятся, — сказал Антонио. — Раненого волка разрывают на части: это правило стаи... Однако не лишне попытаться.

Через некоторое время он вытолкнул перепуганного Босса на балкон.

— Сеньоры, — закричал тот через усилитель. — Подойдите поближе и слушайте!.. Я веду сложные и ответственные переговоры с противостоящими нам силами. Я хочу избежать кровопролития и, кроме того, сохранить вертолет как необходимое нам средство связи... Я даю согласие на переход из вертолета сюда в дом всех находящихся там лиц. Разумеется, вместе с оружием.

Раздались возгласы недовольства. Вперед проткнулся Бенито. Мерзавец был, действительно, совершенно цел и невредим.

— Уважаемый Босс, — крикнул он. — Твой приказ ухудшает наше положение. Ты в пленау коммунистических агентов и, понятное дело, говоришь не от своего имени. Мы пропустим этих людей только в обмен на тебя. Если коммунисты против, мы, согласно секретной инструкции, о которой ты, верно, хорошо помнишь, отказываемся от повиновения и будем игнорировать все твои последующие приказы!

Но, видимо, Босс и на этот счет получил ясную установку от Антонио, для которого замыслы Бенито не были полной неожиданностью.

— Заткнись, Бенито, не становись поперек моей дороги! Ты еще слишком зелен, чтобы разевать рот на чужое наследство... Сейчас вы пропустите всех, не обыскивая и не задерживая их. Когда же я закончу переговоры, я сообщу вам о своем решении.

Босс возвратился в свой кабинет.

— Эта свинья,— сказал он о Бенито,— хочет вскарабкаться вверх по моей спине. Что ж, вы можете ему пособить, только знайте: наверх вылезет такая мразь, по сравнению с которой я — сущий ангел.

— Все вы мазаны одним миром,— сказал дядюшка Хосе.— Все вы существуете за чужой счет, и ради того, чтобы сохранить рабов — не важно, что вы их называете свободными гражданами,— каждый из вас не остановится перед тем, чтобы сжечь половину мира. Но половину — это уже не удастся. Все — или ничего.

— Ты страшно глуп, профессор,— вскричал разъяренный Босс.— Ты даже вообразить себе не можешь, что это за кухня, которая варит, по существу, все события мира!.. Повара, может, сами помогли коммунизму, видя, что народам не терпится попробовать его. Помогли, чтобы навек отбить всякую охоту к экспериментам. Отныне коммунизму не выбраться из трудностей и противоречий... В начале 1917 года Аллен Даллес, впоследствии госсекретарь США, находился в Швейцарии. Он представлял тогда американскую разведку. У него были фамилии и адреса всех крупнейших русских революционеров за границей. Достаточно было ему шевельнуть пальцем, и все они были бы устраниены...

— Мы, может быть, еще проведем с вами диспут по проблемам истории,— сказал Алеша,— хотя ваша точка зрения не содержит ничего нового. Но сейчас не время отвлекаться от главного. Вы отвечаете за каждого нашего человека.

— Он знает об этом,— сказал Антонио.— Он не любит повторять своих приказаний. Но ведь и я не люблю повторять своих слов...

ПОЛКУ ПРИБЫЛО

Из окна резиденции господина Гудмэна было хорошо видно, как из вертолета вышли один за другим Мануэль, Педро и Агостино. Мануэль и Педро кого-

то несли на носилках, видимо, раненого. Торчали ноги в ботинках, голова и туловище были покрыты клетчатым пледом.

— Кого это они тащат? — удивился дядюшка Хосе.

Но, видимо, то, что беженцы из вертолета пронесли в здание лишнего человека, проглядели даже ошеломленные охранники, предводительствуемые Бенито.

В вертолет тотчас устремились члены его экипажа. Через минуту они выскочили наружу, о чём-то возбужденно крича Бенито, но тот только пожимал плечами и беспомощно разводил руками.

Вскоре пилоты запустили двигатель. Вертолет поднялся в воздух и на низкой высоте улетел в глубину острова...

Наконец-то все собрались вместе. Возбужденные, обнимались, говорили слова, которые обычно понятны только тем, кто боролся плечом к плечу.

— Дон Педро, — повторял Алеша. — Как я рад, что ты жив и невредим!

— Пока жив и пока невредим, — смеялся Педро. — А ведь устояли, не поддались, верно?

— Позвольте, а кто этот четвертый, которого вы вытащили из вертолета? — громко спросил дядюшка Хосе. — Он жив?

— Жив, жив, дядюшка!

— Тут какая-то хитрость, — усмехнулся Антонио. — Педро мастак на эти штуки. Не случайно так взбесились пилоты...

Носилки, покрытые красным клетчатым пледом, были внесены в зал и поставлены на пол.

С непроницаемым лицом стоял Мануэль, чуть кривился в усмешке Агостино.

Жестом факира Педро выдернул из-под пледа сначала один, а потом второй ботинок.

— Ах! — вскрикнула Мария.

— Вот тебе и «ах», — Педро снял плед. Под ним из разного хлама было выложено подобие человеческой фигуры. Когда коробки и тряпки были отброшены в стороны, блеснул желтоватый металл.

Антонио присвистнул.

— Клянусь своими потрохами, это слитки золота с клеймом какого-нибудь национального банка!

— Знаете, сколько таких слитков в специальном отсеке вертолета?.. Тридцать... Можете сказать, куда их везли и для чего?

— Нет,— сказал Антонио.— Нам таких секретов не доверяют... Человек, который прилетает на этом вертолете, гораздо выше чином, чем наш Босс. Босс так и трепещет перед ним.

— Все правильно,— сказал Педро.— Так и должно быть. Я разгадал загадку господина Гудмэна еще в пещере. Ну, может, не полностью, но в основном... Правда, Агостино?

— Правда,— чернокожий гаитянец улыбнулся, показывая белые зубы.— Где есть пауки, там есть и паутина.

— Кто из вас слыхал о золотом кладе под бастionом Сан-Лоренцо на Филиппинах?.. То пиратское золото, поверьте мне... И здесь, на острове, верховодят пираты. Боясь огня и разрушений на континентах, они вновь потянулись на острова. Должны были потянуться...

— Стоп, стоп, стоп,— сказал Антонио.— Я ничего не слыхал о филиппинском золоте, но в этих рассуждениях в самом деле есть толк, и немалый. Вертолет летает сюда регулярно, и частью этого дома, как мне известно, распоряжается человек, который прилетает, а не Босс... Теперь мне иначе приоткрывается история с Бенито... Вы знаете, за что мерзавец был приговорен Боссом к смертной казни?.. Бенито проявил любопытство к той части дома, которая запирается особыми ключами, всякий раз доставляемыми с материка. Он пытался открыть эти двери...

— Друзья, о чем мы говорим,— всплеснул руками дядюшка Хосе, продолжая жевать торт, который он отщипывал кусочками с общего блюда.— Мы все на волосок от гибели, а говорим о каком-то золоте. Все это глупости.

— Вовсе не глупости,— сказал Антонио.— Может, как раз тут скрыты возможности нашего спасения.

— Ясно одно,— сказал Алеша.— Какой бы путь мы ни избрали сейчас, чтобы добраться домой, по воздуху или по морю, нас непременно настигнут и погубят, потому что мы узнали о преступных тайнах. Они боятся, чтобы это не просочилось в мирную печать.

— Не заблуждайся, мой друг,— покачал головой Антонио.— Вся мировая печать у них в кармане. В газетах они помещают только то, что выгодно сговорившимся негодяям... Ну, еще, быть может, кое-какие сенсации и разоблачения, чтобы и дальше дурачить читающую публику так называемой «объективностью». Когда-то я сам работал в крупнейшей газете Нового света и понял кое-что такое, что обычно скрывается за семью печатями.

— В рассуждении Алехи есть истина, которая может нас спасти,— задумчиво сказал Педро.— Сейчас мы мешаем Боссу и его людям, они уничтожили бы нас всех, не моргнув глазом, если бы могли. Надо что-то сделать, чтобы они захотели разойтись с нами миром. Чтобы им было это выгоднее.

— Ты думаешь, один ты умный и умеешь строить планы?— подала голос Мария, взглянув на брата.— Наши враги умеют это делать не хуже нас, я нисколько не удивилась бы, если бы узнала, что они подслушивают сейчас все наши разговоры.

Все встревоженно переглянулись.

— Мы много раз предлагали Боссу свои условия,— в замешательстве сказал дядюшка Хосе.— Может быть, выслушаем его?..

Никакого конкретного плана действий так и не придумали. Впрочем, Антонио, который, несомненно, лучше всех ориентировался в обстановке, забаррикадировал все возможные выходы и входы, в нужных местах определил посты. На дежурство тотчас же заступили Мария, Мануэль и Агостино.

АЛЬВАРО

Еще раз тщательно обыскав Босса, Антонио и Педро посадили его в холодный карцер. В стеклянной будке на крыше, где помещалась радиостанция, установили найденный в спальне Босса пулевой. Правда, патронов к нему было маловато, всего две ленты.

С помощью Альваро, личного повара Босса, провели ревизию имеющихся съестных припасов. Когда выяснилось, что Альваро исполнял не только обязанности повара и личного слуги Босса, но и главного истязателя при допросах заключенных, то и его решили посадить под замок.

Алеша и Педро попытались вызвать Альваро на откровенный разговор, но выяснилось, что доверять этому человеку никак нельзя: он не мог даже допустить, что человек может быть свободным от гнетущей воли другого человека.

— Бросьте охмурять меня, ребята, — сказал он. — Я в ваши демократии никогда не верил и не верю. Мне платят, остальное меня не заботит... Как я могу изменить Боссу, если всецело обязан ему? Если у меня сейчас райская жизнь?.. Да если он прикажет содрать кожу с живого человека, я сделаю так, как он прикажет... Лет десять назад я буквально подыхал с голода. Работы нет, денег нет, родственников нет, кроме младшего брата. Да и какие могут быть родственники у нищих?.. Завербовались мы с братом на лесоразработки. В одну муниципию в штате Риу-Гранди-ду-Сул. Привезли нас человек двести, не только бразильцев, но и всяких других оборванцев. Были филиппинцы, поляки, югославы. И вот выясняется, что вербовщики обманули людей: хозяева будут платить сущий мизер, четыре месяца придется еще отрабатывать автобусный билет и питание в пути. Собрались люди, попробовали протестовать, но наемники, которых держал хозяин, натравили на нас собак и побили дубинками. Несколько человек посадили в яму. «Здесь нет никаких других законов, кроме приказа хозяина. Пока вы не отработали своего срока, вы куплены со всеми потрохами!» Хозяин ходил с плеткой и револьвером, латифундист, богач, и все внушал нам, что у нищих нет ни родной земли, ни отечества, ни своих богов, так что нужно поджать хвост и примириться с судьбою. Один ублюдок, которого тоже нанял хозяин, вдолбил нам пять слов на эсперанто, гнусном языке насилия: «работать», «молчать», «исполнять указание», «перерыв» и «конец перерыва»... Это был ад, это было хуже ада, потому что мы наверняка знали, что где-то на земле еще есть свободные люди... Приудильная похлебка по баснословной цене и лежанка в палатке, где полно паразитов, — вот все, что мы имели после изнурительной, изматывающей работы... Люди подыхали, как от мора. Долги росли — в лагере завелось пьянство. Мы с братом поняли, что неминуемо подожнем, и бежали. Скитались в сельве. Нас преследовали, как зверей. Брата убили из снай-

перской винтовки... Когда я выбрался на волю и пожаловался судье, он намекнул, что и я уже не жи-лец на белом свете. Тогда я бежал снова. И попал к людям, которые накормили меня. С тех пор я слу-жу им. И буду служить. И скажу так: «Кто восстает против хозяина, тот восстает против самого себя!..»

— Но ведь такие, как Босс, и довели тебя до полной нищеты!..

Педро употребил все свое красноречие, чтобы пробудить в душе повара хоть каплю самоуважения и жажду правды. Пустое — Альваро был темен, как ночной лес, и не желал никакого света.

ПОКУПКА ОСТРОВА

Охранники пристально следили за дядюшкой Хосе и его группой. Они пытались предвидеть их действия. Но как можно было предвидеть, если группа сама не знала, что предпринять.

Однажды свободный от дежурства Педро задер-жал Алешу.

— Знаешь, — сказал он, — у нас в Гаване жил бедный человек, которого все называли Пепе-верблюд. Его знал весь город. Он утверждал, что родился с двумя желудками. Он говорил, что постоянно го-лоден, и каждый, забавляясь, охотно угощал его, по-тому что этот «казус медико» был единственным в своем роде. Когда Пепе-верблюд умер, обнаружи-лось, что он был самым обычным человеком и желудок у него был один, причем самых обыкно-венных размеров.

Алеша сразу смекнул, что Педро неспроста завел речь о необычайном человеке.

— Ну, и что из этого следует?

— А то, что и нам не мешало бы приобрести сейчас «второй желудок». Чтобы обратить на себя внимание... Время идет, наши враги что-то замы-шляют, если не тревожат нас. Заметь, они даже не требуют ответа от Босса, который обещал переговоры с нами... Что бы это значило?

— Не представляю.

— Я тоже не представляю, но убежден, что наши шансы сокращаются с каждым часом... Что нам нужно?

— Поскорее убраться с острова.

— Верно. Но поможет ли нам вертолет, если даже мы вновь захватим его? Нет, они вызовут подмогу и нас сбьют... Точно так же потопят, если мы воспользуемся яхтой.

— Это все нам внущили, Педро,— сказал Алеша.— Надо прежде всего отбросить внушение... Почему не улетает вертолет? Почему охранники, подчинившиеся Бенито, не вызывают подмоги?

Педро пожал плечами.

— Наверно, боятся ответить за то золото, которое мы у них конфисковали.

— А может, за те слитки, которые мы еще можем конфисковать?

— Понял!— вскричал Педро.— Алеша, ты навел меня на спасительную мысль!..

Мальчики тут же посвятили в свой план Антонио.

— Давайте попробуем,— сказал тот.— Не люблю лгать и притворяться, но без маленького спектакля сейчас уже не обойтись.

И он отправился в камеру к Боссу, который уже несколько присмирел.

— Как самочувствие, Босс?

— Антонио, ты просто издеваешься надо мной, задавая такие вопросы. Ты видишь, я ослаб, плохо сплю, мне так и кажется, что меня заразили уже СПИДом. Если я подохну от истощения, всем вам крышка.

— Не подохнешь, Босс: жили же тут люди, которых ты морил голодом.

— Я подохну от ужасной грязи, от скверных запахов, от недостатка воздуха и света.

— Не подохнешь, Босс: все это терпели другие, но ты не хотел даже думать о них.

— Каюсь, Антонио, я даже не представлял себе, как тяжела их участь. Наоборот, мне казалось, что они недостаточно страдают.

— Видишь, Босс, ты кое-чему уже научился и, стало быть, достоин поощрения. Вот сейчас спроворим одно маленькое дельце, и ты перейдешь на режим домашнего ареста: личные комнаты, личный повар...

С этими словами Антонио пригласил в камеру Педро и Алешу.

— Они уполномочены провести с тобою, Босс, важные переговоры. О существе этих переговоров они скажут сами.

— Хм, пацаны... Я не хочу с ними говорить.

— Это вполне самостоятельные люди. Они сумели защитить свои убеждения, их надо уважать. Впрочем, мы не навязываемся.

— Ладно, валяйте,— скривился Босс.

— Навяляем, не торопитесь,— важно сказал Педро.— Каждый получит от нас то, что приготовил для других.

— Это что, угроза?

— Нет, принцип. Справедливость не утвердится до тех пор, пока люди будут уступать насильнику или ублажать его.

— Что вам угодно?

— Угодно купить остров.

— Как купить?— Босс поразился такому неожиданному предложению.

— Да так, как обычно покупают. Оформим сделку, подпишемся, приложим пальцы вместо печатей.

— Но остров мне не принадлежит.

— А что же вам принадлежит?

— Ничего... Разве что дом... Но он мне подарен. И продавать его я не собираюсь.

— Ну, а золото у вас есть?.. Подумайте, прежде чем ответить.

— Нет никакого золота.

— Значит, мы нашли золото, которое никому не принадлежит. Так сказать, пиратское золото.

Босс насторожился, занервничал.

— Имеется в виду, что мне принадлежит не весь дом, а только часть его.

— Кому же принадлежит другая часть?

— Не знаю. Принадлежит, и все. Владелец может объявиться в любое время.

— Да, негусто заплатили вам за лакейскую службу,— сказал Педро.— Но так или иначе, у нас имеются отличные слитки золота.

Алеша открыл мешок, показал слиток с клеймом одного из самых крупных международных банков.

— Таких штучек у нас полно.

В лице Босса что-то дрогнуло, его будто подменили. Побледнев, он закрыл лицо руками.

— Где вы это взяли?

— Успокойтесь, — сказал Алеша. — Там, где взяли, есть еще... Но нам золото ни к чему. Мы хотим побыстрее покинуть остров.

— Хорошо, — сказал Босс, и глаза его странно сверкнули. — Давайте договоримся: вы мне отдаете все золото, которое нашли. А я вам уступаю остров... Мне только нужно связаться по радио с моим доверенным лицом.

— Нет, — твердо сказал Педро. — Никаких связей. Да или нет?

— Хорошо, я согласен, — подумав, ответил Босс. — Мне только нужно кое с кем посоветоваться.

— И этого мы не позволим, — сказал Педро.

— И вы будете жить на острове?

— Да, как его хозяева. Пока не сможем уехать.

— Что ж, я согласен, — кивнул Босс, покусывая от волнения ногти. — Так и быть. Но вы меня, конечно, сразу отпустите? Ведь я должен быть свободен, чтобы распорядиться тем, что получу по соглашению?

— Вы, несомненно, получите свободу, едва мы станем полновластными хозяевами на острове. А пока мы переведем вас из тюремной камеры в привычные апартаменты и вернем повара.

— Нет, я не согласен, — нахмурился Босс. — Я не знаю, чем рискуете вы, но я хорошо знаю, чем рисую я.

— Что ж, загорайте и дальше в одиночке, — сказал Педро. — Не исключено, что мы найдем других покупателей. В конце концов, ваши охранники вряд ли устоят перед сокровищами. Мы их еще не разбирали, нам нужно пробить еще одну стенку, но если обстоятельства потребуют, мы сделаем и это. И уж, поверьте, мелочиться не станем.

Босс проскрежетал зубами.

Ребята вышли из камеры. Антонио вынес следом за ними мешок с золотым слитком, дверь закрыли.

Но прошел день, и Босс сломался. Важнее всего ему было не допустить непрошеных гостей до секретных сейфов своих могущественных покровителей. Это было чревато их гневом и беспощадной расправой, все остальноеказалось второстепенным.

После новых переговоров с Боссом, которые провел Педро и Алеша в присутствии Антонио, Босса

перевели в его комнаты. Он приободрился и облачился в один из лучших своих костюмов.

В таком виде Антонио и выпустил его на балкон, где Босс должен был выступить с заранее приготовленным сообщением.

— Солдаты,— обратился он к собравшимся охранникам.— Переговоры, наконец, завершились, и я прошу вас, я приказываю вам принять результаты: я продал этот остров за те слитки золота, которые мне предложили... Гм, гм, пацаны, в сущности, купили остров... Может быть, сделка более похожа на кражу,— прибавил он от себя, трусливо покосившись на Антонио, который, держа в руках автомат, следил за происходящим через открытую балконную дверь,— но сделка совершена, и я прошу не сомневаться в ее законности...

Босс ушел в комнаты, он был больше не нужен. На балкон выступил Педро и прокричал в толпу хмурых охранников:

— Итак, поскольку вы не пожелали отправить нас домой, мы купили у Босса остров. На вполне законных основаниях. Теперь мы, как полновластные хозяева всей территории, вправе потребовать от вас немедленного отъезда... О своем решении мы объявили завтра или послезавтра...

Охранники зашумели. Что-то выкрикивал Бенито, но все это уже не имело значения...

ПОДГОТОВКА К ОТРАЖЕНИЮ АТАКИ

Немедленно собрался совет. Слово взял дядюшка Хосе:

— Честно говоря, когда ребята и Антонио посвятили меня в свою затею, я не поверил, что мы можем чего-либо добиться. Теперь я считаю иначе... Босс пошел на сделку, конечно, из-за страха... Здесь остается команда вертолета. Думаю, она не улетает также из-за страха перед наказанием... Когда они убедились, что мы кое-что пронохали о секретных сейфах, наши противники заинтересованы в том, чтобы мы поскорее убрались с острова.

— Не будем упрощать положения,— сказал Антонио.— Первое, что они попытаются сделать,— это захватить дом штурмом. И только тогда, когда им это не удастся, пойдут на компромисс.

— Я думаю, и Босс, и команда вертолета хотят скорейшего компромисса, но Бенито будет тянуть,— сказал Педро.

— Для чего?— Мануэль пожал плечами.

— Для того, чтобы пролезть на место Босса.

— Как вы думаете, есть ли резон у нашего Шерлока Холмса?— спросил дядюшка Хосе, обводя всех веселыми глазами.

Антонио кивнул головой:

— Есть и немалый. Бенито не успокоится, пока не прикончит Босса.

— Надо, чтобы Босс узнал об этом,— сказал Алеша.— Разногласия в стане противника облегчат наше положение...

И все же это были одни только предположения, наверняка никто не мог знать, как развернутся события.

Однако тщательно готовились к штурму. Заранее распределили все роли, подготовили оружие.

Парадный вход был наиболее уязвимым местом. Там, перед лестницей, заняли позицию дядюшка Хосе, Педро и Алеша.

Внешний пост был бессмысленным. Ожидали взлома или подрыва двери, прислушиваясь к каждому шороху.

Но постепенно привыкли к ожиданию. А когда пошел ливень, потихоньку разговорились.

— Жизнь коротка, а сколько времени приходится терять впустую,— вздохнул Алеша.— Сколько ненужных проблем навязывают человеку.

— Да уж, за то время, что мы потеряли здесь в борьбе за элементарную свободу, я мог бы разгадать тайну пирамиды Хеопса,— сказал Педро.— Ученые обнаружили «комнату царя» и «комнату царицы» в этом сооружении, простоявшем более четырех с половиной тысяч лет, но могилы самого Хеопса так и не нашли. Чудаки, они ищут ее в толщах каменной кладки, а секрет пирамиды — в другом. В самой геометрии ее построения зашифрованы важнейшие знания древних о космосе, о солнечной системе и нашей Земле. Причем, и это сама по себе загадка, поразительно точные знания... Лично я убежден, что могилу фараона следует искать под пирамидой, я даже знаю, где и на какой глубине.

Надо только проверить вычисления. Для этого я хотел бы всерьез заняться высшей математикой.

— Вся наша жизнь состоит из тайн и загадок,— согласился дядюшка Хосе.— Вселенная беспредельна, бесконечна, и я убежден, что многие наши тайны также уходят в бесконечность.

— Пожалуй, я стану учителем,— сказал Алеша.— Людям нужно не только понимание мира, но и понимание своей собственной жизни, она была и останется борьбой доброго со злым, красивого с безобразным, совершенного с примитивным... Сколько на свете ребят, которые слышат только самих себя!.. Но я теперь знаю: человек, которому нужно дать по ушам, чтобы он услышал, требует удара по сердцу, чтобы он почувствовал. Только не будет ли удар роковым?.. Мощь государства, сила народа начинаются с характера человека. Есть характеры, которые не поддаются постороннему влиянию, вдохновляются творчеством и помогают творить, но есть характеры, которые легко купить, запугать, толкнуть на разрушение своего дома.

— Да, это верно,— сказал дядюшка Хосе.— Поешь большой характер, пожнешь большую судьбу. Человек должен помогать соотечественнику и соплеменнику. Кто продает их негодяям, губит Родину. Он будет проклят своими сыновьями. Большой характер — когда человека не смущает любая обстановка, когда во всем он способен отыскать интересы народа и отечества, бесстрашно защищает свою совесть. Миром движет Закон, и этот Закон справедлив. Значит, когда мы поступаем по совести, то есть по справедливости, мы поступаем по Закону, стало быть, поступаем так, как угодно природе. Вот она в чем, наша нравственность — уважать в себе и других природу. Природу, а не брюхо.

— Мой дед,— сказал Алеша,— постоянно сверялся с совестью. «Счастье,— повторял он,— это каждый день жить в ладу со своей совестью». Однажды мы поехали куда-то на машине. Едем, впереди мост, и вдруг дед говорит шоферу: «Притормози, уж ползет. Ужа раздавим — нехорошо». Притормозил шофер. Прополз уж, и тогда мы увидели, что мост впереди разобран. Ремонт или что. Если бы не сбавили скорости и не остановились, погибли бы наверняка... Но не в том дело, что спас-

лись, просто дед любил все справедливое... Идем с ним по грибы, он меня хвать за руку: «Что же ты, соколик, под ноги не смотришь? Чуть мухомор не раздавил! А ведь это чай-то хлеб!»

— Справедливо! — восхитился Педро. — И я так считаю: давать и получать справедливость — вот счастливая жизнь... Когда мы доберемся до родной земли, я постараюсь придумать что-либо такое, что сделает всех людей счастливыми... Я уже теперь знаю, это не вещества, не магическое слово — порядок жизни, заставляющий поступать людей по совести.

— Ты уже полдела сделал, — сказал дядюшка Хосе. — Принял решение и, кажется, не собираешься отступать.

— Ни за что!.. Не исключено, что я тоже стану вначале учителем. Хочу знать, как человек воспринимает слово правды и что нужно сделать, чтобы он воспринимал это слово и действовал, как оно велит. Люди часто увлекаются мелочами. Я, например, жалею, что уйму времени проторчал на стадионе... На стадионе люди кричат вместе и хлопают в ладоши. Кажется, это единство. Нет, это лишь собранное в одно место одиночество... Единство — это общая борьба за справедливость. Помните, как сказано у Че Гевары: «Я понял главное: отдельные, индивидуальные усилия, высокие устремления, желание пожертвовать жизнью во имя самых благородных идеалов ничего не стоят, если человек действует в одиночку, если он один противостоит враждебным правительствам и социальным условиям, препятствующим прогрессу». Хорошо сказано, а? Вдумайтесь в каждое слово: индивидуальные усилия ничего не стоят. Разве мы могли бы с успехом отбиваться от Босса и его наемников, если бы мы не были связаны единой волей?.. Настоящая жизнь теперь — это понимание людей. Люди ведь делятся не на добрых и злых, как внушают. Я убедился в другом: люди делятся на тех, кто готов трудиться, и тех, кто желает ехать на чужой спине... Помнишь, дядюшка, рыжего Хайме?.. Да, он живет этажом ниже. «Кем хочешь быть, Хайме?» — «Начальником...» Из этого человека не выйдет, конечно, толка, потому что он на чужое рассчитывает и убедил себя, что выше всех остальных. Он будет давить каждого, кто оспорит

его амбиции. Он знать не знает, что такое правда. Правдой считает свои желания.

— Таким опасно поддаваться и уступать,— сказал дядюшка Хосе.— Но, слава богу, есть и другие люди... В вашем дворе мне нравится Паоло, голопузый бедняга. Он честен и никогда не обманет, но никогда не позволит сесть себе на шею: горд и независим... Знает сотни стихов, шуток и прибауток, легко различает птиц и бабочек. А есть убеленные сединаами старики, богатые, ухоженные, которые не отличают канарейки от клетки... Человек живет так, как способен любоваться жизнью. Ну, и словом, конечно, если оно выражает жизнь. Назовем ли мы счастливым того, кто смотрит на мир через щель темницы? А ведь слова — те же окна. Иной пользуется сотней грязных слов, другой — тысячами самых светлых... Всякий человек, осознающий нужду народа,— это одновременно и его главная надежда... От слов к понятиям, от понятий — к истине. От истины — к вере в главные ценности. Наша вера — вот волшебный фонарь, который освещает путь... Хочу повторить то, что сказал однажды Портокарреро, человек, которого я всегда любил: «Только картины родины утешают сердце...» Помнишь, Педро, набережную Гаваны в июле? Три недели карнавал. Смех, танцы... По субботам и воскресеньям... Ты знаешь, что такое карнавал, компаньero? Это признание нашего первородного братства. Призыв, чтобы человек не замыкался в себе, помнил, что его продолжение — соотечественники. Пока вечны солнце, земля, небо и труд, человек должен нести радость другому человеку. Да это и гарантирует вечность...

СТРАШНАЯ НОЧЬ

Вот так мирно текла беседа, и вдруг раздался взрыв, обе половины двустворчатой двери, объятые огнем, упали на лестницу.

Дядюшка Хосе тотчас начал палить в черноту ночи, оттуда вместе с гарью и дымом повеяло дождем и ветром.

Появился Мануэль:

— Что тут у вас происходит?

Педро, тоже стрелявший в дверной проем, обернулся. На его лице обозначилась какая-то страшная мысль.

— Мануэль,— крикнул он.— Это они все нарочно устроили! Разыщи поскорей Антонио. Бенито поднял весь этот шум, чтобы вернее ударить с тыл... Постой, я с тобою!..

Охранники атаковали резиденцию Босса со всех сторон. Как догадался Педро, это был маневр, рассчитанный на то, чтобы распылить силы обороныющихся.

Это понимал и Антонио. Он был уверен, что главной целью нападения будет радиостанция на крыше, а также, возможно, та часть здания, которая не принадлежала Боссу: попасть в нее можно было только из спальни Босса на втором этаже, но стальная дверь, которую Антонио обнаружил под гобеленовым ковром, была блокирована целой системой хитроумных приспособлений. Не было никакой уверенности в том, что за этой дверью не находится другая дверь.

После начала атаки Антонио перевел Босса и его повара Альваро в карцер, а сам поспешил наверх. Рядом с ним находился Агостино, вооруженный охотничим ружьем, поскольку пулемет с самого начала был поврежден пулей.

— Увидишь, Агостино, пользуясь суматохой, они непременно полезут сюда.

— Для чего?

— Ну, уж не знаю точно. Может, для того, чтобы мы ничего лишнего не передали в эфир.

— Сомневаюсь. В таком случае они бы вырубили свет, прекратив подачу электроэнергии...

Несколько охранников, действительно, взобрались на крышу здания, намереваясь захватить помещение радиостанции. Антонио и Агостино встретили их огнем, вынудив отступить и залечь.

Но не таков был Антонио, чтобы оставлять инициативу в руках своих противников. Он выскоцил на крышу и... заметил Бенито. Ах, вот оно что! Пользуясь перестрелкой, злодей пытался незаметно проникнуть в здание через балкон. В руках у него была веревочная лестница, которую он закрепил за большую каминную трубу.

При густом дожде во мраке, разрезаемом лишь по временам прожектором, автоматически вертевшимся на крыше, было очень трудно сразить врага, и Антонио стал подбираться к нему поближе.

Вот уже немногие метры разделяли их.

Антонио выстрелил, но промахнулся.

Бенито открыл ответный огонь — пули прошли у самого виска Антонио. Яростная перестрелка из-за труб продолжалась довольно долго, пока у Антонио не кончились патроны.

Бенито заметил это и, подкравшись, выпустил в него длинную автоматную очередь.

— А-а-а! — вскрикнул Антонио, упал на крышу и, гулко прокатившись по крутому скату, исчез в темноте.

Но он не свалился с крыши вниз, как предположил Бенито. Раненный в грудь, он уцепился руками за карниз. Вот-вот должны были разжаться пальцы, и тогда Антонио неминуемо упал бы в глубокий бетонированный ров, которым было обнесено все здание: стенки рва, утыканные вмуранными железными шипами, не оставляли никаких надежд...

Отстреливаясь и наблюдая одновременно за поединком, Агостино заметил, как упал Антонио. Желая отомстить за товарища, он тоже выскоцил на крышу.

Бенито, маневрируя за трубами, вскинул автомат. Клацнул затвор — кончились патроны.

Не раздумывая ни секунды, Бенито спустился по лестнице на балкон, разбил окно и проник внутрь дома, расположение комнат в котором знал превосходно.

Между тем Агостино добежал до края крыши.

— Антонио, — в отчаянии позвал он.

— Скорей, Агостино, — послышалось в ответ, — я теряю последние силы.

Агостино беспомощно озирался, не зная, как помочь товарищу.

— Агостино, — донесся голос. — Беги в дом, перейми Бенито. Если он убьет Босса, тогда уже никто не спасется.

И тут — озарило Агостино.

— Держись, — закричал он. — Ради всех святых, еще только минуту!

Он бросился к каминной трубе, схватил веревочную лестницу и спустился к тому месту, где висел Антонио.

— Не могу больше, — прохрипел Антонио, — руки не держат... Черт побери, прощай...

Но Агостино, свесившись с крыши, сам рискуя жизнью, подсунул лестницу под ноги Антонио. Получив опору, тот ухватился за веревку сначала одной, а потом и второй рукой.

Поднявшись к трубе и уцепившись за нее, Агостино стал втаскивать товарища на крышу...

Антонио верно разгадал замысел Бенито. Если бы негодяю удалось убить Босса, он не только стал бы единственным претендентом на его место, но охранники уже не могли бы выпустить на волю дядюшку Хосе и его друзей.

Бенито знал, чего хочет, и потому действовал в одиночку — ему не нужны были свидетели.

Проникнув в комнаты и убедившись, что Босса в них нет, он догадался, что тот посажен в карцер.

Спускаясь по лестнице к тюремным камерам, Бенито чуть не столкнулся с Мануэлем и Педро, бежавшими на помощь Антонио. Негодяй затаился за колонной. В его руках сверкнуло отточенное лезвие мачете, тяжелого ножа, которым рубят сахарный тростник.

Мальчики поднялись на второй этаж, а Бенито юркнул в коридор и быстро пробрался к карцеру.

Злорадная улыбка озарила лицо убийцы: Антонио, торопясь, закрыл дверь на засов — ключ торчал тут же.

Бенито рванул дверь. В ярком свете камеры на него подняли глаза два узника — Босс и Альваро.

— Пришел час рассчитаться, — прорычал Бенито. — Думаешь, я простил тебе издевательства? О нет, Бенито никому ничего не прощает!..

— Ты негодяй, Бенито, — вскричал Босс. — Теперь я убедился, что тебя мало повесить и мало четвертовать! Если ты немедля не уберешься отсюда, горе тебе и всем твоим сородичам до шестого колена!

— Никто никогда не узнает, как была зарезана эта мерзкая свинья! — Бенито поднял мачете и шагнул вперед.

Трусливый Босс заорал и бросился в угол камеры, пытаясь забраться под нары.

Альваро, верный раб Босса, неожиданно бросился на Бенито, пытаясь предотвратить убийство, но тут же, окровавленный, рухнул на пол — Бенито смертельно ранил его в грудь и живот.

— Пощади, пощади, Бенито, ты получишь от меня столько золота, сколько тебе не снилось в самом пьяном сне! — визжал Босс, прижимаясь к стене.

— О нет, теперь ты заплатишь за все. Мне мало золота, мало, я хочу занять и займу твоё место!..

Бенито вновь вскинул тяжелый, окровавленный нож.

И в этот миг из распахнутой двери прогрохотала гулкая автоматная очередь — Бенито выронил свое страшное оружие и, повернув к противнику искашенное от ярости и боли лицо, повалился наизнанку.

На пороге камеры стоял бледный как полотно Алеша.

Когда убежали Мануэль и Педро, дядюшка Хосе долго сидел без движения, прислушиваясь к шуму дождя, а потом сказал, обращаясь к Алеше:

— Слушай, компаньери, ноет и ноет мое сердце, верно, там, наверху, что-то происходит. Будь любезен, отправляйся им на помощь, а я уж здесь один постреляю. Да не бойся за дядюшку — он скорее умрет, чем отступит со своей позиции.

Алеша побежал к лестнице. В коридоре он услышал душераздирающий вопль: то закричал смертельно раненный Альваро.

Подскочив к раскрытой двери камеры и увидев то, что происходило там, Алеша сразил Бенито из автомата. Промедли он секунду, судьба Босса была бы решена.

— Спасибо, парень, — Босс, шатаясь, дошел до трупа Бенито, пнул его ногой и поднял с пола мачете. — Бежим отсюда! Скорее, скорее!

И вдруг — бросился на Алешу, занес нож над его головой.

Алеша чудом увернулся и, отскочив, вскинул автомат:

— Стоять на месте!

— Да я пошутил, пошутил, — нервно захотел Босс, бросая мачете на цементный пол. Лязгнув, оно упало в лужу крови, вытекающую из-под Альваро.

Пяясь, Алеша вышел из камеры, закрыл дверь на засов, потом на ключ и побежал в помещение радиостанции — к Антонио.

Страшная ночь кончалась. Уже известны были ее потери: ранен Агостино, ранен Антонио.

Забинтованный Антонио, над которым хлопотала Мария, выслушав Алешу, сказал:

— Ты правильно поступил. Ты был на волосок от смерти, но счастливо уцелел. Да и всех нас уберег от мести негодия...

НА РАССВЕТЕ

Наступало утро, но никто не просил отдыха, все были возбуждены и ждали новых действий.

Вскоре после восхода солнца Мануэль, который вел с помощью бинокля круговое наблюдение, обнаружил на морском берегу какой-то странный предмет.

Вызванный на пост Педро, присмотревшись, заявил, что это человек, привязанный то ли к доскам, то ли к мачте.

— Надо проверить, жив ли человек,— озабоченно сказала Мария.— Если жив, наш долг — помочь ему. Мы сами натерпелись беды и знаем, что это такое.

— Пожалуй,— заключил дядюшка Хосе.— Предприятие рискованное, но что значит риск, когда говорит совесть?

К берегу отправились трое: Мануэль, Педро и Алеша. Алеша тащил носилки.

Охранников поблизости не было. Выбравшись через окно с тыльной стороны здания, мальчики побежали вдоль высокой стены тюремного двора и вскоре достигли берега, где росли редкие пальмы.

— Вон там мы выбрались из трубы,— сказал Педро, показывая на отмель.— Как вспомню, млеет сердце. Теперь нам легче — в руках оружие. Если и суждено умереть, то умрем, глядя в свободное небо.

Алеша промолчал, вспомнив об авиационной катастрофе...

На песке лежал юноша лет восемнадцати — двадцати. Он был без сознания, но, судя по всему, еще жив. Видимо, не надеясь на свои силы, он привязался веревкой к деревянному трапу — это его и спасло.

— Счастье, что он не захлебнулся,— сказал Педро.

— Возможно, он потерял сознание совсем недавно,— предположил Мануэль.— Тело холодное, но все же я ощущаю тепло.

Педро и Алеша положили юношу на носилки и понесли к дому. Мануэль, следя на некотором расстоянии, прикрывал их. Тюремная стена была уже близко, когда ребят обстреляли из миномета. Но, видно, поздно спохватились: стрельба была беспорядочной — несколько мин разорвалось далеко в стороне.

Юноше немедленно оказали помощь: сделали массаж и дали чашку куриного бульона.

К полудню юноша, его звали Сальваторе, уже улыбался и говорил, говорил, говорил — рассказывал свою историю.

Сальваторе был сыном богатого испанского коммерсанта, который приехал навестить своих родственников в США. Для испанских гостей была подготовлена яхта, три дня назад она вышла из Майами, держа курс на Багамы, но была застигнута штормом.

— Я не знаю, что стало с моими родственниками,— печально повторял юноша.— Погибли? Или спаслись? Если у вас есть возможность связаться с береговой охраной США или морской патрульной службой Багамских островов, то сообщите, пожалуйста, координаты, где мы потерпели аварию.— И он назвал координаты.

Просьбу передали Антонио.

Он покачал головой:

— Ни в коем случае. Мы не знаем наверняка, что это за человек. Да и три дня — срок, после которого обычно уже некого и нечего искать в открытом море.

— Как вам не стыдно,— возмутилась Мария, пылая от гнева.— Мы сами столько пережили, разве разумно поступили люди Босса, отказав нам в самой элементарной помощи?

Антонио молчал, кусая губы.

— Ты не права, Мария,— примирительно сказал дядюшка Хосе.— Это совсем разные вещи: то, как поступили с нами люди Босса, и то, как мы поступаем с Сальваторе. В нашем положении необходима бдительность. Мы поможем юноше, когда освободимся... В самом деле, что значат координаты по

проществии нескольких дней? Тут повсюду мощнейшие течения...

Мария расплакалась и убежала.

Несмотря на ранение, Антонио поднялся с постели и пошел поговорить с Сальваторе.

Вернувшись обратно, подозвал к себе Педро и Алешу.

— Ребята,— сказал он хмуро.— Я кое-что повидал на своем веку и знаю, что самое пагубное — отбрасывать чужой опыт жизни, не считаться с ним, полагая, что он устарел. Люди во все века ели, пили, любили, болели и трудились, добывали славу или покрывали себя позором. Это было и будет, и потому всякий опыт борьбы, опыт страданий наших предшественников должен быть свят.

— Странное предисловие,— удивился Педро,— но я согласен. Не напрасно у всех народов, известных великими деяниями, всегда был высок авторитет предков. Это была первая и главная святыня — закон предков, предостережение предков, обычай предков. Человек не может переменить истину, он может только прибавить к ней или отнять от нее по своей глупости.

— Не думай, Антонио, что я считаю иначе,— сказал Алеша.— Все мы убедились: в мире есть силы, которым ненавистно сильное, здоровое, культурное, развивающееся общество. Они хотели бы разложить его с помощью самого наглого обмана: наусыкивая детей на родителей, молодое поколение — на старшее, чтобы те и другие иссякли во взаимной борьбе, а негодяи легко и беспрепятственно сели бы на шею тем и другим... И мне шептали не раз: «Не слушай родителей, их взгляды допотопны, вкусы устарели, они не понимают детей!» Но я никогда не был так глуп, чтобы поверить, что именно родители — мои первые враги. Как можно было заподозрить отца, деда, мать? Они могут быть не правы в споре, но они правы в своих заботах.

— Все верно,— кивнул Антонио.— Это великое сокровище для каждого — духовный багаж предков. Чтобы иметь покорных холуев, эксплуататоры, подобные нашему Боссу, выбивают из сознания людей прежде всего мудрые наставления отцов и дедов, поощряя эгоизм, погоню за наживой и развлечениями. Они пытаются вытеснить высокий дух прозаи-

ческими вещами, используя нищету, бедность или жадность в своих корыстных интересах. Они знают о роковой роли культа вещей. В пору созревания личности, когда даже самая небольшая лишняя порция энергии может внезапно разбудить спящий в человеке гений и направить его по пути к величайшим открытиям, они похищают, ловко крадут у молодежи запасы жизненных сил, склоняя ее к выпивкам, ссорам, пустому времяпрепровождению, раннему разврату. Все это исключает развитие самостоятельного тонкого духовного мира. Управляя людьми с помощью моды и молвы, они побуждают миллионы глупцов тратить время, предназначенное природой для самосовершенствования и творчества, на приобретение штанов, курток и прочего хлама, сбивающего молодых с истинного пути — с пути познания сущностей мира и облагораживания собственных чувств. Сколько людей тратит драгоценное время на добывание записей примитивнейших групп, ничего общего не имеющих с подлинной музыкой — ею боссы пользуются в своих закрытых компаниях, повторяя, что Бетховен, Бах, Чайковский, Моцарт «не для быдла»...

— Антонио,— возвал Педро,— заклинаю тебя: поскорее скажи то, ради чего ты позвал нас! Мы верим тебе! Не нужно никаких предисловий!

Антонио вздохнул:

— Друзья мои, мне показалось, что я где-то видел уже раньше человека по имени Сальваторе.

Педро и Алеша переглянулись.

— Не может быть,— удивился Педро.— Нам известна вся его история.

— Его ли?— усмехнулся Антонио.— И вся ли?

— Я не могу не верить тому, кто потерял отца и других близких, кто сам побывал на волосок от смерти,— сказал Алеша.

— Вот отчего было столь долгим мое предисловие,— нахмурясь, сказал Антонио.— Я боялся показаться назойливым и недобрым. Может быть, я ошибаюсь, но мой опыт жизни предупреждает: берегись этого человека.

— Ты наверняка ошибаешься,— неуверенно возразил Педро.— Но я не осуждаю тебя.

— Пусть никто не узнает о нашем разговоре,— добавил Алеша.— Так легко оскорбить человека недоверием. Потом это ничем не исправишь.

— Милые, благородные друзья,— сказал Антонио.— Если вы немного верите мне, человеку, вместе с которым сражались и могли умереть, учтите, по крайней мере, такую просьбу: не спускайте с Сальваторе глаз, подмечайте все противоречия в его словах и поступках — это сослужит всем нам позднее добрую службу...

САЛЬВАТОРЕ РАССКАЗЫВАЕТ О СЕБЕ

В тот же день как бы невзначай Педро побудил Сальваторе подробнее рассказать о себе.

— Понятно, отчего вы так интересуетесь моей персоной,— Сальваторе подмигнул Марии, которая на правах медицинской сестры сидела подле его кровати.— Как же, парень из богатой семьи. Как живут богатые? Извольте, я расскажу. В ваших социалистических странах об этом не говорят, потому что рабочие и крестьяне не могут позволить себе шикарной жизни.

— Если и говорят о «шикарной жизни» в ваших буржуазных странах,— сказал Алеша,— это не значит, что ваши рабочие и крестьяне живут шикарно. Всякое богатство не возникает из воздуха.

— Разумеется,— засмеялся Сальваторе, сверкнув белыми зубами.— Чтобы шикарно жить, нужно иметь большие деньги, а для этого нужны не только ясная голова и сильные бицепсы, но и те же деньги. «Настоящие деньги делаются из денег»,— повторял мой отец. Я согласен с ним.

— Богатство — это кража, пока существует бедность. И бедность — это насилие, пока существует богатство,— сказал Алеша.

— Не всегда так,— возразила Мария,— ведь есть же еще трудолюбие, удача и, наконец, расчет.

— А разве вор или насильник не ловят удачу и не рассчитывают свои действия? Разве не считают это за труд?

— Не перебивай их, красавица,— сказал Сальваторе, взглянув на Марию.— Мне ужас как интересно послушать коммунистические речи из уст тех, кого я хотел бы считать своими друзьями... Не знаю,

может быть, у коммунистов другое детство, но мое было довольно жестоким и, я считаю, суровым. Я учился в специальной школе.

— Что такое специальная школа?

— Педро, не перебивай, пожалуйста, — попросила Мария.

— Нет, отчего же, пусть спрашивают. Специальная школа — это школа, в которой нет шантрапы из низших слоев. Где труха и навоз, нет и не может быть высоких побуждений. Если отцы пьяницы или наркоманы, дети их, как правило, тоже становятся пьяницами и наркоманами... Другое дело — дети в спецшколе. Там каждый — наследник знаменитости. Отцы, деды и прадеды — дипломаты, министры, писатели, крупные бизнесмены, короче, есть кем гордиться, есть кому подражать... Дома у нас в гостиной постоянно висел портрет прадеда — он был крупным чиновником в одной испанской колонии, увы, ныне уже утраченной... Испания когда-то принадлежало полмира, товарищи господа, и то, что все вы говорите по-испански, — заслуга испанского меча и испанского проповедника, но прежде того мореплавателя и политика... Мой дед по матери — президент банка, по отцу — командир пехотной дивизии, любимец каудильо... Да, да, я не оговорился, каудильо — это Франко, которого вы называете фашистом... Я обязан был знать биографии всех своих знаменитых родственников, а их насчитывалось не менее трех десятков. Если я кого-то забывал или путал, отец порол меня толстым ремнем.

— Ужасно! — всплеснула руками Мария. — Какой деспотизм!

— Ну, это ты напрасно, Мария, — Сальваторе тронул рукой плечо девушки. — Истинно благородный человек тем и отличается от заурядности, что за ним стоят предки. Простолюдины, ничтожные люди с улицы не помнят биографии даже своих отцов. Впрочем, не удивительно: у ничтожества не бывает биографии, у них — только одна анкета, предназначенная для работодателя или полиции... Признак хорошего тона, примета богатой и знатной семьи — музыка, но не эта — шали-вали, которой засоряет мозги чернь, а подлинная — возвышенная, умная, приобщающая к сложнейшим структурам мира, зовущая предчувствовать и предвидеть, иначе говоря,

руководить другими людьми. Я ненавидел музыку, но отвязаться от отца было непросто. Мне платили за каждый урок, начисляя на мой счет. За пропущенный или невыученный урок списывали тройную сумму... И так как некоторые удовольствия можно было получать только за собственные деньги, я освоил и фортепиано, и немного скрипку... Не выдающийся музыкант, но фальшью и низкопробящей меня не проведешь, всяким там примитивом не купишь... Родители учили меня считать каждую денежку и многие решения обязывали принимать самостоятельно. Если я принимал верные решения, поощряли, а если неверные — наказывали. У меня была персональная ЭВМ, где я мог просчитать все варианты своих действий, это уже не глупенькие расчеты с помощью магических цифр, которые практиковались во времена наших дедов. Например, «любит — не любит»: против имени понравившейся девочки ставили черточки, а затем зачеркивалась каждая седьмая черточка. До тех пор, пока не приходилось вычеркнуть букву «Л» или «Н»... Примитив, шаманство. ЭВМ приобщила меня к совершенно другому уровню оценок. Тут можно было сравнивать сразу десяток объектов, учитывая и звучность фамилий, и вес родителей, и форму носа, и красоту прически. Забава превращала эти занятия в умение трезво мыслить и сопоставлять в существенном...

— Вы любили, Сальваторе? — вдруг спросила Мария.

Сальваторе метнул на нее цепкий взгляд.

— Когда я увидел вас, о прекрасная Мария, я понял, что никогда и никого не любил. — Сальваторе сопроводил свои слова театральными жестами. Мария покраснела до ушей и опустила голову.

— Продолжайте рассказ, — прошептала она.

— Это не рассказ, это быль, мой друг... Отец внушал ежедневно: Сальваторе, ты должен стать министром финансов или командовать кортесами, то бишь парламентом... Честно говоря, я твердо убежден, что без меня финансы Испании или парламент придут просто в упадок.

— Короче говоря, ты собрался править народом, нисколько не сомневаясь в том, что народ будет осчастливлен, — сказал Педро, пробуя придать своему голосу бесстрастный оттенок, но насмешка скво-

зила в нем.— Как можно лезть в поводыри народа, не интересуясь даже его жизнью и желаниями?

— А что в этом плохого? Неужели командовать государством должны кухарки и дворники?.. То, что хорошо мне, должно быть хорошо народу.

— У нас в России после Октябрьской революции на важные посты были поставлены рабочие и крестьяне,— сказал Алеша, не поднимая головы.

Сальваторе захочотал, не дав ему окончить мысль.

— Поставлены — да, но правила не они, правили люди, которые их поставили. Это обычный трюк, им пользуются так называемые революционеры. Но страна, которая не хочет крови, потрясений и разрушения собственной культуры, не нуждается ни в революционерах, ни в рабочих-министрах... Все цели развития осуществляет благородное общество.

— Им тоже управляют,— заметил Педро.— И публика обычно не знает, кто именно.

— Да, управляют,— отозвался Сальваторе.— Все имеет свою цену, и всякая демократия тоже. Над управлятелями стоят управлятели, а выше них есть своя власть. Но мы обязаны принять это как должное. Народ никогда не был и никогда не будет у власти. Наша личная задача — подняться по ступенькам на самый верхний этаж. И ради этого нужно идти на все.

— На любую подлость?— Педро задирался.

— Нет, начинается не с подлости, а с соблюдения принятых правил приличия, они служат как бы пропуском в тот круг общества, который управляет... Тут важно никогда не наступить на пальцы людям, которые влиятельнее... Меня с детства учили принятым манерам. Потом, чтобы закрепить их, возили вместе с сестрой к знакомым. Там мы смотрели кинофильмы, ели пирожные и пили лимонад. Потом настало время костюмированных балов, игры на фортепиано, исполнения песенок. Потом были прогулки.

— С девочками?— спросила Мария.

— И с девочками тоже. Они не разукрашивали себя, как попугаи, не одевались кто во что горазд, они соблюдали моду для избранных — ее не печатают в обычных журналах, эта мода устойчива, потому что разумна... Ну, а потом молодые люди, кото-

рые уже знали друг друга, знали, сколько стоит каждая фамилия, сходились на вечера, играли в бридж, танцевали и учились ухаживать, иначе говоря, волочиться.

— И что же вы танцевали?

— Иногда мы танцевали и то, что танцует чернь. Но, вообще, нас учили другим танцам. Их танцует благородный свет. Мы легко отличали своих по манере танца — у нас были общие учителя... Казалось, так медленно движется время. Но взросłość пришла очень быстро. Каждый из нас вступил в свой клуб — тут очень важно продолжить традицию. С восемнадцати лет нам позволили все, что позволяется взрослым. Но мы уж не бросались на яркую приманку — каждый обрел манеры, которые помогают поддерживать репутацию. Человеку света можно делать что угодно, но он знает, как это делать, не подрывая своей карьеры... Необязательные знакомства, их достаточно было на стороне. Любая дурнушка уступает свои сокровища за приглашение на пикник или за дешевую безделушку. Мы дурачились столько, сколько хотели, потому что жениться нам предстояло только на девушках своего круга.

— Вы обманщик, — воскликнула со слезами на глазах Мария. — Вы изрядный донжуан!

— Я говорил о благородных людях вообще, — улыбнулся Сальваторе. — Всегда есть исключения, даже из самых жестких правил. Я был исключением. Я даже не целовался.

— Все это пошло, — сказал Педро.

— Согласен с вами, — кивнул Сальваторе. — Эта золотая молодежь развлекается часто недопустимым образом. Она издевается над людьми, которые не принадлежат к избранным. Помню случай, когда одна благородная компания, разгорячившись, выбрала самую красивую девушку и бросила ее в бассейн, где хозяин держал гигантского осьминога. Всем было любопытно посмотреть, как погибает жертва... Девушка была дочерью почтового служащего.

— Какая все гадость, — сказал Алеша. — Об этом противно даже слушать... Неужели среди молодых людей не нашлось ни одного, в ком была бы хоть капля настоящей мужской крови?

— Великолепная ирония, — усмехнулся Сальваторе. — Моя позиция всегда однозначна: противно слушать — не слушай, страшно глядеть — не гляди.

Обиженный этой репликой, Алеша вышел из комнаты.

БЕДНАЯ МАРИЯ

Сальваторе, схватив за руку Марию, стал нагло приставать к ней.

Педро делал вид, что читает журнал. Он негодовал, готовый взорваться, но не уходил, беспокоясь за Марию, которая, кажется, потеряла всякий контроль над собой.

Сальваторе то и дело подмигивал ей, а она весело хохотала, вовсе не замечая брата, так что у Педро возникло даже подозрение, что она загипнотизирована.

— Как жаль, что мы с тобой не наедине, — говорил Сальваторе. — Настоящие истины жизни, как и поцелуй, рождаются только в самой интимной обстановке, ты согласна?.. А некоторые олухи этого никак не понимают. Они не понимают нас, мы говорим на разных языках.

— Беда не в том, что люди в мире говорят на разных языках, — не отрывая глаз от журнала, прощедил сквозь зубы Педро, — беда в том, что люди, говорящие даже на одном языке, не всегда понимают друг друга, а надо, чтобы понимали, даже говоря на разных.

— Какие у тебя изящные руки, Мария, — говорил Сальваторе, не обращая ни малейшего внимания на реплики Педро. — Когда я поправлюсь, а это произойдет скоро, если ты будешь ухаживать за мной, завтра или послезавтра, я буду играть тебе на фортепиано, и, может быть, мы потанцуем. Черт побери, в данный момент я, как мой старый приятель Какер, скорблю не потому, что мне плохо, но потому, что нам с тобой могло быть гораздо лучше, если бы мы были наедине. Общее одеяло — мечта всех влюбленных.

Мария хихикнула, прикрыв рот ладонью.

— Вы большой шутник, Сальваторе!

— Ты еще узнаешь, какой я шутник... Кстати, Какер — это и моя фамилия, хотя с тем Какером мы

не родственники... Скажи, ты понимаешь что-нибудь в сексе?

— Сальваторе, вы больны и должны вести себя очень спокойно.

— Нет, я вижу, что ты совершенно безграмотна, а в твоем возрасте это уже стыдно... Знаешь ли ты, что такое петтинг?.. Это надо знать именно на английском языке, это придает раскованность, это создает свою особую моду: мы подражаем в любовных ласках не каким-нибудь аборигенам Новой Гвинеи или Эквадора, мы подражаем великой Америке...

— Послушай, Какер, что ты там плетешь,— вмешался Педро.— Отчего это коренные жители своих стран хуже в человеческих качествах, чем сброд Нового Вавилона, давно потерявший все святое?

Но Сальваторе опять и ухом не повел. Притянув к себе руку Марии, чмокнул в ладошку. Девушка сидела не шелохнувшись, отвернув голову. Щеки ее пылали.

— В нашем возрасте не надо бояться тесных отношений, о прекрасная Мария! Что тебе хочется, то и нужно делать, иначе нет никакой свободы...

— Хочется зарезать — зарежь. Хочется ограбить — ограбь,— в тон Сальваторе произнес Педро, но его слова опять не были услышаны. Его присутствие попросту игнорировалось.

— Свобода — не в том, чтобы поступать по каким-то законам или обычаям,— продолжал Сальваторе,— свобода — в том, чтобы действовать наперекор им, когда чувствуешь, что они устарели и мешают тебе. А они всегда устарели, если мешают... Из истории культуры известно, что глупые люди всегда ищут некую внешнюю причину собственной несвободы: божество, феодала, плохие законы. Нет, детка, нас кабалит не международный банк и не местный лавочник, нас развращают не речи умных людей в печати и на телевидении, нас губит не церковь, не суеверия, не пьянство и не наркомания... О нет, моя прекрасная леди, нас сокрушают препятствия на пути к телесной жизни, подлые и преступные запреты наших пап и мам, черт бы их побрал!.. Сейчас, сейчас я тебе изложу азбуку для нас двоих, и тебе станет противным твое прямо-таки бескультурное, нефирменное целомудрие...

Выпучив глаза, Сальваторе глядел на Марии и говорил, говорил убаюкивающим голосом, а она странно млела, мурлыкала в ответ что-то нечлено-раздельное, и Педро, все более надуваясь, как футбольный мяч, проклинал минуту, когда обещал Антонию выдержку и терпение.

— Многие сомневаются, соблюдают какие-то глупые, устаревшие обычаи, ожидают какой-то зрелости, каких-то условий, боятся кого-то обидеть, оскорбить родителей и стать объектом насмешек всяких досужих кумушек. Чепуха все это, Мария, чепуха на постном масле. Наше дело — хмель чувств, их дело — таскать нас по клиникам и нянчить наших детей...

— Не дай бог такой гнусной свободы,— сказал Педро.— Нашу соседку Сусанну напоил вином какой-то гастролирующий сочинитель песенок и обрюхатил ее в своем гостиничном номере. У него, естественно, были такие же, как и у тебя, представления о жизни. Он удрал, а она родила дебила, который уже вырос и гоняется за сверстниками с топором. Сейчас его отправили в колонию, а Сусанна свихнулась. Она ходит по улицам и ищет негодяя, искалечившего ее судьбу. В кармане у нее острый кухонный нож, но я уверен, что она сопьется и сама себя прикончит этим ножом... Не надо плевать в родник, из которого пьют люди. Не надо топтать обычай народа, особенно тем, кто пользуется его гостеприимством, но упрямо лезет на хозяйское место. Обычаи — это вековой опыт жизни. Только мерзавцы, поставившие своей целью разрушение народа и уничтожение его государства, могут так бесцеремонно относиться к обычаям...

— Мы любим друг друга,— шепотом запел Сальваторе, целуя руки Марии.— Не правда ли, очень любим? Нас пытаются разлучить всякие отсталые типы, не знающие высокого состояния любви, когда наплевать на все и на всех — и на друзей, и на родителей, и на так называемые «перспективы», и на так называемое отечество... У влюбленных нет отечества, мы не ханжи, не пуритане, не мало-культурные старые девы... Никаких искусственных барьеров, никаких лишних ожиданий и ложной скромности... Нас пугают, что мы не готовы физически, или нравственно, или материально. Но откуда

они знают? Мы готовы, учимся мы или шляемся по улицам без определенных занятий, владеем какой-либо профессией или не владеем, чувствуем в себе потребность развлечься или отомстить... Не надо думать ни о любви, ни о семье. Сексуальный опыт — важнее культурного и классового. Смелее вперед! Мы дети мира, нам тесно в рамках выдуманных законов... Болтают о неодолимых преградах в виде возраста, внешнего вида или психологической совместимости... Чепуха, все это чепуха и бюрократический маразм, ты слышишь меня, Мария? Законы природы существуют не для того, чтобы их соблюдать, а для того, чтобы их умно и ловко обходить... Скажем, холодно. А мы раз — и строим дом...

— Это вовсе не обход закона, а подчинение ему, — глухо сказал Педро. — И что ты за человек, Сальваторе Какер?

Но Сальваторе только взглянул наглыми, выпученными глазами и продолжал как ни в чем не бывало:

— Не бойся последствий, детка. Помни, ради любимого нужно идти на все жертвы, а кто не идет, тот неполноценный...

— Ну, и демагог же ты, Сальваторе, — вскипел Педро, чувствуя, как у него чешутся руки. — Кожу с другого снимешь, лишь бы тебе под зонтик... Довольно нести вздор, мне это уже совсем не нравится!

Но Сальваторе, казалось, не расслышал и этих слов.

— Кое-кто утверждает, будто любовь вредна для здоровья. Опять чепуха. Все на свете вредно. Вредно даже жить и жрать, но мы живем и жрим. И поверь, прекрасная Елена... Пардон, поверь, прекрасная Мария, что это безнравственно — отказывать своему избраннику. Это недоверие, а недоверие чревато разлукой... Вот я сейчас встану и уйду. Уйду навсегда в голубую туманную даль, как сказал один поэт. И буду тосковать о чем-то и, может быть, даже умру от своей тоски...

— Не вставайте, — прошептала Мария. — Умоляю вас, вы совсем больны! У вас температура!

— О нет, о нет, я совершенно здоров. И я в своей тарелке... Зрелость личности — чтобы распоряжаться собой. Все мое — мое. Все твое — тоже мое... Когда мы соединим уста, я покажу тебе одну американ-

скую книжку. Хотя она предназначена для пятилетних, она волнует больше стихов Байрона или сцен в комедиях Лопе де Вега. Нарисованы голая мама и голый папа...

Педро взорвался.

— Эй, ты, осел,— закричал он,— я спас тебя от верной смерти не для того, чтобы ты издевался над моей душой! Сейчас же оставь в покое мой мир и мою сестру! Я добрый человек, но я никогда не уступлю морали своего народа!

И он подошел вплотную к кровати, на которой лежал Сальваторе.

— Если бы ты не был или не считался больным, я бы смазал тебя сейчас по физиономии: ты не уважаешь людей, которые дали тебе кров и пищу, стало быть, не уважаешь никого на свете!

Мария, словно очнувшись, вскочила со стула, расплакалась и убежала прочь.

— Мужчина не должен мешать мужчине получать свою долю удовольствия,— с усмешкой сказал Сальваторе, глядя прямо в глаза Педро.— Если он, конечно, мужчина.

Педро не выдержал наглого взгляда, отвернулся.

— Я человек, а не ловец удовольствий,— сказал он.— И мужчина для меня означает прежде всего благородство и правду. Козел для меня еще не мужчина.

И Педро возмущенно вышел из комнаты.

Едва увидев его, Алеша понял, что случилась какая-то неприятность.

— Кто-то наплевал тебе в душу? Скажи, нужна ли моя помощь?

— Нет,— Педро попытался уйти, но подошедший к ребятам Антонио удержал его за руку.

— Я слышал ваш разговор. К сожалению, Педро, сегодня мы не имеем права на только личные чувства. Все мы связаны одной судьбой. Так что потрудись объясниться.

— Противно это, очень противно...

И Педро рассказал обо всем увиденном и услышанном.

— Подонок,— заключил Антонио.— Ненавижу подонков. Всякий народ считает величайшим позором даже рассуждать о наготе отца и матери...

Сальваторе злоупотребил нашей добротой. Он хочет испортить девчонке жизнь. Я поговорю с ним.

— Говорить — пустое дело,— возразил Алеша.— Этот тип намеренно развращает людей. Я не знаю, с какой целью, но, конечно, не с целью добра.

— Пожалуй,— хмуро кивнул Антонио.— Я наблюдался на эту свободу покупать молодость и красоту... Где полыхает разврат, там повсюду нищета, трущобы, неизлечимые болезни. Там пьянь и наркоманы. Там нет друзей, нет принципов, там измена, унижения и дебильность... Разврат насаждается так же, как нищета, как невежество, как ложь. О, развращая народы, боссы ловят большую рыбу. Большую рыбу, ребята. А люди остаются слепыми, слабыми, не знающими, как помочь себе, как изменить жизнь, такую бесчестную, несправедливую, жестокую... Пожалуй, для начала я все-таки прогляжу скулы этому Сальваторе. В чужом храме он должен уважать чужие молитвы.

— Не трогай его, Антонио,— со вздохом сказал Педро.— Вдруг я не так все понял, а он дурачился, потому что ему понравилась Мария?

— Странная деликатность,— пожал плечами Алеша.— Уверен, что ты все понял и понял правильно. Отчего же ты прячешь свое возмущение? Имеешь ли ты право прощать издевательство над своим нравственным чувством?..

УЛЬТИМАТУМ

Напуганный покушением, Босс сам предложил выход из создавшегося положения. Посовещавшись, все нашли, что план Босса можно принять.

Итак, Босс выразил готовность предоставить для отплытия на Кубу свою моторную яхту с необходимым запасом продовольствия и воды, механиком и штурманом, которые должны были привести яхту обратно.

— Но мы имеем все основания опасаться погоды,— сказал дядюшка Хосе.— Вы, господин Гудмэн, проявили уже столько коварства, что мы не можем полагаться на одни обещания. Я предлагаю: всех, кто остается на острове, на сутки, по крайней мере, запереть здесь, в вашем доме.

— Кто же будет выполнять эту часть договоренности? — спросил лукавый Босс. — Для этого вам потребовалось бы оставить своего человека.

— Мы подумаем, — сказал дядюшка Хосе.

— И еще одно условие, — добавил Антонио. — Чтобы исключить возможность нарушения соглашения, нужно слить горючее из баков вертолета.

— И это принимается, — нахмурившись, кивнул Босс, — при условии, конечно, что вы немедленно уничтожите договор о продаже острова и оставите здесь все захваченные золотые слитки и все оружие.

— За исключением двух автоматов и тяжелого пулемета, который имеется на яхте, — сказал Антонио.

— Это оружие будет отправлено к вам обратно, едва мы ступим на кубинский берег, — уточнил дядюшка Хосе.

— Будь по-вашему, если вы согласитесь на последнее условие: передать мне тотчас радиостанцию.

— Это для чего? — насторожился Педро.

— Чтобы восстановить прерванные связи. Мои клиенты, конечно, сильно озабочены молчанием и могут предпринять действия, нежелательные как для меня, так и для вас.

— Передавать радиостанцию? Ни в коем случае, — сказал Антонио. — Максимум: провести радиосвязь в нашем присутствии сейчас... Через сутки после нашего отплытия можете связываться с кем угодно...

— И я так считаю, — согласился дядюшка Хосе.

Босс попытался спорить, но натолкнулся на такой отпор, что вынужден был согласиться.

— Ладно, ладно, джентльмены не мелочатся. Принимаю ваш ультиматум.

Вскоре Босс вышел на балкон, вызвал охранников и объявил о своем решении. Они встретили известие молча, без энтузиазма: уже знали или догадывались, что песенка Босса спета и с ним будет покончено, едва минуют установленные сутки. И не в том был просчет, что Босс сажал под суточный арест и команду вертолета, над которой был не властен, а в том, что допустил всю заварушку, расекретил то, что ни в коем случае не предназначалось для посторонних глаз.

ПОСЛЕДНИЙ СОВЕТ

Ночью еще раз совещались. Антонио и Алеша категорически воспротивились участию в совещании Сальваторе, ссылаясь на то, что он человек совершенно другой социальной среды и не испытан в деле.

Против этого мнения выступили дядюшка Хосе и — после некоторых колебаний — Педро.

— Если мы его не позовем, он никогда не поймет правды, никогда не почувствует доверия к трудовому человеку. Пусть увидит и услышит, как рассуждают граждане, преданные социализму, как цепят справедливость и отвергают дискrimинацию.

— Я бы воздержался, — сказал Агостино. — Демонстрировать свое благородство перед неблагородными — наивная затея. Все знают, что мы не претендуем на чужое, даже те, которые громче всех обвиняют нас. Эксплуататор никогда не поймет эксплуатируемого. Чтобы понять, ему пришлось бы отказаться от своих претензий жить за чужой счет, но на такое отваживаются только единицы. И только под влиянием собственного опыта жизни.

— Ну и что? — возразил дядюшка Хосе. — Даже в революциях участвует немало умных и проницательных людей из привилегированного класса. Так было в России, так было на Кубе. Так повсюду.

— Это люди совсем другого сорта, — не уступал Агостино. — Интеллигенты — может быть. Но и тогда некоторые из них тянули не в ту сторону. Не все из них понимали задачи революции так, как понимал простой народ. Это доказано громадным опытом.

— Нет-нет, — горячился дядюшка Хосе. — Мы должны показать, что правду можно отстаивать широким фронтом, для этого вовсе не обязательно быть пролетарием, достаточно быть честным человеком!

Никто не пожелал оспорить категорическое суждение дядюшки, хотя Антонио явно недовольно морщился и качал головой.

— Честный человек — еще не справедливый человек, — пробормотал он.

— Надо спросить, хочет ли сам Сальваторе участвовать в наших делах и как к ним относится? — предложил Алеша.

Мануэль привел Сальваторе.

— Как себя чувствуешь, Сальваторе? — начал дядюшка Хосе. — Как твое здоровье? Все наши люди беспокоятся о тебе.

— Чувствую себя, как новорожденный, — сказал Сальваторе. — Полон благодарности к каждому из вас и хотел бы подтвердить это делом.

— Спасибо, — сказал дядюшка. — Я верю в твою искренность... Ты уже слыхал, верно, что через день мы отплываем на Кубу? К сожалению, нас вынудили отстаивать свое элементарное право с оружием в руках. Есть жертвы. Очень сожалеем о них.

— Не сожалейте, — сказал Сальваторе. — Все, что сделано или не сделано, ушло в вечность, а вечность никого не интересует. Право всегда за силой.

Алеша переглянулся с Педро и выразительно кашлянул, но не решился возразить: собрались ведь не для споров да и время было ночное...

Начали совещание. Довольно быстро обговорили все проблемы, но вдруг споткнулись на той, которой вначале не придали ни малейшего значения: кто останется на острове контролировать выполнение Боссом своих обязательств в течение суток после отплытия?

— Давайте я, — предложил Антонио. — Всем вам хочется домой, а я еще не совсем определился.

— Тебе никак нельзя, Антонио, — сказал Алеша. — Они никогда не выпустят тебя отсюда живым. Точно так же, как и Агостино.

— Можно было бы взять заложников, — сказал дядюшка Хосе и посмотрел вопросительно.

— Нет, — твердо сказал Педро. — Они бы и сейчас дали троих за одного Антонио. Антонио — живой свидетель. Так же, как и Агостино.

— Послушайте, — сказал Сальваторе. — Зачем усложнять простой вопрос? Всем вам нужно попасть на Кубу. Мне на Кубу не нужно. Эти господа, которые препятствовали вашему отъезду, не имеют никаких оснований отнестись ко мне как к своему противнику. В общем, я скорее из их лагеря, чем из вашего. Я заставлю их немедленно связаться с банком отца в Мадриде или с филиалом этого банка в Чи-

каго, и те люди обеспечат мой отъезд туда, куда я укажу. Если мой папенька действительно приказал долго жить, я становлюсь наследником весьма крупного состояния... И весьма скоро могу появиться на Кубе с какими-либо деловыми предложениями. Теперь это становится частью борьбы за прочность Западного мира — развитие коммерции с коммунистическими странами... Вот тогда и встретимся, и, клянусь, я угощу всех товарищей так, как они никогда не угощались в своей жизни... Правда, Мария?

Мария не подняла головы.

— Такая щедрость вовсе ни к чему, — сказал Педро.

— Да, это слишком большая жертва, — прибавил Антонио. — Встретиться всем на Кубе — прекрасная идея, но ради нее не следует задерживать человека, который ничего не знает об участи своих родственников и, естественно, очень переживает.

— Я, конечно, переживаю, — спохватился Сальваторе. — Но не настолько, чтобы предпочесть свои интересы вашим. Как видите, и во мне пробудился дух этой самой пролетарской солидарности.

— Самое удобное, если на острове останусь я, — сказал Алеша. — Все сделаю как надо. А домой — мне дальше всех, так что потерплю...

И опять дядюшка Хосе все испортил своим авторитетом: он высказался за то, чтобы оставить Сальваторе, и это было принято большинством. Против были только трое: Антонио, Агостино и Алеша. Три «А», как выразился Педро.

Жаркие споры вызвала судьба заключенных тюрьмы.

— Это наша ошибка, что мы сразу не потребовали их освобождения, — сказал Агостино. — Давайте попытаемся сделать это хоть напоследок.

— Не уверен, что Босс уступит, — сказал Алеша. — Но Агостино совершенно прав: надо потребовать освобождения несчастных.

Дядюшка Хосе тяжело вздохнул и развел руками:

— Не будет ли это вмешательством в чужие дела? Все правильно: мы сочувствуем узникам, мы хотим освободить их, но имеем ли мы на то право?

— Вы все убедились, что права не подают на подносе, — хмуро заметил Антонио.

— Мы никогда не простим себе,— воскликнул Мануэль.— Это эгоизм: спасаться самим, не думая о спасении страждущих. Вот это и есть, по моему мнению, настоящая справедливость: справедливость — каждому.

— Мне безразлично,— Сальваторе пожал плечами.— Я не знаю тех людей, никогда их не видел. Жертвы они или преступники, я не знаю. Зато знаю другое: выставив требование о немедленном освобождении заключенных, вы поставите под сомнение собственный отъезд. Стало быть, мир никогда не узнает ни о том насилии, что было учинено над вами, ни о том, что чинится над другими. Вместо помощи получится совсем другое... Я изучал право и скажу так: у вас нет никаких юридических оснований вмешиваться в чужие дела.

— Странно получается,— сказал Агостино,— у тех, кого грабят и мучают, никогда нет никаких юридических оснований защититься...

Против требования освободить заключенных тюрьмы в качестве последнего условия отъезда высказались дядюшка Хосе и Сальваторе. Воспротивился этому решению один Агостино. Все остальные воздержались.

— Разумеется, Босс никогда не пойдет на освобождение заключенных,— заключил Антонио.

— Пожалуй,— согласился Алеша,— и все же я, наверно, изменил сам себе: ум твердит, что наше освобождение лучше всего продвинет дело освобождения узников, а сердце восстает. Босс должен знать, что нам дороже всего не собственная шкура, а правда.

— Не переживай,— сказал дядюшка Хосе.— Наше решение вынужденное. Это реализм.

— Да, конечно. Но иногда реализм ранит правду жизни и убивает поэзию...

СБОРЫ В ДОРОГУ

Утром следующего дня начались спешные сборы.

Люди Босса подвели яхту к причалу. Антонио тщательно обшарил судно, говоря, что негодяи всегда найдут способ упрятать взрывчатку, чтобы потом вызвать пожар и гибель людей.

Научили Сальваторе держать связь с кораблем, предупредили Босса, что любая диверсия не остается без последствий.

После этого начали пополнять запасы продовольствия и воды.

После полудня, оставив на корабле Мануэля и Педро, принимали «капитуляцию» охранников: все они входили в здание тюрьмы с оружием и боеприпасами, лица их не выражали ни страха, ни любопытства.

Отдельной группой проследовала в тюрьму команда вертолета. Эти люди были самоуверенны и тихо переговаривались между собой.

Последним в тюрьму вошел Босс. Он пытался шутить, но шутки плохо удавались ему.

— Все сложности жизни от того, что одна сторона добивается справедливости и равенства, а другая препятствует этому, — сказал Боссу дядюшка Хосе. — Мы были бы уже давно дома, если бы не ваше стремление к диктату и подавлению. Прощайте, но помните: сон тяжел до тех пор, пока черна совесть. Не забывайте, что на острове еще остаются несвободные люди.

— Это не ваш вопрос, сэр, — с усмешкой ответил Босс. — Каждый живет по своим законам и не хочет, чтобы ему навязывали другие законы... Помните и вы, что мы договорились о самом строгом и самом неукоснительном соблюдении договора. Горе вам, если вы попытаетесь хоть в чем-то перехитрить нас и ущемить наши интересы. Мы отомстим на Кубе, в России, где угодно. Повсюду есть друзья моих высших друзей.

— Еще раз даю честное слово, что мы точно выполним условия соглашения. Но мы рассчитываем и на вашу честность. В противном случае и у нас будут развязаны руки.

Дядюшка Хосе и Босс взглянули на часы, засекая время, кивнули друг другу, и Сальваторе, у которого за спиной висел автомат, закрыл железные двери и повернул ключ: время действия соглашения вступило в силу, нельзя было терять ни единой минуты.

— До свиданья, товарищи, — Сальваторе пожал каждому руку. — До встречи в Гаване, а быть может, и в Москве!

— Я живу не в Москве, а в Гродно,— сказал Алеша.

— Сарагоса и Малага начинаются с Мадрида,— подмигнул Сальваторе, и все заторопились к пристани.

— Все тревожит меня,— сказал Антонио, обращаясь к дядюшке Хосе.— Покладистость Босса вызывает подозрение. Он что-то замышляет.

— Да-да,— согласился дядюшка.— И я не могу успокоиться: какое-то странное волнение. Все так необычно — этот договор.

— И особенно этот Сальваторе,— добавил Антонио.

— При чем здесь Сальваторе?

Антонио пожал плечами.

— Будь я на месте людей Босса, я бы не вошел так спокойно в тюрьму. Ведь это, согласитесь, ловушка.

— Ну, нет, они нам верят. И явились все до единого.

— Кажется, все.

— Нет-нет, именно все: мы пересчитали трижды, никаких сомнений...

По команде дядюшки Хосе механик запустил двигатель.

В полном молчании судно отвалило от причала. Дождь, хлеставший все утро, прекратился, в небе проглянуло солнце.

Какие мысли обуревали людей?

Самые разные. Одни думали о предстоящей встрече с родной землей, другие о трудностях плавания по бурному в эту пору морю. Да мало ли о чем думали люди, глядя на отдалявшийся остров, где провели немало горьких и тревожных дней?

Прошло не более четверти часа, а остров уменьшился и превратился в крошечный островок, едва возвышавшийся над серыми водами.

И вот, когда из глаз пропали даже скалы и простиры моря кругом обступили яхту, к дядюшке Хосе, все еще в задумчивости стоявшему на палубе, приблизились штурман и механик.

— Извините, сэр,— откашлявшись, сказал механик.— По соглашению мы обязаны доставить вас в кубинские территориальные воды или высадить на какое-либо проходящее кубинское судно?

— Совершенно верно.

— Так вот, сэр, мы не хотели бы пойти на корм рыбам. Просим вашего разрешения изменить курс яхты. Сейчас мы идем на юго-запад, а надо бы взять севернее. И, кроме того, отказаться от всякой радиосвязи.

— Не понимаю,— удивился дядюшка.— Антонио, прошу вас, внимательно выслушайте просьбу этих людей.

— Я все слышал,— сказал Антонио.— И думаю, эти люди совершенно правы.

— Может, вам что-нибудь известно?— спросил дядюшка Хосе, обращаясь к механику и штурману.

— Нет, сэр, ничего неизвестно. Но мы профессионалы и знаем, с кем имеем дело.

— Зачем менять курс?— возразил Мануэль, которому был доверен один из автоматов, оставленных по соглашению.— И штурман, и механик — люди Босса, я им не доверяю. У них какие-то свои расчеты.

— Что думает наш русский друг?— спросил дядюшка Хосе.

— Я полностью разделяю мнение Антонио. Курс надо менять, и выходить на связь с Сальваторе нет никакого смысла. Его судьбу определяют уже иные факторы. А механик и штурман связаны с нами.

— Что ж, будь по-вашему.

— Разрешите действовать?— спросил штурман.

— Действуйте так, как распорядился Антонио. Они ушли в рубку. Прежде чем переменить курс яхты, Антонио связался по радио с Сальваторе.

— Говорят Антонио. Это ты, Сальваторе?.. Как дела?

— Все спокойно, как и должно быть. Подопечные господина Гудмэна принимают пищу... Каким курсом идете?

Антонио назвал курс и, выключив радиостанцию, подал знак штурману. Тот немедленно развернул яхту к северу.

— Вот теперь, может быть, останется кое-какой шанс,— сказал он, с тревогой глянув в небо.

Антонио, постояв в задумчивости, пошел на корпу, достал пулемет и стал прилаживать его к специальной турели. Алеша помогал.

— Не собирается ли дон Антонио стрелять в чакек? — спросил подошедший Педро.

— Не знаю, в кого придется стрелять, только стрелять придется наверняка. Хотите, я научу вас пользоваться этой штукой? — Антонио похлопал рукой по вороненой стали затвора. — Может ведь случиться и так, что кто-либо из вас встанет за пулемет. И не по желанию, а по необходимости.

Ребята переглянулись с улыбкой, но тем не менее прослушали короткий и точный инструктаж.

— Это все для меня сложно, — сказал Педро, — я с трудом освоил даже автомат.

— В мире нет ничего сложного, — возразил Антонио. — И это одно из самых прекрасных и великих его свойств. Каждый человек способен на выполнение той задачи, которую ставит перед собой, если действует всерьез и если к тому же желает добра всему миру. Человек столь же могуществен, сколь и природа, которая его породила.

— С этим я согласен, — сказал Алеша. — И все же бессилие человека — тоже факт.

— Факт, — подтвердил Антонио. — Но это не потому, что человек слаб, а потому, что ему противостоит хорошо организованное зло. Он может его разрушить, но нужно рисковать, нужно знать, как к нему подступиться... В том и беда, что люди утратили свою правду, — она оказалась у более богатых, более хитрых, более ловких, более связанных между собой в воровской шайке... Люди стали придатками огромного зловещего механизма... Надобности в сатане более нет — на смену ему пришел сатанинский механизм. Будучи создан, он действует уже независимо от людей, перемалывая их в порошок, если они лезут под зубья и колеса... Движут механизмом людские пороки, они давят на поршень сильнее пара. Даже тюрьму начинают считать пристанищем свободы — вот как переменяются представления... Людям трудно отстаивать свои интересы, потому что им все сложнее понять действительные законы жизни: их маскируют, громко крича о самых несущественных правилах.

— Весь современный мир — это адская машина, — дядюшка Хоше вздохнул. — Но кто укажет на способы ее разрушения?

— Они, я думаю, просты,— сказал Педро,— только путь к ним сложен. А способ — объединение людей на принципах равенства и справедливости.

Ответ Педро неожиданно развеселил Антонио.

— Ты будущий ученый, дон Педро: ты всегда прав, у тебя железная логика. Как у того волка, который подал бабушке слезное прошение: «В связи с наличием острых зубов и хорошего аппетита прошу предоставить мне калорийный завтрак в виде Красной Шапочки...» Однажды, когда я был еще подростком, мы ездили на родину отца — в Перу. У него был друг, удивительный человек, художник, который писал свои картины, сидя на тротуаре, и раздавал их тем, кто попросит. Он был нищий и больной, но он знал: тот, кто уносит его картины, когда-нибудь разбогатеет. «Почему ты не найдешь хорошего мецената или не придержишь картины при себе?» — спросил мой отец. И художник ответил, я запомнил это на всю жизнь: «Все, что стоит денег,— отход от правды, насмешка над человеком. Природа рисует вечные картины, но не берет ни единой монеты». Он умер нищим, и я ходил хоронить его на кладбище Эль-Анхель.

— Он был добрым человеком, этот художник, но он не понимал жизни,— сказал Педро.— У меня другая мораль: я хочу знать, почему одни повелевают, а другие подчиняются, почему одни богатые, а другие бедные. Как можно изменить этот нестерпимый порядок?.. Если бы я стал изображать мир, я делал бы это с одной целью — указать на его врагов, на их уязвимые стороны. Рано или поздно всем нам предстоит решить, в каком мире мы хотим жить.

— Мой дед говорил так,— сказал Алеша.— Победит тот, кто умнее. А умнее — кто больше знает и быстрее соображает, кто умеет быть сильным, когда необходимо, и добрым, когда это спасительно для всех.

— Интересная мысль. Должно быть, судьба твоего деда совсем не простая,— покачал головой Антонио.— Бьюсь об заклад, что он хлебнул немало горя.

— Дед любил книги. «Что такое жизнь? — рассуждал он.— Это использование знаний. Чем больше знаешь, тем разнообразнее, богаче жизнь. Но чтобы

знать, нужно запоминать, а чтобы запоминать, нужно уметь смотреть, сравнивать и слушать. Достигает успеха — кто умеет сосредоточиться. С мыслями нужно поступать, как полководец с армиями. Чтобы выиграть сражение, он сосредоточивает их на главном направлении. Это целая наука».

— Верно, это очень важно — уметь собрать воедино свои душевые силы. Кто способен рассмотреть какое-либо дело со многих сторон, непременно добьется успеха. Но это не все... Нужна еще цель. Великая цель творит великие силы. А великая цель — сбросить с плеч народов захребетников, которые засиживают мозги людям, дурачат их разными выдумками... Один и тот же враг терзает народы. Он опирается на несправедливость, насилие, ложь, отчаяние людей, неверие их в свои возможности.

— Да ты, Антонио, почти философ, — сказал Педро. — И, я подозреваю, вполне самостоятельный.

— Я видел тысячу зол, и они открыли мне глаза... А еще я много читал. Дело, однако, совсем не в том, чтобы прочесть много книг, а в том, чтобы прочесть именно те, которые учат правильному пониманию жизни. Таких книг немного, остальные — пустая порода, повторение общеизвестного... Настоящие книги требуют настоящего читателя. Он тоже должен уметь сосредоточиться — чтобы ни разу не потерять мысли автора. Он должен войти в мир вымысла целиком. Кто следит только за сюжетом, попросту теряет время. Это все равно что смотреть на человека — видеть его рубашку и брюки и не видеть глаз и сердца, не слышать голоса. Настоящая книга — лестница к солнцу... Но такую книгу заполучить непросто. Кто нас не любит, не заинтересован ни в нашем уме, ни в наших знаниях, ни в нашем влиянии на дела народа, тот скрывает и утаивает лучшие книги. Расхваливает те из них, которые поощряют себялюбие, мелкие развлечения и ничтожные забавы. Но разве можно позволить, чтобы люди оставались рабами собственного несовершенства?..

Антонио не договорил — со стороны шкафута послышались возбужденные крики.

— Что-то там случилось!

Торопливо выбрались по трапу на верхнюю палубу и тотчас узнали страшную весть: внезапно скончался штурман.

Механик, который обнаружил его безжизненное тело в рубке, рассказал, что час тому назад штурман выпил минеральной воды из тех запасов, которые были доставлены на борт. Почти сразу он пожаловался на боли во всем теле, на слабость. Механик убеждал его прилечь отдохнуть, но штурман отказался, ссылаясь на то, что яхта вот-вот войдет в район, где полно рифов.

— Это минеральная вода,— убежденно сказал перепуганный механик.— Она отравлена. Чудо, что я не соблазнился. Велите немедленно собрать все бутылки...

Дядюшка Хосе стоял бледный и ничего не отвечал. Лицо его сразу стало старым и измученным: дядюшка хлопотал об общих делах больше всех, больше всех надеялся, и поэтому это внезапное злодейство сильнее всего поразило его.

— Может, ошибка?— наконец произнес он.— Может, случайность? Может, причина в другом?

— Сволочи,— сказал Антонио.— Именно этого и следовало ожидать. Солжет себе, кто скажет, будто негодяй способен добровольно последовать за правдой.

Разумеется, тотчас были сделаны необходимые распоряжения. И вовремя, потому что Агостино, приготовив обед, уже расставил на столе бутылки с минеральной водой.

— Это я виноват,— переживал дядюшка Хосе.— И как простая мысль о коварстве не могла прийти мне на ум? Нужно было проверить еду и пищу.

— Как?— возразил Педро.— Как можно было проверить? И как можно проверить сейчас?

— Обойдемся дождевой водой,— сказал Антонио.— В это время года вода — не проблема, если уметь собрать ее... Хуже, если отравлена пища... Но не это даже меня всего сильней беспокоит...

Люди догадывались, о чем идет речь: о том, что Босс и не собирался выполнять заключенное соглашение.

— Нужно достойно похоронить штурмана,— предложил Мануэль.— Хотя и невольно, но он предупредил нас о смертельной опасности.

— Нет-нет, ни в коем случае,— возразил дядюшка Хосе.— Нужно медицинское заключение.

Нужны анализы. Как знать, чем все кончится и не обвинят ли нас в его смерти?

Зловещее происшествие нарушило все планы. И хотя яхта по-прежнему шла на предельной скорости — ее вел механик, бывалый мореход, — ошеломленные люди держались кучкой, тревожась о том, что их ожидает.

— Мы живем все еще в страшном мире, — сказал Агостино. — Повсюду подстерегают обман и насилие. И так будет до тех пор, пока мы не возьмем свои судьбы в собственные руки, не упраздним власть насилиников и лжецов. — Словно в подтверждение своих слов, Агостино рассказал, как он во времена своей молодости добирался из Мексики в Соединенные Штаты: — Мы мечтали о хорошем заработке. Ходили слухи, что усердным хорошо платят. Правда, иные, кто возвращался из США, говорили, что это все сплетни. Но другие клялись, что почти разбогатели, и этим, понятное дело, верили больше.

Нас было двадцать три человека, двадцать два молодых мексиканца и я, гаитянец, бродивший по белу свету в поисках лучшей доли. Мы пробрались из Сьюдад-Хуареса в пограничный город Эль-Пасо. Там нас поджидал американец, обещавший за несколько тысяч долларов провезти в товарном вагоне до Форт-Уэрта, где, говорили, был спрос на рабочие руки. Мы, разумеется, не знали, что проводник — один из шайки негодяев, которые давно уже обирают поденщиков из Мексики. С нами проводник обошелся вообще по-садистски: посадил в цельносваренный стальной вагон, закрыл и опломбировал его снаружи.

Не прошло и четверти часа, как мы начали задыхаться. Был жаркий день, и температура в вагоне поднялась до 60 градусов по Цельсию. На моих глазах люди сходили с ума от жажды и недостатка кислорода. Один из мексиканцев ножом пытался пробить в полу отверстие для воздуха. Когда ему удалось сделать это и он прильнул к дыре, его пытались оттащить, стали бить головой о пол. В общем, завязалась преотвратительная драка за глоток воздуха. Люди были не виноваты. Невозможно описать ужас, который мы пережили. Когда вагон открыли, в нем лежали одни трупы. Мертв был

даже тот, кто последним завладел воздушным отверстием. Единственный, кто уцелел,— это я. И уцелел, наверно, просто потому, что первым потерял сознание. Но меня не поместили в больницу, нет, меня доставили в лагерь для иностранцев, нелегально проживающих в США. Целый год я гнул спину за самую нищенскую плату... Разве вся та действительность, что окружает нас, не напоминает тот же глухой товарный вагон, в котором погибли мои товарищи?..

— Но когда же, когда восторжествует на земле правда, о которой мечтают все честные люди! — воскликнул Мануэль, когда умолк Агостино.

Ответом ему был грохот волн, гудение ветра в вантах да стук судового двигателя...

НОВАЯ БЕДА

К вечеру обнаружилась еще одна беда.

Когда грузились на яхту, все обратили внимание на грустный, подавленный вид Марии. Она то и дело плакала и не желала ни с кем разговаривать. Очутившись на корабле, забилась в одну из кают и не выходила оттуда.

Кто знал о том, как увивался за ней Сальваторе, подумал, что девочка влюбилась в великовозрастного ловеласа и тяжело переживает разлуку. Кто не знал о приставаниях Сальваторе, посчитал неуместным задавать вопросы.

Но вот у Марии началась рвота, и тут выяснилось, что Сальваторе изнасиловал ее в то время, когда люди были заняты погрузкой провианта и воды на корабль.

— Как же так случилось, дитя мое? — с болью в голосе спрашивал дядюшка Хосе. Руки его дрожали, он сгорбился и, кажется, тотчас постарел еще больше.

Мария сидела на койке — маленькая, жалкая, беззащитная. Видно было, что она выплакала уже все свои слезы.

— Как же так?..

— Он говорил, что любит и мы поженимся. Я противилась, хотела убежать, и тогда он стал бить меня кулаками по лицу и по голове... Я очень испугалась.

— Но почему ты сразу не рассказала?

— Боялась, было стыдно...

Дядюшка Хосе яростно топал ногами. Он вознамерился было выбранить негодяя по радио, но Антонио решительно воспротивился.

— Это большое горе для всех нас... Но говорить с подонком — зачем? Что это переменит? Может быть, Босс ожидает именно этого разговора. То, что Сальваторе — человек Босса, я уже нисколько не сомневаюсь.

— Казнюсь, Антонио, что не послушал тебя... Что будет, что будет?

Сильнее всех переживали Мануэль и Педро.

— Если бы я знал, — повторял Мануэль, — если бы я только догадывался, я бы проучил негодяя, так проучил, что он запомнил бы на всю свою оставшуюся жизнь.

— Больше всех виноват я, — вздыхал Педро. — Сестра не простит мне. Да я и сам себе не прощу: я мог, мог предотвратить беду. В конце концов, мы могли отправить Марию на яхту с первой же партией груза...

Оплеванным и обманутым чувствовал себя и Алеша. Все восставало в нем против этого бесчестия, против черной неблагодарности спасенного ими человека: вот как отплатил он за все заботы.

— Я предчувствовал, что он негодяй, — говорил Алеша. — Это было видно по тому, как он воспринимал окружающих: прежде всего старался узнать, чем может быть полезным человек, что можно сорвать с него. Такие люди омерзительны. Но они не редкость, увы, не редкость... К тому же он пошляк, этот Какер, а пошлость — уже бесчестие... Помнишь, он сказал: «Законы нужно знать не для того, чтобы подчиняться им, а для того, чтобы ловко обходить их». Философия отпетых мерзавцев. Все несчастья в мире происходят именно от того, что люди или не знают подлинных законов природы и человеческого общения, или стремятся обходить их.

Педро кусал губы.

— Мне теперь тоже кажется, что никакой Сальваторе не потерпевший. Скорее всего это был очередной спектакль, поставленный Бенито или тем, кто прятался за его спиной.

— Что же из этого следует? — спросил Алеша, хотя прекрасно понимал и сам, что из этого следует.

— Из этого следует, что воинство Босса давно уже на свободе и они не дадут нам уйти к кубинским берегам...

Настроение упало. Люди понимали, что они наверняка стали жертвой очередного заговора, и ждали развязки драмы, не признаваясь в этом друг другу.

Пожалуй, один только Антонио не поддался общему настроению. Прежде всего он проверил работу механика, но тот старался вовсю, понимая, как важно не упустить последние шансы: выжимал из судовой машины последнее, на что она была способна.

Обойдя яхту, Антонио расставил посты наблюдения.

Что прибавляло шансы, так это пасмурная погода. Но, как назло, низкие дождливые тучи, висевшие у самой поверхности моря, стали таять и расползаться.

Вокруг светлело — небо набирало нежелательную на этот раз голубизну.

Все насторожились. Особенно после того, как высоко в небе над яхтой прошел какой-то военный самолет.

Антонио не сдавался, пробовал развеселить людей.

— Эй, Алеша, ты в лучшем положении, чем другие: ты знаешь иностранный язык.

Алеша пожал плечами.

— Я это понял еще в детстве, — посмеиваясь, продолжал Антонио, — но от понимания добра до доброго действия расстояние всегда равно квадрату наших пороков... Вот тебе поучительнейшая из историй, которую я слышал еще от своего деда, а он долго жил среди индейцев гуарани и техуэльче... Забрела как-то лиса в сосновую рощу. Вдруг слышит из норы под сосной петушиный крик: «Ку-ка-реку!» — «Неужто, — думает, — поселился здесь сладкий петушок?» Прыгнула лиса в нору. Послышалась там возня. А потом выходит оттуда волк. Облизывается и потирает живот. «Все же удобно, — говорит, — жить на свете, когда знаешь хоть один иностранный язык!»

Никто даже не улыбнулся, а Алеша сказал:

— Милый Антонио, это я вам недавно рассказывал про волка. Только произошла история не в Патагонии и не в Парагвае, а в России.

— Может быть, — смущенно согласился Антонио, — только ведь лиса повсюду обожает петушка... Что-то мы все приуныли, братцы. А это плохо: если человек не верит в свою звезду, то ведь и звезда отказывается от него. Это железное правило...

Наступила тревожная ночь. Перед самым рассветом на палубе появилась Мария. Она шла, сильно сутуляясь, словно незрячая, усталой, шаркающей походкой.

— Куда, Мария? — окликнул Алеша.

Она вздрогнула и на миг приостановилась: не ожидала встретить человека.

— Мне душно.

Голос хриплый, больной — ни следа от былой хохотуньи, всегда повторявшей, что самое модное не одежда и прическа, а улыбка и готовность понять другого человека.

«Как может быть душно, когда так ветreno и сыро?...»

— Куда ты?..

Алеша и сам не знает, отчего испугался за Марию. И когда она внезапно бросилась к борту, сдавленно вскрикнув, он, настороженный, в два прыжка перехватил ее.

Руки у Марии были холодными, как лед, вся она дрожала.

— Не хочется жить, — прошептала она чуть слышно. — Не хочется жить. Зачем?

— Бывает, — сказал Алеша. — Но это непростительная слабость... Унижение — это когда сам человек унизил себя. А если его оскорбили — какое же это унижение? Почему мы должны уступать негодяям? Им выгодна наша слабость. Они вновь смеяться будут и потирать руки... Подумай, что было бы с твоей матерью? Что стало бы с твоей архитектурой? Почему ты должна перечеркнуть все свои планы? Почему? Почему? Или не в том жизнь, чтобы не уступать своих идеалов?

Мария заплакала. Алеша отвел ее в каюту.

— Я предательница,— сказала она сквозь слезы.— Я предала самое лучшее, самое чистое. То, за что мы боролись.

— Нет,— твердо сказал Алеша,— ты не предала. Это нельзя предать, потому что это составляет нашу суть, твою и мою... Многие люди уступают своим бедам и горестям и тем самым готовят горести и беды другим людям. «Ах, неужели всегда нужны века, чтобы научить человека мудрости?» Эти горькие слова произнес Александр Радищев, один из честнейших людей дореволюционной России. Слова обращены к каждому из нас... Предательство — это отказ от мудрости, от борьбы за справедливость... Конечно, все мы — жертвы недостатков своего времени. Но разве это снимает с нас обязанность пробиваться к свободе, к самостоятельности, к великому знанию?.. Враги разрушают наши дома и наши семьи, пачкают наши мечты и мысли, пытаются всунуть в нашу черепную коробку свою подлую программу, которая превратила бы нас в ничтожество, в животных, в скотов.

— Что же делать?

— Ты знаешь об этом столько же, сколько и я, Мария. Надо не уступать. Надо отстаивать свой мир и свою правду. Один человек так же вечен и всемогущ, как и весь остальной мир, если действует во имя правды. Задумайся об этом: так же вечен и всемогущ, если действует во имя правды.

— Я думаю об этом, Алеша,— тихо промолвила Мария, глядя в иллюминатор, за которым уже светлело, набиралось утро.— Да, это важно, нет ничего важнее — почитать отца и мать, помнить людей, которые сгорели без остатка ради того, чтобы в мире стало светлее...

— Помнить — мало,— перебил Алеша.— Их нужно изучать, впитывать каждое слово, которое обращено в будущее, и действовать по этому слову.

— Да-да, конечно. Они помогают стать сильнее. Это ваши Гоголь и Достоевский, Ленин и Макаренко... Они принадлежат всем людям земли, как и самые выдающиеся дети Кубы... Но я не об этом, не об этом... Человек умирает, и все прекращается. Нет вечности дела.

— Ты не права,— сказал Алеша, радуясь, что Мария вновь озабочилась проблемами, которые вы-

ше ее личной судьбы и потому придают судьбе и смысл, и значение.— Человек — вечен. Но вечен отнюдь не в памятнике и не в памяти, этого было бы оскорбительно мало,— человек вечен в том высоком добрे, которому послужил. Оно остается как тепло, как излучение, как перемена к лучшему. И в этом смысле, признаюсь тебе, Мария, я считаю все ласковое и доброе в жизни подарком и посланием этих замечательных людей. Некоторых я помню по имени, но всех, к сожалению, никогда не смогу назвать... Понимаешь, они вечны в нас. Вечны оттого, что не сдались, не уступили, не испугались. Это их огонь питает нашу смелость.

Мария долго молчала.

— Пожалуй... Но тогда еще постыдней то, что произошло.

— Я не снимаю с тебя вины. Человек обязан предвидеть, в этом его свобода... Ты не сумела быть свободной. Но что же, за битого, как говорят русские, трех небитых дают.

— Не надо меня жалеть. Это унижает.

— Жалость — это сочувствие чужой боли. Кто тебе внушил, Мария, что это унижает?.. Разве унижает повязка на рану? Разве унижает хлеб, который дарит честный человек несчастному собрату?.. Это не подачка, нет. Подачка — когда грабитель бросает ограбленному ничтожную толику из своих богатств.

— Послушай, Алеша,— сказала Мария, опустив глаза.— А ты бы мог дружить со мной так, как дружишь с Педро?.. Только честно.

Столько печали и столько надежды было в ее голосе, что сердце Алеши дрогнуло, он захотел немедленно, тотчас сделать для Марии что-то, что выслушало бы ее слезы.

— Конечно,— сказал он.

— И ты мне веришь?

— Верю.

— Я докажу,— прошептала она.— Слышишь, Алеша, я докажу. Я стану настоящим человеком.

Она повернулась к Алеше. Лицо ее было залито слезами. Мария отирала их ладошкой, а они все бежали, бежали.

— Верь мне, я докажу...

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Алеша хотел сказать, что верит, но с верхней палубы донеслись громкие, тревожные крики.

Не сговариваясь, Алеша и Мария бросились на палубу.

Пробежал Антонио. Дядюшка Хосе размахивал руками и звал Мануэля.

Ах, вот оно что. Со стороны кормы, громко тарахтя, яхту нагонял вертолет. Только-только взошедшее солнце делало его темным, почти черным. Алеша похолодел, не веря, не желая верить своим предчувствиям.

Все совершилось неумолимо быстро.

Вот вертолет стал заходить справа, лучи солнца осветили его сбоку, и Алеша узнал вертолет: желтый фюзеляж с голубыми разводами, оранжевое брюхо. «Босс, проклятый Босс!..»

— Не стреляйте, — громко закричал дядюшка Хосе и побежал по гулкой палубе к Антонио, который разворачивал уже тяжелый пулемет в направлении вертолета. — Не стреляйте, не провоцируйте!..

Он не договорил — под кабиной вертолета сверкнуло пламя, блеснула подвешенная ракета, и почти одновременно раздался чудовищный взрыв в машинном отделении яхты. Корабль тряхнуло, над рубкой поднялись языки черного дыма, там вспыхнул пожар.

Алеша держался за поручни трапа, Мария в испуге прижалась к нему, и в это время вертолет проносясь низко над палубой корабля, стреляя из пулеметов, — это был шквал смертоносных железных струй.

Вот винтокрылый убийца прошел над яхтой, набирая высоту и разворачиваясь для новой атаки.

Алеша схватил обеими руками Марию и вдруг понял, что она убита — глаза ее, глаза, расширившиеся от ужаса, словно остановились, по щеке стекала струйка крови: пуля, предназначавшаяся для Алеши, угодила девушки в голову.

Опустив Марию на палубные доски, Алеша бросился на корму. На бегу он увидел дядюшку Хосе, лежавшего возле рубки. Он был без своего сомбреро, седые волосы почти сливались с белизною его лица,

хранившего еще выражение удивления. Грудь и живот старика были в пятнах крови.

— Дя-дюш-ка! — безумно прокричал неведомо откуда взявшийся Мануэль. Он был без автомата, лицо покрывала черная копоть.

— Потом, — остановил его Алеша, поражаясь силе своего голоса в урагане звуков, ворвавшихся в судьбу несчастных беженцев. — Скорее в машинное отделение, тушите пожар, ты и все остальные, кто уцелел!

Мануэль глянул на Алешу неузнавающим взором и — побежал к пожарной помпе.

Еще секунда, и Алеша оказался на корме. Приказ дядюшки Хосе, продиктованный добрым, но обманутым сердцем, окончился трагедией: Антонио, мужественный, находчивый, неунывающий Антонио был тоже убит.

Он лежал в двух шагах от пулемета, кажется, еще готовый поднять свое упругое, сильное тело, глянуть вокруг спокойным взором, выдававшим большую, но так и не выраженную до конца душу...

Но это только казалось: Антонио был убит наповал. Пули буквально изрешетили его.

В пору было сойти с ума от отчаяния, потеряться в этой лавине непредсказуемых событий, но, странное дело, Алеша ощущал спокойствие — такое безбрежное спокойствие, которого не было еще никогда. Ярость, ярость владела им. И он знал, что только спокойствие, только власть над собою оставляют ему последний шанс расплатиться с коварным врагом.

Оранжевобрюхий вертолет, развернувшись, устремился в новую атаку. Он заходил уверенно, прежним курсом.

Алеша поймал в прицел грузное тело вертолета и взял нужное упреждение. Плавно нажимая на спусковой крючок, он мысленно благодарил Антонио за науку, уверенный, что не промахнется...

РАССКАЗЫ

ФИЛИППЫЧ

Филиппыч высок ростом и худощав. Ходит прямо, той редкой походкой, что скрывает годы и выделяет в толпе.

Вот и сейчас он шагает по аллее парка, энергичный и строгий, с пронзительным взглядом маленьких, близко посаженных глаз, и не обращает внимания на старичков и старушек, исправно совершающих мюционы. Филиппыч презирает их за неожиданно пробудившуюся, слезливую любовь к собакам, тягу к пересудам, к жалобам на здоровье, к пространным повестям о снах, стулах и диетах. Эгоизм бездеятельной старости претит ему, в отчаянных заботах о гибнущем организме подозревает он оскорбительное, предательское и мелкое. «Чему быть, того не миновать», — покашливая и хмурясь, говорит он, когда знакомые, случайно узнав о его недугах, советуют «испытанные средства».

Он помогает по хозяйству сыну, с которым живет: ходит в магазин и на базар, заботится о внуке Петьке, выбивает ковры, чинит домашнюю технику, ремонтирует потолки и стены, — короче, хлопочет день-деньской и при этом ухитряется оставаться аккуратным и подтянутым.

Филиппыч привык командовать, но делает это незаметно и даже изящно: никто не обижается на него, никто не упрекает в своеолии или упрямстве. И сын, инженер городской электростанции, и сноха, завуч десятилетки, ни в чем ему не перечат: то ли соглашаются с ним всерьез, то ли понимают бесполезность возражений. Но скорее всего им просто невыгодно спорить со стариком: они редко бывают дома и зависят от его услуг.

Само собой сложилось, что с мнением Филиппыча считаются и посторонние. Даже Миша, дворник, известный буян и брандохлыст, не поносил и не обзегоривал разве только одного Филиппыча. И это кое-что значит: как всякий аристократ духа, не

сыскавший себе достойных занятий, Миша в людях разбирается лучше, чем ищейка в запахах...

В парке, куда забрел Филиппыч в поисках пятилетнего Петьки, уже сумрачно. По-вечернему грустно скрипит снег, лицо обжигает взявшийся вовсю мороз. В соснах, подступающих к аллее, на все лады перекликается воронье: готовится к ночлегу. Филиппыч жалеет зимующую птицу. Он не перестает удивляться, как это в лютую стужу, да еще при пустом желудке, пернатые комочки ухитряются не заледенеть, устоять вопреки всем напастям.

Он представляет, будто птицы сидят на общей ветке, тесно прижавшись друг к другу, и именно эта сплоченность перед неведомой судьбою спасает от отчаяния и страха. Конечно, утро найдет под деревьями немало остывших, бездыханных тел, но большинство вытянет пронзительную ночь и с рас-светом полетит, спасаясь от бескорьиц, к городской свалке. Разбившись на небольшие отряды, птицы будут без роздыху шнырять по дорогам и дворам, отчаянно сражаясь за нелегкое право встретить теплое солнце, увидеть мягкую зелень, услышать лепет народившихся птенцов. Зимующим бойцам нужна не просто жизнь, им необходима победа, и ради нее они без слез и причитаний пожертвуют в мороз и голод тысячами соратников; они не помянут павших, не поставят памятников, разве прокричат в сумерках, перед сном, волнующую и дерзкую песнь самоутверждения...

Наконец Петька обнаружен: с ватагою сорванцов он штурмует снежную крепость, слепленную старшеклассниками у самого выхода из парка. Филиппыч долго наблюдает за внуком, прежде чем велит ему идти домой.

— Почему не взяли крепость?

— У них там снежков полным-полно, а у нас мало,— оправдывается Петька. Он тяжело дышит, и шапка надета задом наперед. Щеки пылают: в нем жива еще отвага.

— Правильно,— соглашается Филиппыч.— Завтра возьми картонный ящик и, перед тем как атаковать, наделай побольше снежков. Ящик подтащи поближе к крепости, тогда они головы не подымут.

— Не подымут! — восхищается Петька. — Дед-деда, а давай сейчас попробуем?

— Сейчас поздно, ужинать пора. Да и устал ты. Чтобы метко бросать снежки, надо хорошенько выспаться. И кроме того, нужно придумать военную хитрость: без этого крепостей не берут.

— А какую хитрость?

— Сам думай, — усмехается Филиппыч.

— Знаю, — с ходу импровизирует Петька. — Надо поставить дымовую завесу...

Мальчик придумывает разные планы штурма крепости, нисколько не заботясь, осуществимы они или нет. Филиппычу приходится обстоятельно разбирать каждый план. Военные советы проходят у них в бурных спорах: Петька знает и про Суворова, и про Ганнибала, и про Чуйкова, в армии которого сражался сам Филиппыч. Петька ловит все на лету, а порассказать Филиппычу есть о чем: служено-пересужено двадцать семь календарных лет...

Больше всех про жизнь Филиппыча известно Петьке. Петька знает все в деталях, но не рассказывает об этом ни матери, ни отцу: чувствует, им неинтересно. Он понимает, что им неинтересны и его будни, а потому делится только с дедом. Дед умеет выслушать, не задавая лишних вопросов, во всем откроет неведомый смысл. Он не осудит, не поругает, но Петька сам поймет, что было плохого, и постарается не допускать ошибки.

Иногда Петька расспрашивает о своей бабке, же-не Филиппыча, погибшей в авиационной катастрофе. Ему хочется знать как можно больше, ведь она тоже воевала — перевязывала раненых. Но дед почему-то больше вспоминает про то, какой она была до войны. По нему выходит, что даже Василиса Прекрасная не годилась бы ей в подметки. Лично он, Петька, на этот счет иного мнения, хотя и допускает, что фотография, какую бережет дед, очень неудачная.

Вместе с внуком Филиппыч смотрит кинофильмы и читает книги о войне. Война для него — особый период жизни. На фронте он встретил и потерял друзей, на фронте прошла его первая и последняя любовь, на фронте он приобрел мудрость, какую потом не поколебали ни годы, ни события. Все было в жизни. Были победы, после которых осталось чув-

ство несмыываемого позора. Были поражения, какие вспоминаются как самые блестящие триумфы...

Когда Петька еще сосал грудь и не реагировал на слова, к Филиппычу наезжал из соседнего поселка усатый человек. Они подолгу сидели рядом, пили чай и ни о чем не говорили, только, расставаясь, цевовались, будто виделись в последний раз. Усатый всегда плакал, а Филиппыч не плакал, но после проводов неделю, а то и больше ходил совершенно молчаливый. Много позже, когда усатый помер, Петька узнал, что звали его Петр Ануфриевич Степанов. Был он ефрейтором в роте, которой командовал Филиппыч. В 1943 году близ Понырея роту смяли немецкие танки. Целые сутки не затихал бой. В живых остались только Филиппыч да Степанов. И то Филиппыч был тяжело ранен в грудь, а Степанова вообще вначале положили на телегу с мертвцами.

— Вот, Петька, какой ценой отстояли мы Родину,— говорит, вспоминая про это, Филиппыч.— Жизней не щадили, жалко, что жизнь там осталась и воскресить ее нет никакой силы...

Непонятные вздохи Филиппыча сочувствия у Петьки не вызывают. Впрочем, не вызывают сочувствия и у других. У отца, например.

— Подумаешь «герой»! Каждое поколение по-своему исполняет свой долг,— говорит отец, когда Филиппыч слишком упирает на свои заслуги.

— Долг осознать надо,— задумчиво возражает дед.— Для себя — это не долг, а для других у многих теперь — кишка тонка! Своего счастья люди не знают...

Петька недоумевает, о каком счастье говорит дед, но подозревает, о наградах: у деда два ордена и цепных семь медалей.

Петька гордится дедом. Одного не понимает: отчего не каждый уважает деда, если он такой орденоносный. Ну, вот хотя бы этот прошлогодний случай.

Ездили они за земляникой. На поляне у березовой рощи набрали целых три стакана душистой ягоды. Потом по-походному обедали, запивая чаем из термоса. А потом дед вырезал свистульку, и Петька на свистывал сколько хотел. До остановки автобуса идти было далеко, сели у дороги — подождать по-

путной машины. Не заметили, как подошли какие-то парни. Увидели корзинку с земляникой: «Ты пенсионер, тебе делать нечего, пособирай еще. А нам на свадьбу надо. Все подарок невесте». Дед им сказал: «Если б попросили, поделился, а раз утащить вздумали, не получите!» Но они схватили корзинку и убежали. Дедушка смолчал, а он, Петька, запла-кал. Ягоды не было жалко ни капельки, честное слово. Было жалко дедушку. Но дедушка будто бы и не расстроился:

— И чего плачешь? Думаешь, все такие? Это же бессовестные люди. Совесть потеряли и теперь, как звери: разве зверей научишь чему-нибудь путному?..

Правильно объяснил, конечно; звери не понимают, когда им говорят, но он, Петька, заревел еще пуще. Стало страшно: потеряешь совесть и уж тогда ни за что не поймешь человеческого слова...

Так и жил Филиппыч, и день ото дня дороже и ближе становился ему Петька. И не только потому, что отдавал он внуку все силы, доверял сокровенное, но и потому, что видел: падают семена в благодатную почву. Петька быстро постигал, что справедливо и что несправедливо, а если разобраться, открытие справедливости и есть главное в человеке.

Так и жил Филиппыч, и дни бежали быстро и незаметно. Пришла пора отдавать Петьку в подготовительный класс, и вдруг обнаружилось, что мальчик болен полиомиелитом. Болезнь усложнялась, занемог от переживаний и сам старик. Однако сумел все же выхлопотать для внука путевку в специальный санаторий, и это оценили даже родители.

Больного Петьку повезла в Крым мать. Суетливая и непредусмотрительная, как все, привыкшие к постоянной опеке, она простудила в дороге сына. А может, он подхватил вирусный грипп: как раз тогда свирепствовала гонконгская зараза. Поднялась температура, Петька потерял сознание. Пришлось сойти на ближайшей станции. Пока устраивались, потеряли время. Не приходя в сознание, Петька умер...

Все непоправимое случается быстро.

После похорон Филиппыч неделю не вставал с постели. Лежал, отвернувшись к стене, и все молчал. Буквально на глазах превратился в замогильного старца, поседел как лунь.

Он не появлялся теперь ни во дворе, ни в магазине, ни в парке, где все напоминало о Петьке. По дво-
ру пошел слух, что Филиппыч рехнулся. Однако сторониться его не стали, напротив, пытались под-
бить на разговор, чтобы доподлинно проверить, точно ли спятил с ума этот гордец. Но Филиппыч
остался неприступен: в беседы не пускался и на вопросы не отвечал. Впрочем, общее любопытство от
этого только увеличивалось.

Однажды, получив пенсию, Филиппыч подошел к парку. Остановившись, долго смотрел, как входили и выходили люди, и вдруг решительно направился по аллее — руки за спину, губы плотно сжаты.

Не прошло и минуты, как окликнул тонкий голосок:

— Пожалуйте к шалашу, Захар Филиппович! Что это вы в наш парк так долго не наведывались? — сидят на скамеечке в ряд четыре бабуси, все в шерстяных платках, все с шустрыми глазами, и «просеивают» прохожих.

Поклонился Филиппыч и только шаг ускорил. Свернул на боковую тропку: зелени побольше, а народу поменьше. Выискал скамеечку, где не раз сиживал с внуком, слушая птиц. Едва приоровился сесть, из кустов голова:

— Наше вам с кисточкой, Захар Филиппыч! Как здоровыице?..

Не раз примечал Филиппыч, как любопытны лягушки. Какую бы осторожность ни соблюсти, подходя к пруду, одна или две непременно выплынут из мутных вод, чтобы рассмотреть непрошшеного гостя. Так и этот Матрёшкин, бывший работник прокуратуры. В зеленом френче, хотя к армии сроду никакого отношения не имел, он удивительно похож на земноводное. И сморщеный такой же, и такая же приплюснутая мордочка, полная досужего любопытства.

— Говорят, с головой у вас не в порядке?

— У кого в таком возрасте в порядке? — глухо отвечает Филиппыч. — Вот моя поседела, а у вас плеши...

Хмыкнув, Матрёшкин исчезает. Филиппыча это даже веселит: будто швырнул в пруд камнем...

— Распускают слух, — сообщает Филиппычу дворник Миша. — Что вы... маненько того, — Миша

крутит пальцем у виска.— Языки бы поотрубать. Аршинными стали, разопрели от трудового безделья...

После доверительной беседы с Мишней Филиппыч регулярно наведывается в парк. Сидет в сторонке и книжки читает, все те книжки, какие прежде Петьке читал. Но чаще, закрыв глаза, вспоминает. Вспоминает внука таким живым, что вся печальная история представляется злой выдумкой. Вот явится добрая фея, разрушит колдовство, и опять перед Филиппычем предстанет добрый, доверчивый мальчик.

Вспоминается и далекое прошлое. Впрочем, для кого далекое, а для него лично — вчерашний день. Может, даже сегодняшний, потому что будущее определяется уже давно не тем, что есть, а тем, что было. Под конец жизни события смещаются и, пожалуй, именно тогда и находят себе положенное место в личной судьбе. Потому что жизнь, если на нее смотреть с конца, а не с начала, вовсе отрицает примитивную логику: в ней вытекает не одно из другого, а все вместе из ничего или ничто из всего разом...

Это случилось в первый месяц войны. Батальон, с которым отходил Филиппыч, не раз переходил в контратаки. Сорвиголовы были ребята, с такими хоть к черту в пекло. Но они отступали. Отступали, потому что отступление было общим, потому что в наступление тогда еще не верили и всерьез о наступательных операциях не говорили.

Вместе с казахом Надыровым Филиппыча послали в разведку. Закрыть глаза, и вот она как на ладони — разбитая железнодорожная станция в полуденный зной. Пыль, беспощадная бурая пыль, пропитавшая насквозь все на свете. Разведка была успешной, они уже возвращались, когда стали свидетелями неравного боя: немцы обнаружили в одном из домов нескольких красноармейцев. Откуда они взялись, сказать трудно: всякое могло приключиться в неразберихе тех горьких недель...

Притаившись в развалинах подземного склада, Филиппыч и Надыров видят, как немцы, не стреляя, обходят красное кирпичное здание. Их более десятка. Колотится сердце: Филиппыч впервые вот так близко видит врагов.

Немцы стягивают кольцо. Подбираются ближе и ближе. Кажется, теперь смельчакам неминуемая крышка. Но тут из нижних окон бьет пулемет. Гитлеровцам приходится залечь за кучей мусора. Два неподвижных тела в грязно-зеленых кителях — плата за первую атаку.

Немцы могли бы забросать наших гранагами, но этого не делают: хотят взять живьем. Совсем близко от Филиппыча рослый унтер выкрикивает команды: солдаты, прижимаясь к земле, снова ползут к зданию. Филиппыч хорошо видит лицо унтера — продолговатое, смуглое, даже красивое, но красивое по-чужому: неприятно красивое. На унтере погоны с белым кантом и темная каска. Рукава подвернуты. В здоровенных ручищах автомат кажется игрушечным.

А наши почти не стреляют. Видимо, на исходе патроны. Немцы смелеют, один из них подымается и быстро-быстро бежит к подъезду. Выстрел — немец, как бы споткнувшись, падает на булыжник. Он громко стонет, и унтер, сочувствуя ему, разражается бранью. Филиппыч понимает: теперь пощады не будет.

Крики раненого осаживают немецких солдат, они стали гораздо осторожнее: унтер по нескольку раз повторяет приказания. Но хитрости безуспешны: в самый последний момент немцев вновь встречает сильный огонь. Филиппыч догадывается о том, что еще не доходит до самоуверенного унтера: кто-то из наших понимает немецкие команды.

Между тем крики усиливаются: раненный в живот, умирая, страдает нестерпимо. Вероятно, он умоляет своих пристрелить его, потому что унтер, глядя на него, морщится и матерится... И тут происходит нечто необычное. Настолько необычное, что немцы в первый момент теряются. Теряется и Филиппыч: скованный неожиданным ощущением обреченности, он бессознательно и тупо наблюдает за тем, что происходит.

Из подъезда, прыгая на одной ножке, как ни в чем не бывало, появляется крошечная девочка, почти ребенок. С голубым бантиком на редких волосиках, в белом платьице. Душераздирающе кричит раненый, а девочка не обращает на него ни малейшего

внимания. Наклонилась, выковыривает из земли кусок битого посудного стекла.

«Ненормальная? — проносится в голове Филиппыча. — Зачем они выпустили девочку?..»

«Ударим, командир?» — шепчет над ухом Надыров.

«Нам нельзя! — шипит Филиппыч, не отрывая взгляда от щели, и ловит себя на мысли, что надо было бы ударить. Конечно, тех, в здании, раз, два и обчелся, а немцев полным-полно. Дай сигнал, еще столько же прибежит. Так что обнаружить себя — верная гибель, утрата нужных штабу сведений. — Нельзя нам, понимаешь?»

Казах что-то говорит по-своему. Пойди разберись: возмущается Филиппычем или немцами...

Между тем крики раненого обрываются. На время устанавливается жуткая тишина. Девочка, обогнув брошенный беженцами комод, натыкается на убитого. Смотрит на него, замечает кровь. Видимо, догадывается о чем-то. Круто повернувшись, бежит в подъезд. Останавливается. Беспомощно смотрит по сторонам. Унтер окликает ее: «Ду, мэдхэн!» — никакой реакции.

«Глухой ребенок, — шепчет Надыров. — Что они там надумали?..»

Подстегиваемые унтером, немцы возобновляют приступ. Они торопятся. Один из них проник через окно. Двое других врываются в подъезд. Остальных унтер не пускает: чует подвох в поведении окруженных. И он не ошибается: мощный взрыв сотрясает землю и все вокруг исчезает в густом облаке из пыли, огня и камня. Проходят секунды, и Филиппыч видит, что дом развалился и осел, засыпав не только защитников, но и немцев.

Ребенок, сбитый камнем или воздушной волной, лежит на земле лицом вниз. Унтер переворачивает девочку, убеждается, что она мертва.

Осмотрев развалины, немцы уходят. Филиппыч и Надыров дожидаются ночи. Лишь по пути к своим Филиппыч нарушает тягостное молчание: «Погибли бы тоже и задание не выполнили». Надыров ничего не отвечает, только напряженно сопит, и от этого сопения Филиппыча бросает то в жар, то в холод...

Старик плохо помнит лицо Надырова, но лицо девочки и поныне как перед глазами. Правда, в це-

лом, без деталей. Разве что бледность. «А нос? Какой у нее был нос?..» И тут с памятью творится неладное, будто наваждение. На тщедушном тельце в белом платьице вырастает голова Петьки. Петька смотрит озабоченно, с испугом.

Видение повторяется, и до Филиппыча доходит тайный смысл: потерей Петьки наказан Филиппыч за безвинную гибель глухонемой...

«Ни одна ошибка, ни одна слабость не проходит бесследно,— казнит себя старик,— ни одно злое действие не остается без последствий. Жизнь тычет в нос заблуждениями, и время тут ни при чем...»

Терзается Филиппыч. А если разобраться, напрасно устраивает себе «голгофу»: дай бог каждому пройти войну так, как он. И в штыковые контратаки ходил, и танками не раз утюжен был, и в артобстрел заживо заваливало, и при переправах тонул, не выпуская из рук оружия...

Не кричат по вечерам голодные птицы, не сбиваются в безумные стаи: тепло и пищи вокруг предостаточно припасено цветущей землей. Но каждый вечер согнутая фигура Филиппыча неизменно маячит в пустеющем парке. Вдали играет оркестр: звуки приплывают, утомленные большим расстоянием. А на аллеях заводят песни неугомонное комариное племя. Дали окутываются в лиловую дымку, деревья сливаются воедино, словно у леса слипаются глаза. Городские шумы все глушше и все отчетливей. Прокладный ветерок проходит степенно и неторопливо, как сторож. И чудится Филиппычу, что все сон: вся жизнь — затянувшийся сон, и не понять, что действительно было, а что присочинилось значительно позднее. Что приключилось вчера, а что совершилось годы тому назад. Все устроено так таинственно и так непостижимо, что он, Филиппыч, может разом видеть и себя — молодым, сильным,— и Петьку, грустно глядящим на деда перед роковым отъездом; и сына своего, Петькиного отца,— грудным и несмышенным, а рядом — жену-покойницу, такую ласковую и такую заботливую...

Что люди знают друг о друге? Много ли им ведомо из того, что на чужом сердце?..

Росистым утром, вскинув голову, шагает по улице высокий и худой старик в военной форме. Динькают медали, поблескивают ордена. Редкие прохо-

жие с любопытством присматриваются к седому человеку со взором, высматривающим нечто далеко впереди. Иные усмехаются старческим причудам, другие, подогадливей, видят в парадном марше последний вызов судьбе, третьи вспыхах соображают, не праздник ли... И никто не догадывается, что сегодня — годовщина Петькиной смерти...

НИКОЛКА И БАЛАГАН

— Смотри же, не потеряй карточки, — наказывала мать. — Выйдешь на площадь, спросишь, где хлебный. Площадь знаешь? Где елку в прошлом году ставили, напротив госпиталя. Ты поскорей, мне сегодня на завод надо пораньше...

Николка важно кивнул, деловито зажал в кулачок желтые квадратики на крупу и синие пятирублевки. Выходя из дома, услыхал, как мать вновь принялась стирать белье: шур-шур-шур — короткие, упрямые звуки, будто шинкуют кочан капусты.

Он миновал двор и забор, вдоль которого торчали сухие стебли полыни. У кучи золы, так и не убранной с зимы, лениво пошагивали куры. Иные вяло купались: спасались от паразита. Поодаль, беспокойно вытянув шею, стоял бесхвостый петух. Прямо перед ним щурился на солнышке скуластый хозяйствин кот. И петух и куры были тоже хозяйствинки: Николка с матерью жил в чужом доме. Они вообще жили в чужих домах с тех пор, как эвакуировались из Гомеля.

Тротуары подсохли уже. Неугомонный весенний ветер отовсюду тащил запахи дров, перекисшей капусты и керосина. Кричали, затеяв свалку, голодные воробы. Небо было синее-синее и очень высокое.

Николка глазел по сторонам, и необъяснимое волнение подступало к нему. С деньгами и карточками он казался себе самостоятельным и взрослым, хотя был невелик ростом и учился в первом классе.

На углу Слободской и Тимирязевской сидел безногий в матросском бушлате. Лицо калеки было выщерблено ожогами. Русые волосы трепал ветер. В кепке, что лежала на земле, желтели две или три монеты.

Николка остановился. Заприметив на бушлате орденскую звезду, полез за рублем, давным-давно полученным от матери на кино. Положил рубль в кепку, старательно присыпал его медяками — чтобы не снесло ветром.

— Куда идешь? — спросил безногий.

Торопясь и сбиваясь, Николка объяснил.

— А ты в цирке был?.. Вот и сбегай в цирк. Это здесь, за углом, — и протянул рубль обратно.

Николка обиделся.

— У меня еще пять рублей.

— Дома ждут крупу, — сказал калека и отвернулся. — Бери, не серчай, после разживемся, все прощее будет...

Вокруг торопливо сновали люди, гремел незримый оркестр, вертелся пес с обрубленным хвостом и виноватыми глазами: вероятно, потерял хозяина. Тут же две бабки продавали семечки и петушков на палочках. Общее возбуждение сразу же передалось и Николке. Он забегал в поисках кассы, горя нетерпением увидеть смешной, одноколесный велосипед и на нем принцессу, которая улыбалась с афиши.

Дешевые билеты были распроданы, и Николке пришлось выложить целых три рубля. «Последнее представление в сезоне», — припомнились слова рыжего клоуна, что зазывал публику на спектакль с помоста перед входом. «Ведь последнее, и больше не будет. Лучше в кино ни разу не пойду и на мороженое просить не стану».

Терзаясь от того, что истратил деньги без спросу, Николка уже не думал о прозрачном, сладком леденце, который так и просился под язык. Но когда незнакомая девочка, отодвинув со щек пестрый платок, засунула в рот петушка, всего целиком, Николка расстроился:

— Эх ты, нужно было пососать сначала грешок!

Девочка посмотрела круглыми глазами и высокомерно шмыгнула носом. Николка хотел сказать ей что-нибудь обидное, но тут ударил барабан, и звуки труб заполнили пространство бродячего цирка: начался парад исполнителей.

Это было интересно, интересней, чем посидеть в кабине настоящей машины, подпрыгивая на сиденье, крутя понарошку руль и дотрагиваясь до

черного набалдашника переключателя скоростей. Впереди шел обнаженный по пояс силач с алоей лентой через плечо. В руках у него были пудовые гири, а он подбрасывал их легко, будто резиновые мячи. За силачом семенил худощавый дрессировщик с длиннющими, как у жука, усами. Дрессировщик тащил на веревке белых собачек в синих трусиках. Потом прошелепал в огромных башмаках уже известный Николке рыжий клоун с сизым носом. Клоун раскланивался и что-то кричал, вероятно, смешное, потому что вокруг смеялись, и Николка смеялся, хотя слов не разбирал.

Номера следовали один за другим. Лаяли собачки, бегая на задних лапках, медведь катил по кругу пустую бочку, скакал на лошади рыжий клоун, то и дело падая на поворотах под хохот зрителей. Оркестр играл туш, пахло потом, семечками и опилками. Оглушенный, растерянный, восхищенный, Николка сидел, боясь упустить, когда появится принцесса.

И вот она появилась — в прозрачном, как у Дюймовочки, наряде. Сделала несколько кругов на колесе, и Николка почувствовал, что она необычайно красива. Золотые волосы трепетали, как ленты, лицо было розовое и губы такие красные, будто на них наклеили лепестки мака. Да, это была настоящая принцесса!..

А потом принцесса показывала фокусы: тряслася носовым платком, складывала его вчетверо и доставала из складок желтых пушистых цыплят; из пустой шляпы вытягивала разноцветные шали; предлагала зрителям порвать фотографию, а затем показывала совершенно целую — без малейших следов разрыва; брала в руки волшебную палочку и без ошибок угадывала, у кого в кармане медные деньги...

Она могла все, и это нисколько не удивляло Николку.

По манежу бегали на ходулях, но Николка уже утратил интерес к цирковым трюкам, он думал о принцессе-волшебнице. В его голове созрел целый план. Во-первых, палочка. Он одолжит волшебную палочку и с ее помощью соберет всю медь, что потеялась на улицах. Себе он возьмет только три рубля, а остальное отдаст безногому матросу. Нет, он возь-

мет еще денег на петушка. Нет, на двух петушков: одного для себя, другого для Варежки, младшей сестрички Вари.

А еще? А еще нужно попросить починить ботинки. Он принесет и свои, и Варежкины, и мамины, принцесса произнесет заклинание, и они станут как новенькие. Даже сапожник не может сделать из старого новое, а принцесса может.

И еще — и это главное — пусть скажет, где его отец...

Вот уже два года, как матери сообщили, что Николай Иванович Берендеев пропал без вести. Соседка твердит, что погиб на фронте, а мать не верит, и Николка тоже не верит, потому что Николай Иванович Берендеев — его отец. Может, фашисты поранили отца, и хотя война кончилась, он лежит в госпитале и не знает, куда написать. Пропасть он не может, никак не может, потому что человек не иголка.

Пусть скажет, где отец...

Представление давно окончилось, зрители давно разошлись, и какие-то люди принялись разбирать трибуны. Они отдирали и отколачивали доски, орудуя молотками, а Николка терпеливо стоял у служебного входа.

Наконец спросили, кого он ждет. Николка объяснил, что ему нужна тетенька, которая ездила на одноколесном велосипеде и показывала фокусы. Он побоялся назвать ее принцессой, потому что спросивший был обычным рабочим и к чудесам, конечно, не имел никакого отношения. Рабочий усмехнулся, провел Николку в темный коридор и сказал: «Жди тут, она выйдет».

Николка ждал, и время тянулось очень медленно. Он представил, как вернется домой без крупы, как мать рассердится и станет кричать, что ей нечем кормить его и Варежку, а он, не говоря ни слова, поставит перед ней новые ботинки и еще спросит: «А хочешь знать, где папа?» Она удивится и заплачет, а он...

Но тут из комнаты вышла женщина в шинели:

— Кого-нибудь ждешь, малыш?

— Тетю, которая показывала фокусы. Волшебницу.

— Вот как? — женщина улыбнулась и, подталкивая, вывела Николку во двор.

Огненный закат рассыпал по двору косые, резкие тени. Повсюду лежали большие ящики. Тощая лошадь, пофыркивая, собирала с земли остатки сена.

— Это я показывала фокусы.

Николка недоверчиво посмотрел на женщину: ни розового лица, ни красных губ, а башмаки истоптанные и облезлые.

— Это была я,— повторила женщина и подмигнула Николке.— Не узнаешь?

— Не-е,— Николка нахмурился и спрятал руки в карманы.

Женщина пожала плечами и пошла прочь. Быстрой, решительной походкой. Цлик-цлок, цлик-цлок — застучали подметки.

Николка постоял-постоял и вдруг, сам того не ожидая, побежал за женщиной. «Надо слово,— додгадался он.— Заветное слово. Без него волшебства не бывает...»

Но он не знал, какое слово надо сказать принцессе, и оттого по щекам неудержимо катились слезы. «Все равно вспомню,— спотыкаясь, шептал он,— все равно!..»

НЕВИННУЮ ДУШУ ОТНЯТЬ

С хрустом переломились сухие, промерзшие прутья лещины, скрипнула, слипаясь, еще не устоявшийся ноябрьский снег — Лось торопился поскорее отыскать свою подругу и потому терял осторожность.

Но, может, он совсем постарел и разучился скользить почти бесшумной тенью? Может, виною тому предчувствие, что он теряет Лосику навсегда?

Лось не нашел Лосику на прежнем месте у опушки старого соснового леса, сопрягавшегося с вырубленным участком, где было много сладкого и сочного подроста, особенно березы и осины.

Лось хорошо знал этот участок, в летний безветренный зной охмелявший запахами земляники, мхов и вереска, пушистых елок на взлобке, где встречались в изобилии маслята и нежные моховики, ниже, за полосой хлипкого березняка, розовели россыпи иван-чая, пламенели соцветья дикой гвозди

дики, ласкал глаз зверобой — приходи, ешь и ле-
чись. И он приходил вместе с Лосихой, жевал мож-
жевельник, прочищая желудок, а спускаясь ближе
к лесному, прозрачному озеру даже и в пасмур-
ные дни, искал и находил кусты черники, голубики,
у самой воды хрустел стеблями аира, тоже полезной
пищи, когда загустевает слюна и пропадает аппетит.

Лось был, конечно, уже стариком. Правда, еще
крепким, даже - могучим — он носил самые вет-
вистые и тяжелые рога во всей округе, одним ударом
которых пришиб как-то громадного волка-прише-
ца, резавшего оленей и вздумавшего напасть на Лоси-
ху в ту пору, когда он еще ухаживал за ней.

Год назад Лось крепко побил молодого соперника
и разогнал еще троих ради красавицы Лосихи,
только-только вошедшей в брачный возраст. Ему,
старику, не верилось, что еще возможна такая ра-
дость и такое счастье, но Лосиха привязалась, по-
чувствовав его опыт, мудрость и добрый характер,
обкатанный многими потерями и великим знанием.
Эта молодая Лосиха будила в нем интерес и энер-
гию — она любила бродить по незнакомым местам,
умела чувствовать красоту. Напрягаясь всем телом
и наставляя уши, она благоговейно смотрела на ре-
ку, вечную плынь, над которой зыбился легкий туман,
слушала грустное пение лесных птиц. Она лю-
била взбираться на песчаный холм и смотреть отту-
да, как за лес опускалось солнце, и воздух холоднел
и уплотнялся, и звуки глохли, и все живое умиро-
творенно провожало эту великую радость — солнце.
Момент, когда оно опускалось, был священным —
никто не пил воду, никто не кормился, никто не
охотился. Все понимали, что они равно ничтожны
перед этой могучей рекою тепла и света, и, если не
подтвердят свое восхищение, светило может не
явиться, и ночь затянется, и это разрушит все тече-
ние жизни.

Лосиха отелилась в мае, когда распустилась
черемуха.

И то ли из-за того, что был крупный теленок,
то ли по какой другой причине, о которой не знал
старый Лось отец, но плод вышел на волю мертвым,
и Лосиха с тех пор стала быстро хиреть: в глазах
пропал былой блеск, они налились темной тоской,

шерсть на загривке посветлела, подшерсток совсем поредел.

Иной раз целыми днями Лосиха лежала под елью или за кустами лещины, тяжело дыша и перхая, и солнце было ей совсем не в радость — она стала избегать припека и ясного света. Стоило немалого упорства заставить Лосиху встать, чтобы идти на водопой или на утреннюю кормежку. И вот что приметил старый Лось: она стала предпочитать пить из ручья или из болота, наотрез отказавшись даже подходить к реке, правда, обмелевшей, местами изгаженной урчащими и воняющими за версту железными чудовищами, на которых туда-сюда сновали суетливые люди. Да, конечно, изменился даже вкус воды, и старый Лось, любивший иногда встретить тут солнце, малиновым гребешком прораставшее из-за дальнего леса или желтым, рысым глазом светившееся в плотном тумане, неожиданно приметил, что поредели ватаги комаров и умолкли лягушки, любившие прежде попеть там, за кочками осоки в камышах, — их предвечерние хоры навевали сонливость, благостность и какие-то неопределенные воспоминания.

Появилась еще и другая причуда в поведении Лосихи: она стала избегать некоторых привычных мест кормежки. В дни, когда Лосиха была особенно слабой, Лось звал ее на рапсовое поле за рекою, по краям этого поля буйнели россыпи люпина-самосея. Лосиха не только отказывалась, но вела себя такзывающее и беспокойно, что старый Лось безропотно покорялся, чтобы не отнимать последних сил у своей подруги.

Подозрение о какой-то страшной беде, постигшей лес и лесных жителей, а вместе с тем и Лосиху, зародилось, когда Лось увидел на берегу реки дохлых вьюнов и небольшого сома, а в ольшанике наткнулся на труп болотной совы. Вот тогда он вспомнил и о том, что аисты, две семьи, жившие за лугом у реки, ближе к деревне, давно снялись с обжитых мест и улетели. Или они тоже погибли?

Приметив за собой, что он тоже стал быстро уставать и часто испытывал боли в брюхе, отец Лось решил уйти из этих гибких мест, уйти навсегда, и Лосиха покорно последовала за ним, хотя переходы давались ей с большим трудом.

Лось повел подругу в пущу на северо-запад, зная, что там спокойно, что, в случае чего, всегда можно рассчитывать на кормушку. Правда, он никогда не унижался до того, чтобы есть из чужих рук,— это было уделом бесшабашных косуль и оленей или потерявших гордость зубров, но теперь речь шла о спасении хворой Лосихи. Она теряла силы, а бессилие всех делает говорчивыми.

Переходы были небольшими, но молодая Лосиха едва-едва осиливала их. Хуже всего, что она почти ничего не ела, только воду пила все чаще и после водопоя становилась сонной и равнодушной.

Она стала чувствительна ко всяким шумам и к людям испытывала то ли великий страх, то ли какую-то брезгливость: не съела ни пучка овса, когда однажды им пришлось пересечь возделанное поле.

Эта зима случилась ранней и холодной, но корма, конечно, повсюду хватало. Старый Лось дважды приводил свою Лосиху к стогам сена, но она не тронула ни былинки, только посмотрела ему в глаза и пошла прочь, помахивая коротким хвостом.

Вскоре ударили морозы. Лось почувствовал, что вот-вот сбросит свои рога,— он даже желал поскорее освободиться от них, слишком тяжелых, затруднявших движение в чаше, где стало сбиваться небольшое стадо: к ним присоединилась еще одна пара, давно знакомая ему, и вовсе незнакомый лось с черной бородою, сломанным рогом и надорванным ухом.

Объединившись, было веселее переносить унылые серые дни и морозные, а то и пуржливые ночи: как назло, по ночам целую неделю хлестал снежный заряд. Да и обороняться, в случае чего, было удобней: к стаду редко приближались волки и коварные рыси, конечно, не отваживались нападать. Впрочем, старый Лось и не помнил такого, чтобы рысь резала лося, а вот молодые олени не раз платились за свою беспечность.

Ночами старый Лось располагался в снегу с наветренной стороны, прикрывая собою Лосиху, или вовсе дремал, стоя подле нее.

А Лосихе становилось с каждым днем все хуже и хуже. Дыхание сделалось отрывистым, бегать, как прежде, она уже не могла. Старый Лось, жалея подругу, иногда лизал ее нос и волосатый подбородок,

где от дыхания постоянно намерзали сосульки.

И пришел день, когда она не смогла встать со своей лежки. Сделала попытку, напружив плечи и беловато-серые ноги, но в бессилии тотчас опустилась.

Старый Лось издал короткий, встревоженный рев — понял, что Лосиха умирает и умрет неизменно, если ей не окажать помощи. Он взял ее за ухо своими губами, потеребил. Она ответила тусклым, безразличным взором.

«К людям!» — тотчас решил он.

Люди не вызывали у старого Лося большого доверия. Он давно убедился, что они непостоянны, но все же они были могущественны, носили одежды, ездили на лошадях и железных чудовищах, они владели стогами сена и солью, — они могли помочь. Более слабый всегда верит в помощь более сильного,

Конечно, люди нередко убивали оленей, но лоси, хотя и относились к оленевому племени, были более древнего рода, и люди должны были считаться с этим.

Лаская губами морду Лосихи, покусывая ее за ноги, старый Лось поднял свою подругу, наконец, с ночной лежки. Не давая ей опомниться, тотчас повел к неблизкой деревеньке — сотоварищи по зимовке молча проводили их сочувственными взорами.

Не рассчитал старый Лось: избрал кратчайший путь, а путь этот за грядой холмов, поросших красноватым, звонким сосняком, преграждала канава шириной метра два и такой же глубины. Лось перепахнул через нее без усилий, а Лосиха пошла по песчаному гребню канавы.

Получилось, что они не сократили, а удлинили свой путь. Возле проселочной дороги, по которой проехали два синих железных чудища на огромных колесах, Лось с Лосихой приостановились. Лось решил, что, пока Лосиха передохнет, он сделает небольшой круг, чтобы вновь найти кратчайший до людского жилья путь — из-за канавы они взяли так далеко в сторону, что ветер никаких других запахов, кроме обычных лесных, не приносил.

Когда Лось возвратился на прежнее место, Лосихи уже не было.

Куда она подевалась? Куда пошла?

Следы довели его до проселка и пропали, сбитые следами рубчатой резины, а запахи все утонули в ошеломляющей вони жидкости, которой всегда пахли движущиеся железные чудовища.

Куда было идти?

Меж тем пространство начало сереть, мертветь, затаихая перед сумерками.

«Пошла к людскому жилью,— решил Лось.— Куда же еще? Стало совсем плохо, и она решилась...»

И он уверенно зашагал к поселью, ловя запахи широкими ноздрями и сортируя их: вот запах грязных полевок, и под снегом продолжающих прожорливый промысел, вот запах куропаток, затаившихся в кустах и еще медлящих с ночлегом, вот запах замшелого, подслеповатого секача, угрюмым утюгом промчавшего где-то у дороги, вот запахи сосновых шишек, вылущенных за день шустрым дятлом...

Лось уверенно перешел через огороды и стал приближаться к крайней, стоящей совсем на отшибе избе.

Метров тридцать до человеческого жилья, скрытого яблонями и сиренью, еще оставалось, а старый Лось, обмерев сердцем, уже все прочитал в струях воздуха. Может, всякий другой зверь на его месте немедленно повернулся обратно и унесся скачками в сизое, стынившее пространство поля и дальше — в густой перелесок, но старый Лось преодолел страх. Что бы ни было, он не мог покинуть Лосиху, зная, что с ней случилась беда.

Но как было поверить слишком уж жестокой правде?

Вот ее следы,— она пришла сюда с другой стороны, пришла сама, как и он, поверив, что люди помогут,— зачем, зачем оба поверили в то, что отвергала их звериная подспудная прапамять?

Повернув точно по следам своей подруги, Лось, прошуршав голыми ветвями яблонь, вынырнул почти перед окнами дома, на грядках, где зеленые щетки клубники торчали из-под снега.

«Лось! Лось!» — закричали испуганные голоса, трое плотных, как бревна, мужчин резво вскочили, оторвавшись от своего дела, и отпрянули со страхом, один из них схватил прислоненное к избе охотничье ружье и вскинул его трясущимися руками...

А дело было такое — страшное было дело, и старый Лось, остановившись как вкопанный, все разом увидел, и слеза, огромная, как хрустальная луна, выкатилась из его глаз...

На истерзанном возней снегу, перемешанном уже с землею, лежало окровавленное, разрубленное пополам тело Лосихи — торчал из ее серебристого брюха окровавленный по рукоятку топор. Голова ее на короткой шее была мученически закинута назад, в открытых глазах замер овал белого неба.

Было ясно, что они, эти плотные, как бревна, люди в телогрейках и треухах, провонявшие жженым табаком и мерзкой водою, убили хворую Лосиху, когда она пришла просить о помощи. Вероломство было столь огромно, что старый Лось тотчас отбросил всякую мысль о мести. Он мог бы, если бы ничто не сдерживало его, расшвырять и даже забить насмерть этих убийц, вообразивших из себя охотников только потому, что у них было оружие и, стало быть, перевес силы. Но он слишком сознавал, как они жалки в своем преступлении и как несчастны, если не понимают и никогда не поймут своего несчастья.

«Стре-ляй, па-ла!» — визгливо заорал один, закрываясь окровавленными руками.

Столбы огня ослепили старого Лося. Боли он не почувствовал — ноги подкосились сами собой, и он рухнул на брюхо, продолжая в упор глядеть на своих истязателей. А они расширившимися глазами на исковерканных гримасами лицах следили за его конвульсиями. Тот, что выстрелил от угла хаты, сломав стволы, пытался перезарядить ружье, но руки не слушались его...

Старый, многоопытный провидец Лось впервые в своей жизни плохо понимал то, что произошло. Он чувствовал, что умирает, но не испытывал страха и даже считал, что после смерти Лосихи, смерти, которую он ускорил, ему больше нечего делать на земле.

Он жалел Лосиху. И еще жалел этих незадачливых охотников, навечно осквернивших двойным убийством свой дом, — неужели они не понимали, что всякая радость теперь навсегда уйдет из этого дома? Уйдет от всех этих людей, стрелявших прежде всего в самих себя?

В самих себя — поймут они или не поймут, само

течение жизни непременно докажет это, потому что законы природы непреложны.

О, если бы старый Лось умел изъясняться человеческими словами! Пожалуй, тогда его мысли приняли бы иной вид...

Как же слабы вы, могущественные люди, умеющие седлать железных драконов! И как беспомощны перед хищной своей глупостью! Как не умеете видеть собственное сердце и собственную душу! Как далеки голосам и чувствам взлелеявшей вас Матери-природы!

Плоды ваши несовершены, потому что несовершены вы сами. Вы тянетесь к тому, что бесполезно, восхищаетесь тем, что бессмысленно, служите тому, что преступно. Вы всегда искали и ищете того, кому можно приписать все свои слабости, перед кем можно покаяться в тайных пороках, от кого можно получить согласие на все, что хотите. Как слаб, жалок и несчастен придуманный вами бог! Этого не скроют ни храмы, воздвигнутые в его честь, ни золото, из которого отливают его изображения, ни сонм жрецов, поющих ему от имени правды...

Вы ищете бога, как мошенники ищут безопасного укрытища. Вам непременно нужен кнут, погоняло, начальник, образ, а то, что подлинный образ совершенного здесь — перед вами, — вы не хотите поверить, потому что, поверив, нужно действовать, а не молиться, жить, а не рассуждать все о жизни, нужно, наконец, отвечать перед собою, а не искать исповедника, отпускающего за мзду грехи.

Мы, животные, осознаем полное равенство между собой и еще то, что все мы дети одной Матери, и потому нам нет нужды искать бога или пастыря. В той иерархической среде, в которой, видимо, живет человек, лживая и рабская ответственность перед более сильным стала главной, тогда как главной должна быть ответственность перед самим собой. Можно ублажать тирана убийством его недруга — это будет ложью собственной жизни. Можно повиноваться хозяину ради похвал его — и это будет ложью. Только тот, кто во всем ответит самому себе, честно ответит и всему миру.

Лживой мудрости и лживым богам служили охотники, убившие меня с моей подругой, — душа их невежественна и темна, она ничего не спрашивает

у их сердца, и оттого сердце пребывает в постоянном стеснении и страхе.

Да, мудрость — не рассуждение о мудрости, но совершенная жизнь в мире, признаваемом за совершенный, постоянное ощущение совершенства своих возможностей. Посмотри, человек, сколько вокруг живого света! Ты не ценишь его. Ты стенаешь о не-проглядном мраке своей души, будто кто иной виноват в том. Посмотри, сколько вокруг чистого воздуха, сколько зеленых трав и злаков, сколько прекрасной, утоляющей жажду воды! Разве ты ценишь эти блага? Разве не роешь каналы, не осушаешь болота, не загрязняешь реки? Но когда приходит беда, ты мечтаешь о глотке воды больше, чем о куске хлеба, разве не так? Когда приходит беда, ты вспоминаешь о воздухе, который отправляешь пожарами и запахами ядов своей скученой жизни. Ты не ценишь то, что принадлежит всем в равной степени, но это самое бесценное и самое святое. Мы, звери, сознаем это, а ты, быть может, еще только начинаешь толковать об этом, не понимая, что истекает время твоего прозрения и нужны не слова, а новая мораль...

Понять другого — это служить всем. Когда живешь правильно, рассуждения излишни. Даже память излишня, даже память, потому что позади оказывается то же, что и впереди...

Если бы старый Лось мог изъясняться скучным и бедным человеческим языком, отражающим скучность и бедность чувств и связей, он бы, возможно, сказал еще и такое: высшая мудрость не нуждается в словах, все слова мира тесны для подлинной мудрости, и самые мудрые — камень, тропа, звезды... Убить из-за своей похоти глупее, чем не убить, и взять лишнее — губительнее, чем не взять вовсе.

Люди жаждут владеть беспредельно и жить вечно. Они хотят жить за чертой своей смерти — верх несправедливости и жестокости, ибо великое — не то, что остается, но то, что продолжает, не то, что у всех на устах, но то, что у всех в сердце. Жаждать личного бессмертия да еще подло ссылаться при этом на богов и природу — это перечеркивать великолепие короткой жизни, где только слитность и кажущееся однообразие струй выражают общий гениальный замысел течения. Поделите реку на части, и она умрет, поделите историю на куски, и она пре-

вратится в мертвую лужу, никак не подобную океану бытия.

Вам приходится выбирать на каждом шагу — вы движетесь в лабиринте, который создали сами. Но откуда такое высокомерие к тем, кто отверг лабиринт и сделал выбор раз и навсегда?

Отчего вы, люди, не цените, не умеете ценить то благо, которое даровано вам по рождению? Отчего дерзко хотите большего и уповаеете на продолжение жизни, хотя бы в мысли, в картине, в славе, в накопленных богатствах, в злодействе? Вот ваше главное заблуждение, вот оскорбительная темнота вашего сердца, в котором так мало бескорыстия и благородства. Но что я глаголю глухим, что указываю перстом перед слепыми? Разве вы согласитесь когда-либо, что вся мудрость уже высказана, все тайны открыты в явлениях природы и мироздания, вот они — живые и осязаемые в живом мире, и все-гто-и заботы, чтобы благодарно принять их и жить ими, а не тщиться разорвать кольцо жизни и каждой доле дать имя, внести его в словарь бессмысленного порой языка, по-разному называющего одно и то же и одинаково определяющего противоположное. Ваш язык был костылем, который помог вам научиться ходить. Так отбросьте теперь его прочь, если способны бегать, плавать и парить в небесах жизни! Отбросить — не значит отказаться от него вовсе, а значит заговорить языком самой природы. Не сильтесь назвать по имени каждую струю ветра — это игра беспомощных. Я плачу от того, что люди присвоили себе право считать себя высшими и более совершенными по отношению ко всему остальному миру, наполняющему природу, — как коварно они обманули самих себя! Вы не выше, потому что природа зиждется на полном равенстве, вы «ниже», пока упрямо не замечаете своего заблуждения. И только когда вы сравняетесь со всеми прочими, вы сможете сравняться и между собою, но никак не прежде того, никак не прежде.

Но едва сравняетесь, всем вам и каждому в отдельности раскроется то, что понятно нам, а для вас все еще великая загадка и мучительная тайна: для чего дана жизнь? А вот для чего: для жизни, для вечности жизни, для гармоничного течения ее. Нет горя от смерти, но безмерно горе от насилия, нет

счастья от приобретения и удачи, но велико счастье от вольного следования своему предназначению, нет радости от власти над красотою, но бесконечна радость от созерцания ее свободного самораскрытия, нет жизни в безделии и неге, но необъятно ощущение жизни в душе, побуждающей тело к каждодневному дерзанию. И вовсе излишне силиться состра-датель — надо лишь соизнавать свое равенство и свое тождество: все беды — в нас всех и все радости — в нас всех. Но сколь далека истина жизни от истины изреченного слова! Однако же кто не мечтает воспа-рить, у того не растут крылья...

Люди все еще не умеют ходить, не шатаясь из стороны в сторону, как пьяные рабы. Они поклоня-ются, мечтая разрушить храм своего поклонения, распинают ради того, чтобы лживо каяться, не верят создавшей их Матери, ибо не могут увидеть ее лика.

Прильните к своей Матери, доверьтесь ей полно-стью, и вы освободитесь от жуткой болезни одино-чества и потеряности, которой страдает каждый. Чем ниже вы опуститесь в стремлении сомкнуться с природой, тем выше подниметесь над собой, тем значительнее станет каждый из вас сам по себе — ведь вам кажется, что все мы, животные, на одно лицо, все подобны друг другу — зайцы, лоси, волки, лягушки. Но у каждого из нас свое неповторимое лицо и своя неповторимая судьба. Когда вы осознае-те это, вы, конечно же, иначе постройте свои связи с землей и с живыми тварями на ней,— они пере-станут быть мишенью непоследовательности и неве-жества, несовершенства и провалов морали.

Ради вас, не ради себя хочу понять, отчего так происходит, что безвинную душу лишают жизни, на которую не имеют никакого права.

Трудно понять, невозможно понять. Одно же не-оспоримо: пока люди враждебны к нам, они враж-дебны и к себе. Не туда, не туда завели вас горлопа-ны и насильники, не туда затянули шайки разбой-ников. Вы намучились в оглоблях,— труда боитесь. Так не труда, не труда бойтесь,— оглобель!

Есть примета: чем больше впрок запасет белка, тем короче будет ее век. Размер припасов — вот что меняет психологию. Кажется, чего тут особенного? Аи нет — не терпит природа стремления к безопас-

ности большей, нежели обладает сама. И наказывает беспощадно.

Домашние животные — вот у кого кабала. Но и они слишком мудры, чтобы восстать. Богатство для тела и богатство для души — вещи разные. Человек пытается сопрячь, соединить. Ничего не выходит. И не выйдет, пока он не умерит притязания, пока не признает, что между землей и солнцем должен быть воздух. Вот он, предел, который удержит от гибели: каждый должен носить в совести образ всего мира.

Вы, люди, превозносите свои раскаяния, дабы обелить преступления. Ищете покоя совести. Покаяние и сопутствующая ему молитва — не вершины изобретательного ума, а мерзкие компромиссы на пути развития или, точнее, освобождения совести. Нам, зверям, нет надобности раскаиваться, поскольку мы не совершаем преступлений. Если я, к примеру, сражаюсь за сумку в брачный период, так ведь я не преследую цели убить другого самца — хочу подтвердить свое право на продолжение рода. Если волк ловит и съедает зайца — это не преступление, а потеря в борьбе за торжество всей жизни. Люди, я слышал, пытаются прикрыть свой разбой ссылками на волка, поедающего зайца. Но сравнение вскрывает новую подлость изворотливого, но недалекого ума, который не хочет удовлетвориться самым необходимым, во всем ищет максимума.

Когда не хватает на всех, получить имеет право... не сильнейший, нет, не хитрейший, но тот, кто более всего готов заботиться о продолжении общего рода, о продолжении общей правды. Разве среди людей торжествует этот закон? Разве шайка ничтожеств, ничего общего не имеющая с человечеством и его культурой, не объединяется ради торжества над всеми другими людьми? Разве они не расхищают чужой труд и чужую радость, чужую мудрость и чужое вдохновение?

Насилие среди бактерий, растений и животных служит общему круговороту жизни и отбору все более совершенных особей. Насилие среди людей служит, как правило, несправедливости: уничтожению самых одаренных, самых совестливых, самых честных.

Человеку неизвестно, что преступление — только

тогда преступление, когда восстают против Природы, уравновешивающей все силы и страсти в своей милости процветающей жизни. Природа дает жизнь, свободу, возможность питать тело, плодиться и раздваться. Преступники — кто встает на пути Природы, кто разрушает ее связи и установления. Человек рожден голым и равным в своих естественных притязаниях. И если один гол, а другой одет — это преступление. Если один сыт, а другой голоден — тоже преступление. Если один господин, а другой раб — это преступление, которое делает бесконечной цепь преступлений.

Мы не делаем умышленного зла, но мы не отрицаем существование зла как такового. Это дело несовершенного, это дыхание безобразного. Борьба ради совершенства — закон жизни. Останься одно добро или одно зло, и жизнь тотчас же захирела бы и исчерпала самое себя, как она исчерпалась бы, если бы установился кругом вечный и жаркий день.

Человек не понимает всей сложности понятий добра и зла. Его так и подмывает назвать добром взятку своей разовой жертвы, а злом — всякое действие инакомыслящего. О, тут все сложнее, намного сложнее, потому что проще. Так, смерть охраняет жизнь, но люди боятся смерти, потому что чаще всего умирают от бессмысленного насилия, противного основам жизни...

Когда туман и лед служат сохранению богатства воды — это одно. А если служат уничтожению этого богатства? Думайте, думайте, все равно ничего не поймете, пока не усвоите новых понятий, а они — в сердце...

В трудах и муках вы ищете в себе основы своей морали, я нахожу ее легко вне себя. Моя мудрость — это моя мораль, разлитая по всему миру. Вы ищете ее, не зная, что она вокруг и начинается с бескорыстия солнца, соединяющего воедино влагу и землю. В лучах солнца содержится сила, знание и любовь одновременно, но что знает об этом человек? Умеет ли он своими каждодневными действиями излучать силу, знание и любовь, как их излучают лес, ручей, бобры, строящие запруду, даже волки, в лютую ночь отправляющиеся на промысел? Не к себе любовь, не о себе знание, не только для себя силу?..

Жизнь и есть высшая суть. Она не нуждается в самопознании как самоцели, потому что до нашего опыта отвечает всем истинам природы. Мы, звери, знаем, что есть добро и зло, но мы не знаем, что можно обойтись без зла. У нас нет сомнений. Мы принимаем факт, тогда как человек способен отрицать то, что видит, и то, что делает. Поведение человека определяет боль и страх перед болью, весь бессловесный мир преисполнен радостью, это его стимул. Мы хотим радости как справедливости. Человек хочет исполнения желаний, умиротворения, отсутствия боли и страха,— какая бездна между нами!

Мы не знаем ни богатства, ни власти. Вас истязают богатство и власть. Да, у нас есть вожаки, но у них нет ни особых имен, ни золотых шапок. Мы сражаемся только ради вечности рода, мы защищаем чудо природы, а за что сражаются люди? Да, мы любим жизнь и пытаемся сберечь ее. Но мы не боимся умереть, тогда как человека терзает страх за все. Как выродок, он способен по прихоти отнимать жизнь у других и у себя самого,— это ли не предательство Матери, нас создавшей, это ли не выражение неблагодарности к Ней, вечно скорбящей о нашем несовершенстве?

Люди верят, когда чувствуют то же, что им внушают. Поэтому они ошибаются. Но мы лишены (точнее: лишились) пустого многообразия интересов и ощущения трагического несовершенства жизни и оттого не сомневаемся — наши чувства и вера совпадают. Отсюда видно, как непросты задачи человека,— поневоле испытываешь к нему сострадание и жалость.

Стихия эгоизма создала неуправляемый мир. Люди пользуются моралью, не оправдывающей себя с точки зрения жизни. Более того, повсюду несут свою мораль, разрушая здание жизни, покоящееся совсем на иной морали. Если инстинкты уже не сигнализируют о роковой опасности, это свидетельствует о том, что человек втащил нас в погибающий мир.

А ведь все просто, когда справедливо. Из любой души, в которую заглядывают лучи солнца, дыхание ветра и звуки струящихся вод, растет жизнь, и жизнь эта многообразна и чудесна. В том все волшебство и великолепие мира, что он поселяется

в каждой душе. И перед истинной красотой мира немы и бессловесны скорее люди, нежели звери...

Мы тоже знаем, что смертны. Но у нас нет тревоги, потому что мы ничего не оставляем в мире, мы все носим в душе, душа — все наше богатство. И мы уносим его с собой. Чего же нам бояться?

Но полно, полно. Я слишком разговорился вашим игристым языком. Нет-нет, это неправда, что без него невозможны понимание и размышление. Основа слова — образ, символ, связь. Но разве нельзя объединить все символы в постижении самой реальной жизни? «Пища», «пень», «далеко» — для меня это все осколки единого чувства жизни. Слова нужны тем, кто противится законам жизни, кто путем слова и заговора стремится утвердить свое могущество над Природой, а кто ласково покоряется ей, как высшей правде, слова излишни. При великом горе или при великой радости все бессловесны. Известно ли вам отчего?

Впрочем, я преувеличиваю, — я нисколько не хочу, чтобы человек уподобился зверю и потерял свою особую речь, он должен только с тою же любовью прильнуть к миру иных жизней. Может, с еще большей любовью, потому что его долги гораздо больше...

«Кто я такой?» — самый пустой вопрос. Он возникает в искаженной душе и ищет искаженных ответов. Нельзя рвать корни, а это значит: от рождения и до смерти культивировать в себе чувство причастности, общности. Ты — всякий — часть целого, которое должно быть бессмертно.

Я слышал, что человек не уверен, что завтра не-пременно взойдет солнце. В этом его несчастье. Могущественный человек не знает о другом могуществе, когда все известно, и радостно, что все известно до такой степени, что всякий разговор об этом излишен.

Слышишь, как я посмеялся, а точнее, поплакал над тобою, человек? Ты спохватишься, конечно, спохватишься, поймешь, что пока останется на свете хоть один несовершенный, общий кислород жизни будет утекать через него в пучину смерти, как через адскую брешь. Ты спохватишься, станешь искать разгадку и совет в моих словах, но не торопись, не юли перед самим собой, не подмени покаянием по-

нимания и прозрения,— ты сам способен найти верные средства к своему спасению,— ведь и ты обласкан милостью нашей общей Матери. И поскольку тебе дан разум, существующий не только в пустом, но и в великом слове, ты обязан Матери гораздо более нас, отказавшихся от своего языка в волшебную пору простейшего совершенства. Но без нас ты не исполнишь долга новой любви и новой жертвы.

Прильни же скорее к нашей общей Матери, услышишь голоса, дотоле не услышанные тобою, увидь муки, дотоле безразличные для тебя, осознай долги, прежде не касавшиеся тебя. Ты сам — кругом, где тебя нет, и ты будешь вполне самим собой, когда станешь, наконец, жить в каждом из нас, в каждой вещи, что была, есть и будет. Счастье — не подарок, не стеченье обстоятельств, не всеобщее благоденствие, это — способность жить мудро, счастье — не удовольствия, а исполнение требований жизни...

Вот что, возможно, мы услыхали бы от старого Лося в сотую долю секунды, пока не замутился и не пропал его разум. Но старый, смертельно раненный Лось не владел человеческим языком, не был заговорен от пули: все так же глядя перед собою незрячими уже глазами, он завалился на бок, и горячая кровь побежала на снег, впитываясь в него.

«Бедная моя любимая Лосиха,— было его последним чувством.— Видишь, я не изменил тебе, не побежал прочь...»

— Мяса-то сколь привалило самоходом, елки-моталки, сколь мяса — пуды!— завопил голос, смятый и искаженный завистью и злодейством, казавшимися удачей и счастьем.— Чур, рога — мне, шкуру — ему, а мясо, мясо — бери сам! Свадьба — пригодится. Пойдет за первосортную телятину. Гульнем, мужики, рванем на всю гармонь, выпьем за новобрачных, за твое здоровье, стрелок, за мир на земле и наше взаимное понимание, а?

— Не дурей,— сказал другой голос.— Видишь, он еще живой, скребет копытом. А как встанет да врежет промеж твоих пучеглазых — в пятак?.. Стрельни-ка в ухо, слыши!..

Старый Лось уже не слыхал того нового, трусливого выстрела...

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЦАНЫ КУПИЛИ ОСТРОВ.

Повесть — 5

РАССКАЗЫ — 175

Филиппыч — 176

Николка и балаган — 186

Невинную душу отнять — 191

Издание для детей и юношества

СКОБЕЛЕВ Эдуард Мартинович

ПАЦАНЫ КУПИЛИ ОСТРОВ

Повесть, рассказы

Минск, издательство «Юнацтва»

Заведующий редакцией С. С. Панизник

Редактор Л. Н. Теляк

Младший редактор М. А. Поддубская

Художественный редактор Ю. Т. Терещенко

Технический редактор Н. П. Досаева

Корректор Л. С. Мануленко

ИБ № 1220

Сдано в набор 13.12.88. Подписано к печати 06.06.89. АТ 04185. Формат 84×108^{1/2}. Бумага тип. № 2. Гарнитура Школьная. Высокая печать с ФПФ. Усл. печ. л. 10,92. Усл. кр.-отт. 11,55. Уч.-изд. л. 11,35. Тираж 90 000 экз. Зак. 2094. Цена 70 к.

Издательство «Юнацтва» Государственного комитета БССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 220600, Минск, проспект Машерова, 11.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.